

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: [10.15293/2226-3365.1403](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403)

ВЕСТНИК Новосибирского государственного педагогического университета

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

3(19) 2014

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В. Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и гуманитарные науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

*науки о земле; физико-математические и
технические науки*

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

социально-экономические науки

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология и искусствоведение

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

филологические науки

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш. А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мукатаева Ж. М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л. И., д-р мед. наук, проф., акад. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В. З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М. М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е. В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю. И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э. В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Жафяров А. Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член.-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З. Р., д-р культурол., проф. (Нижевартовск)

Иванова Л. Н., д-р мед. наук, проф., акад. РАН
(Новосибирск)

Казин Э. М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Клочко В. Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н. А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И. В., д-р филос. наук, проф., акад. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О. М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С. Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В. И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Медведев М. А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л. А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю. Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т. И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В. П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А. В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В. И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н. П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К. А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, к. 22

тел. +7(383)244-34-50

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 20.06.14

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate

The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

**EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL
«NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»**

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Humanities Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Earth Sciences. Physics, Mathematics, Engineering Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor

Social and Economics Sciences

Ryapisov N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Cultural and Art Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Philology Sciences

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute, (Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Institute (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University, (Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof., Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester (Manchester, United Kingdom)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences (Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University (Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerasev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS (Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Fedorov V. I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E. V., Dr. of Psychological Sc., Professor, the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS, Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I. V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ. of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences, Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor (Kasnoyarsk)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor (Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T. I., Dr. of philological Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor (Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc., Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, r. 22

tel. +7(383)244-34-50

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

XIV филологические чтения «Активные процессы в языке: языковая личность – словарь – текст» в Новосибирском государственном педагогическом университете..	9
--	---

Активные процессы в свете проблем теоретической и практической лексикографии

<i>Ефремов В.А.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Современная академическая неогRAFия: проблемы и перспективы.....	14
<i>Плотникова А.М.</i> (Екатеринбург, Россия). Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе.....	22
<i>Черняк В.Д.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова.....	30
<i>Чернобров А.А.</i> (Новосибирск, Россия). Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей.....	37
<i>Сэрээнэн Ц., Цолмон Ш.</i> (Улан-Батор, Монголия). О дескриптивных толкованиях англицизмов в монгольском языке.....	48

Изменения в русской языковой картине мира. Трансформация в лексиконе, тезаурусе и прагматиконе современной языковой личности

<i>Трипольская Т.А., Гончарова Е.А.</i> (Новосибирск, Россия). Динамические процессы в лексиконе языковой личности.	57
<i>Шпильман М.В.</i> (Новосибирск, Россия). Гендерный аспект речевой маски: постановка проблемы и поиск ориентиров.	68
<i>Ружа О.А.</i> (Новосибирск, Россия). Есть ли дом у бездомного? (Представление о <i>бездомном</i> в русской языковой картине мира).....	75
<i>Григорьева Т.В.</i> (Уфа, Россия). Метафорическая оппозиция <i>белый – черный</i> и ее роль в языковой картине мира.	84
<i>Попова С.А.</i> (Новосибирск, Россия). Динамические процессы в семантическом поле «Смех» (на материале русского языка).....	91

Динамические процессы в лексической и грамматической системах языка

<i>Перфильева Н.П.</i> (Новосибирск, Россия). Об одном из активных процессов в области союзных скреп.....	101
<i>Кустова Г.И.</i> (Москва, Россия). Конструкции с рефлексивным местоимением и неодушевленным подлежащим.	111
<i>Никунласси А., Копотев М.</i> (Хельсинки, Финляндия). Формальные и функционально-семантические особенности отождествительно-уподобительных скреп <i>такой же... что и, столько же... что и, там же... что и</i> и т.п.....	125
<i>Эрдэнэмаам С.</i> (Улан-Батор, Монголия). О положении русского языка в Монголии и об интерферентных ошибках, допускаемых студентами-монголами.	138
<i>Сэрээнэн Ц.</i> (Улан-Батор, Монголия) О реализации деривационного потенциала англицизмов в русском и монгольском языках.....	144

*Формирование и взаимодействие институциональных дискурсов разных типов:
вариативность и деривационные процессы в системе речевых жанров и
функциональных стилей русской речи*

<i>Ташдемир И.</i> (Стамбул, Турция), <i>Скворецкая Е.В.</i> (Новосибирск, Россия). Тропы и реалии в языке художественного произведения и их соотношение с эстетическим знаком.....	153
<i>Столярова И.В.</i> (Новосибирск, Россия). Многозначность «сильных позиций» текста (на материале рассказов Т. Толстой).....	162
<i>Козлов А.Е.</i> (Новосибирск, Россия). Чтение, письмо и писание в провинциальном сюжете русской литературы XIX века.....	171
<i>Орлова Н.В.</i> (Омск, Россия). Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты.....	184
<i>Курьянович А.В.</i> (Томск, Россия). Эпистолярный в сфере рекламной коммуникации: к вопросу о стилистических трансформациях жанра.....	193

CONTENTS

PHILOLOGY SCIENCES

The 14th philological readings "Active processes in language: the language person – lexicon – text" in the Novosibirsk state pedagogical university.....	9
--	---

Active processes in the light of theoretical and practical lexicography

<i>Efremov V.A.</i> (St. Petersburg, Russian Federation). Contemporary academic neography: problems and prospects.....	14
<i>Plotnikova A.M.</i> (Yekaterinburg, Russian Federation). Modern tendencies in Russian lexicographical discourse.....	22
<i>Chernyak V.D.</i> (St. Petersburg, Russian Federation). Spontaneous lexicography as an instrument for exploring new words.....	30
<i>Chernobrov A.A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Principles, contents and types of linguocultural dictionaries.....	37
<i>Sereenen T., Tzolmon S.</i> (Ulan Bator, Mongolia). About descriptive interpretation of anglicisms in Russian and Mongolian languages.....	48

Changes in the Russian Language Picture of the World. Transformation of the Lexicon, Thesaurus and Pragmaticon of the Contemporary Language Person

<i>Tripolskaya T.A., Goncharova E.A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Dynamic processes in the lexicon of a language personality.....	57
<i>Shpilman M.V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Gender aspect of speech mask: the problem and search landmark.....	68
<i>Ruzha O.A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). House of the homeless (homelessness in Russian language picture world)	75
<i>Grigoreva T.V.</i> (Ufa, Russian Federation). Metaphorical opposition white and black and its role in language interpretation of reality.....	84
<i>Popova S.A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Dynamic processes in the semantic field “laugh” (in the Russian language).....	91

Dynamic processes in lexical and grammatical systems of language

<i>Perfilyeva N.P.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). About one of the active processes in the field of the connectors.....	101
<i>Kustova G.I.</i> (Moscow, Russian Federation). Constructions with reflexive pronoun and an inanimate subject.....	111
<i>Nikunlassi A., Kopotев M.</i> (Helsinki, Finland). Formal and functional-semantic features of identifying-assimilating correlative conjunctions like takoi zhe...chto i, stol'ko zhe...chto i, tam zhe...chto i, etc.....	125
<i>Erdenemam S.</i> (Ulan Bator, Mongolia). About the status of the Russian language in Mongolia and an inferential mistakes made by Mongolian students.....	138
<i>Sereenen T.</i> (Ulan Bator, Mongolia). About the realization of derivational potentials of anglicisms in Russian and Mongolian languages.....	144

Formation and interaction of institutional discourses of various types: variability and derivational processes in the system of speech genres and the functional styles of Russian speech

<i>Tashdemir I.</i> (Istanbul, Turkey), <i>Skvoretskaya E.V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Tropes and realia in the language of art works in the correlation with aesthetic sign.....	153
<i>Stoliarova I.V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Polysemy of "strong positions" of the text (based on the stories by T. Tolstaya).	162
<i>Kozlov A.E.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The concepts "reading" and "writing" in the provincial plot of the Russian literature of XIX century.....	171
<i>Orlova N.V.</i> (Omsk, Russian Federation). Accessibility of a contemporary official document: lingvopragmatic aspects.	184
<i>Kurjanovich A.V.</i> (Tomsk, Russian Federation). Epistolary in advertising communication: the question of stylistic transformation genre.	193

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

XIV ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

«АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ – СЛОВАРЬ – ТЕКСТ» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

17–19 октября 2013 года в Институте филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета состоялись четырнадцатые Филологические чтения «Активные процессы в языке: языковая личность – словарь – текст». Международная научная конференция проводилась в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 годы. В XIV Филологических чтениях приняли участие лингвисты Санкт-Петербурга (РГПУ имени А. И. Герцена и ИЛИ РАН), Москвы (МГУ, МПГУ), Новосибирска (НГПУ, НГТУ), Томска (ТГУ, ТГПУ), Башкирского, Омского, Уральского государственных университетов, Пермского государственного педагогического университета, университета Хельсинки (Финляндия), Миланского Католического университета (Италия), Харьковского государственного политехнического университета (Украина), Монгольского Государственного университета образования (Улан-Батор), Университета Фатих (Стамбул, Турция). В рамках конференции был заслушан 61 доклад. В конференции традиционно принимают участие в качестве слушателей студенты, магистранты-филологи новосибирских вузов, а также школьные учителя Новосибирска.

Ежегодная научная конференция в НГПУ посвящается исследованию какой-либо актуальной проблемы, содержательно связанной с комплексной исследовательской темой кафедры современного русского языка «Интерпретационный потенциал языковой

системы и творческая активность говорящих». Последнее десятилетие научной работы кафедры отражено в тематике Филологических чтений: «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мета- и реинтерпретация», «Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим», «Лакуарность в языке, картине мира, словаре и тексте», «Континуальность и дискретность в языке и речи», «Комментарий и интерпретация текста», «Полевые исследования в современной лингвистике: проблемы и перспективы», «Дискурс лжи и ложь как дискурс».

В этом году конференция, посвященная изучению активных процессов в языковой системе и коммуникации, проходила в следующем формате: в первые два дня состоялись пленарные и секционные заседания, в последний день работы конференции было заседание Круглого стола, посвященного источниковедческим возможностям текстовых и лексикографических корпусов.

Актуальность научной проблематики, связанной с исследованием динамических процессов в лексической и грамматической системах языка, в лексиконе языковой личности, а также в современном тексто-образовании и пунктуационной системе, обусловлена включенностью в более широкий научный контекст: изучение интерпретационного потенциала языковой системы и творческой активности человека.

В ходе конференции обсуждались следующие вопросы, связанные с проблематикой восприятия:

- Динамические процессы в лексической и грамматической системах языка: семантическая и словообразовательная деривация, заимствование и освоение языковых единиц; семантическая актуализация/деактуализация лексических и грамматических единиц, ресемантизация, возвращение в активное употребление и архаизация лексических пластов и др.

- Активные языковые процессы в свете проблем теоретической и практической лексикографии: расширение корпуса лексикографических объектов; расширение круга источниковой базы; отражение динамических процессов в русской лексике и различных свойств языковых единиц в словаре (портретирование слова); роль словаря в формировании картины мира носителей языка.

- Трансформации в лексиконе, тезаурусе и прагматиконе современной языковой личности.

- Изменения в русской языковой картине мира (в сопоставлении с другими картинами мира); переинтерпретация внеязыковой ситуации: изменение смысловых акцентов и аксиологических характеристик.

- Активные процессы в современном текстообразовании и пунктуационной системе русского языка: изменения в системе вводно-модальных элементов и скреп (связь с современной языковой ситуацией); пространственно-композиционные и другие пунктуационные средства текстообразования; деривационные процессы в тексте.

- Формирование и взаимодействие разных типов институциональных дискурсов: вариативность и деривационные процессы в системе речевых жанров и функциональных стилей русской речи.

- Формирование и использование в исследовательской практике современных баз

данных: корпусов текстов и лексикографических источников разных типов.

Предложенная тематика оказалась одинаково интересной для лингвистов разных научных направлений и школ, изучающих разные уровни языковой системы, особенности институциональных дискурсивных практик, проблемы национально-культурной и языковой специфики картин мира, особенности лексикографической интерпретации языковых фактов в словарях разных типов.

В свете обсуждаемых проблем особо актуальным и интересным оказалось обсуждение исследовательских возможностей, которые предоставляются текстовыми и лексикографическими корпусами. Ведущей Круглого стола была Г. И. Кустова, д-р филол. наук, ведущий сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, профессор МПГУ, один из разработчиков Русского национального корпуса.

В ходе Круглого стола «Источниковедческие возможности текстовых и лексикографических корпусов» обсуждались следующие проблемы: текстовый корпус и преподавание лингвистических дисциплин, текстовый и лексикографический корпусы в парадигме лингвистических исследований, корпусные методы в лексикографии.

В ходе пленарных заседаний заданы основные содержательные векторы всей конференции, которые получили дальнейшее развитие в докладах участников секционных заседаний: «Активные языковые процессы в свете проблем теоретической и практической лексикографии», «Формирование и взаимодействие разных типов институциональных дискурсов: вариативность и деривационные процессы в системе речевых жанров и функциональных стилей русской речи», «Изменения в русской языковой картине мира. Трансформации в лексиконе, тезаурусе и прагмати-

коне современной языковой личности» и «Динамические процессы в лексической и грамматической системах языка».

Пленарное заседание было посвящено обсуждению:

– активных процессов в языковой системе: доклады Н. П. Перфильевой (Новосибирск) «Об одном из активных процессов в области союзных скреп», Г. И. Кустовой (Москва) «Конструкции с рефлексивным местоимением и неодушевленным подлежащим», А. Никунласси и М.В. Копотева (Хельсинки, Финляндия) «Формальные и функционально-семантические особенности отождествительно-уподобительных скреп *такой же... что и, столько же... что и, там же... что и* и т.п.», Т. В. Григорьевой (Уфа) «Метафорическая оппозиция *белый – черный* и ее роль в языковой интерпретации действительности», И.П. Матхановой (Новосибирск) «Долженствование + понимание: новые тенденции в сочетании»;

– основных тенденций в современной лексикографии: доклады А. М. Плотниковой (Екатеринбург) «Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе», В. А. Ефремова (Санкт-Петербург) «Современная неография: проблемы и перспективы», Е. Ю. Булыгиной (Новосибирск) «Лексикографическая интерпретация динамических процессов в русской лексике», Т. А. Демешкиной (Томск) «Лексикографический портрет женщины (на материале среднеобских говоров)»;

– динамических процессов в лексиконе языковой личности: доклад Т. А. Трипольской (Новосибирск) «Динамические процессы в лексиконе языковой личности»;

– формирования и взаимодействия разных типов институциональных дискурсов: доклады Н. В. Орловой (Омск) «Доступность современного официально-делового документа:

лингвопрагматические аспекты» и Е. В. Лукашевич (Барнаул) «Тенденции развития языка: социолингвистическая модель речевого воздействия и взаимодействия (на материале сайтов государственной власти Алтайского края»;

– источниковедческих возможностей корпусов: доклад З. И. Резановой (Томск) «Сравнительный анализ источниковедческих возможностей корпусов и словарей в исследовании гендерной метафоры».

На пленарном заседании обсуждались не только динамические языковые процессы, но и развитие научных областей, актуальные тенденции в теоретической лингвистике (доклад М. Я. Дымарского (Санкт-Петербург) «Об актуальных тенденциях в современной синтаксической теории».

Поставленные в ходе пленарного заседания проблемы получили развитие в секционных докладах. Так, исследованию активных процессов в языковой системе посвящены доклады Эрдэнэмаама Сосорбарама (Улан-Батор, Монголия) «О положении русского языка в Монголии и об интерферентных ошибках, допускаемых студентами-монголами.», Ю. Н. Адовой «Динамические процессы в области существительных, выражающих семантику «угол зрения», Т. И. Кораблиной «Вводные элементы с семантикой воспоминания: динамические процессы», Е. В. Карповой «Метатекстовые показатели введения примера/аргумента: словарь и узус», Ю. М. Бокаревой «Активные процессы в словообразовании (на материале конкурсов «Слово года»)», Е. П. Таргонской «В отравном зелье ипотек!: история слова *ипотека* в русском языке», Ю. В. Крылова «Развитие семантической группы «Интернет» и др. (Новосибирск), В. Муси (Милан, Италия) «Развитие метафорического поля энтомонимов (на материале русского и итальянского язы-

ков», Б. Солбия (Милан, Италия) «Формирование и развитие системы русской финансовой лексики» и др.

Тематика пленарных «лексикографических» докладов получила развитие в исследованиях В. В. Дубичинского (Харьков, Украина) «Микроструктура инвариантного словаря», А. А. Черноброва (Новосибирск) «Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей», Е. Г. Басалаевой (Новосибирск) «Лексикографические традиции в репрезентации лексики обонятельного восприятия (на материале словарей разных типов», Е. И. Баранчевой (Новосибирск) «Особенности вербализации процессов памяти: лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация», Т. Н. Пермяковой (Новосибирск) «Лексикографическое портретирование служебных слов (на примере частицы-союза *только*)» и др.

Проблемы, связанные с модификацией лексикона говорящего и языковой картины мира, обсуждались в докладах Н. А. Мишанкиной (Томск) «Гносеологические универсалии русской научной картины мира: роль метафорической концептуализации в формировании терминосистем», Л. Н. Храмцовой (Новосибирск) «Приветствуются трудоголики!»: о некоторых динамических процессах в русском сознании начала XXI века», М. В. Шпильман (Новосибирск) «Гендерный аспект речевой маски: постановка проблемы и поиск ориентиров», И. Гарбуйо (Милан, Италия) «Семное и семантическое варьиро-

вание фитометафор в русском и итальянском языках» и др.

Исследование разных институциональных дискурсов в их взаимодействии представлено в докладах Т. И. Стексовой (Новосибирск) «Комментарий как речевой жанр и его вариативность», А. В. Курьянович (Томск) «Эпистолярный в сфере рекламной коммуникации: к вопросу о стилистических трансформациях жанра», Н. Г. Петровой (Новосибирск) «О специфике регулятивных структур в ранней лирике Г. Иванова», Е. В. Скворецкой (Новосибирск) и Т. Исмаила (Стамбул, Турция) «О соотношении тропа и реалии в оригинальном и переводном художественных текстах» и др.

Ежегодные Филологические чтения в Новосибирском государственном педагогическом университете собирают ученых разных городов и стран, разных научных школ и направлений, которые заинтересованы в обсуждении предложенных проблем.

В результате ежегодных конференционных обсуждений актуальных проблем современной лингвистики сложились исследовательские коллективы с общими научно-образовательными проектами: Институт филологии, массовой информации и психологии (ИФМИП) НГПУ и РГПУ им. А. И. Герцена, ИФМИП НГПУ и Миланский Католический университет, ИФМИП НГПУ и Томский государственный университет, ИФМИП НГПУ и Университет Хельсинки, ИФМИП НГПУ и Монгольский Государственный университет образования.

Т. А. Трипольская, председатель оргкомитета
XIV Филологических чтений «Активные процессы в языке:
языковая личность – словарь – текст»
в Новосибирском государственном педагогическом университете

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Активные процессы в свете проблем
теоретической и практической лексикографии**

**Active processes in the light
of theoretical and practical lexicography**

© В. А. Ефремов

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.01)

УДК 811.161.1 + 374

СОВРЕМЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ НЕОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматривается ряд актуальных проблем академической неографии эпохи интернета, а также намечаются возможные пути их решения. Цель статьи – описание состояния академической и околоакадемической лексикографии на современном становлении лингвистической науки и словарного дела. Особое внимание уделено изначальным проблемам, ставшим перед основателями неологии, возможным путям их преодоления в современных словарях, а также «зонам риска» актуальной неографии. Позитивные и негативные тенденции современной академической неографии рассматриваются преимущественно на материале последнего наиболее авторитетного справочника (Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / Под ред. Е. А. Левашиова: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Дм. Буланин, 2009). В заключение делаются выводы, характеризующие основные проблемы развития отечественной неологии и неографии и предлагаемые решения (прежде всего, активное использование электронных и интернет-баз, выработка новой концепции неологических словарей и создание полноценной электронной базы неологических данных).

Ключевые слова: Неология, неография, электронные технологии в лексикографии.

История современной отечественной неографии восходит к 1965 г., когда группа сотрудников Словарного отдела Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР под руководством Н. З. Котеловой начинает работать над сбором материала для будущего словаря, основная задача которого была сформулирована следующим образом: дать «справку о значении и употреблении слов, встречающихся в литературе и периодике и отсутствующих в толковых словарях русского языка», а также способствовать

«объективной регистрации новых явлений в словарном составе русского языка» [8, с. 3].

В 1971 г. под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина выходит в свет первый словарь-справочник «Новые слова и значения (по материалам прессы и литературы 1960-х годов)». Как известно, это издание задумывалось во многом как дополнение к академическим толковым словарям с целью заполнения тех лакун, которые возникли при лексикографической работе во время создания многотомных словарей русского языка (БАС и МАС).

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: valef@mail.ru

Однако по понятным причинам, связанным с техническими трудностями обработки огромных текстовых массивов («К сожалению, сектор не имел возможности использовать электронно-вычислительные машины для сплошного обследования текстов за большой период времени (например, за 10 лет)» [5, с. 6]), реализация замысла была осуществлена с рядом недочетов: «Так, в НСЗ-60 была включена лексика, появившаяся или ставшая употребительной в периодической печати и художественной литературе в 1950–1960-х гг. XX в. или несколько ранее, но не попавшая в толковые словари» [2, с. 85].

Собственно, уже в этом, первом академическом неографическом издании самим авторами были сформулированы основные проблемы, стоящие перед новым для отечественной лексикографии проектом:

1) неразработанность теоретических оснований для определения объекта словаря, отсутствие в научной литературе приемлемого для лексикографии понятия лексического неологизма;

2) недостаточность изученности в языкознании процессов образования новых слов и значений, причин и условий их появления и усвоения языком;

3) отсутствие надежной, опирающейся на фиксируемые признаки классификации новой лексики;

4) отсутствие материалов, фиксирующих разные состояния в развитии словарного состава русского языка;

5) необходимость сочетания задач научного и справочного издания [5, с. 5–15].

Вместе с тем задачи академической неографии на первоначальном этапе выглядели вполне очевидными и в достаточной степени решаемыми:

1) Тесная связь с традицией академических толковых словарей (прежде всего, БАС);

в определенном смысле можно говорить, что неологические словари должны были выполнять функции тех справочников, которые в западной лексикографии традиционно определяются как «словари новых слов» (см., например, регулярно переиздающийся англоязычный «Longman Register of New Words»);

2) Ориентация преимущественно на литературную лексику: «Справочник содержит в качестве основного разряда такие слова, которые могут дополнить словник толковых словарей литературного языка» [5, с. 8];

3) Формирование внутренне логичной структуры неологических словарей: ежегодник («Новое в русской лексике») – десятилетник («Новые слова и значения») – «многолетник» («Словарь новых слов русского языка»): «Каждый тип неологического словаря ориентирован на определенный уровень существования неологизмов, и не случайно словарные издания, отражающие эту трехступенчатость вхождения новой и обновленной лексики, имеют соответствующие наименования: словарные материалы – словарь-справочник – словарь» [6, с. 3].

В результате развития научной мысли и технологий лексикографирования некоторые из вышеназванных проблем в определенной мере можно считать если и не решенными, то хотя бы не стоящими столь остро, как это представлялось в самом начале современной отечественной неографии. Например, осмысление теоретических основ неологии, природы и классификации неологических единиц можно считать находящимися в состоянии пусть и плюрализма, но уж точно не хаоса (см. например, [9]).

Интересно, что через 30 лет после начала работы будущей группы словарей новых слов, в период, когда активно начинают заявлять о себе электронные и интернет-технологии, список актуальных проблем, сто-

ящих перед специалистами в области неогрaфии, несколько трансформируется: «создание надежной классификации и типологии словарей неологизмов, обобщение опыта работы по созданию словарей новаций разных типов, определение путей отбора и организации информации в пределах каждого словаря (методика работы неогрaфа), а также проблемы, связанные с созданием автоматических словарей неологизмов, неологических банков данных и т. п.» [1, с. 238].

Иными словами, можно утверждать, что появление новых, электронных технологий, а также использование в деятельности неогрaфов электронных и интернет-баз данных, с одной стороны, безусловно, облегчило работу лексикографов, позволив работать с огромным количеством разножанровых текстовых массивов, но, с другой стороны, привело и к возникновению новых трудностей. Наиболее полно эти проблемы, стоящие перед современной неогрaфией, отражает последнее из изданий, осуществленных группой словарей новых слов при Институте лингвистических исследований АН РФ, – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг.» (НСЗ-90) (I т. – М., 2009; II т. – М., 2014).

Одним из фундаментальных отличий этого издания становится его объем. Вот как выглядит динамика роста количества словарных статей в словарях-десятилетниках: НСЗ-60 содержит 3.500 лексических единиц (л. е.), НСЗ-70 – 5.500 л. е.; НСЗ-80 – более 6.000 л. е.; НСЗ-90 – 10.000 л. е.

Увеличение словника словаря НСЗ-90 обусловлено как минимум двумя причинами. Во-первых, беспрецедентный рост неологических единиц отражает стремительное развитие науки и техники, а также смену политических, экономических и социокультурных параметров российской действительности,

которые неминуемо сказываются на судьбе русского языка. Во-вторых, составители академических неологических словарей с начала 2000-х гг. активно используют помимо традиционной (бумажной) словарной картотеки электронные сетевые ресурсы: крупнейший в Европе фактографический архив средств массовой информации «Интегрум» (www.integrum.ru; базы данных с 1991 г.), Google Books (www.books.google.com) и Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Подобный подход привел к колоссальному росту числа цитируемых источников (только Москва и Санкт-Петербург представлены более чем 400 источниками), в том числе за счет региональных изданий, что, безусловно, не могло не сказаться на количестве анализируемого материала.

Из безусловных плюсов данного словаря как отражения тенденций развития современной неогрaфии можно назвать следующие:

- расширение и жесткая фиксация хронологических рамок описываемого материала: в отличие от предыдущих словарей-десятилетников, которые в связи с техническими трудностями условно описывали лексику всего десятилетия, НСЗ-90 охватывает именно и исключительно все 1990-е гг.;

- точная датировка первой письменной фиксации неологизма; отметим, что данный лексикографический параметр является одним из фундаментальных для неогрaфических словарей, и именно благодаря электронным базам данных он может быть реализован с максимально объективной точностью;

- отсеб нескольких сотен псевдонимов – единиц, которые считались новыми для данного десятилетия и были зафиксированы в ежегодниках «Новое в русской лексике» (НРЛ), описывающих 1990–1995 гг., однако

с помощью электронных баз данных были выявлены в текстах более раннего времени;

- фиксация продуктивных словообразовательных моделей современного русского языка; в качестве примера можно привести более 10 словарных статей на ставшую весьма продуктивной именно в конце XX в. приставку *об-*: от полуоказиональных *обгайдарить* и *обчубасить* до перешедших в разряд общеупотребительных и литературных *обналичить* и его многочисленных производных, или 15 неолексем с не менее популярной приставкой *сверх-*;

- устранение лакун, выявленных в НРЛ-90–95; так, в некоторых случаях пропущенными оказались не только отдельные лексемы, но и целые лексико-семантические группы. Например, лексика, связанная с обозначением результатов генной инженерии и их экологической и нравственной оценки: *генетически модифицированный / ГМ / генномодифицированный; генетически измененный / ГИ; генетически измененные продукты / ГИП / ГИ-продукты; ГМП (генетически модифицированные продукты) / ГМ-продукты; генетически модифицированные растения / ГМР / ГМ-растения; генно-инженерномодифицированный; генные продукты; ГМИ (генетически модифицированные источники); ГМ-картофель; ГМ-культура; еда (пища) Франкентейна* и др. Или, например, более 20 неолексем, репрезентирующих бурно развивающуюся танцевальную и клубную культуры и начинающих с корня *данс-*, среди которых и такие экзотические, как: *данс-бар, данс-звезда, данс-исполнитель, данс-клуб, данс-команда, данс-конкурс, данс-культура, данс-музыка, данс-музыкант, данс-номер, данс-пол, данс-программа, данс-проект, данс-спектакль, данс-театр* и др. (примеры из: [2, с. 246–247]);

- уточнение филиаций и увеличение количества лексико-семантических вариантов слов, обусловленные обращением не к нескольким десяткам центральных изданий, традиционно используемых на протяжении десятилетий для выборки неологических единиц, а к сотням средств массовой информации, контексты употребления ряда лексем в которых позволяют корректировать не только количество, но и качество описываемого материала;

- «В НСЗ-90 шире, чем это делалось прежде, с соответствующей пометой, вводятся имена собственные: *БЕАР; ГКЧП; ГНС* (Государственная налоговая служба); *Госдума / ГосДума; Госналогинспекция; ГУУАМ* (блок государств: Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия); *Демвыбор; Демроссия / ДемРоссия; Евродиснейленд / Евро-Диснейле(э)нд / Евродисней-лэнд / Евродиснейлэнд; Европол* и др.» [2, с. 253]; как известно, проблема включения имен собственных в толковые словари русского языка была сформулирована еще в работах Л. В. Щербы и остается актуальной для отечественной лексикографии до сих пор (см., например, новое издание БАС); на наш взгляд, задачу фиксации онимов в словарях можно решить следующим путем: имена собственные нужно описывать либо в специальных справочниках типа «Прописная или строчная», либо как раз в неологических словарях;

- фиксация еще не кодифицированного орфографического облика слова (ср. *СААБ, Сааб и сааб; саундтрек, саундтрэк, саунд-трек, саунд-трэк; рейв-пати, рэив-пати, рейв-парти и рэив-парти* и мн. др.) или его неустоявшегося внешнего вида, связанного с словообразовательными и морфемными разночтениями (*обедоужин* и *обед-ужин; чарт* и *чартс* и др.) (все примеры из НСЗ-90 (т. II), является важной задачей неогграфии,

которая осознавалась уже при работе с самыми первыми неологическими словарями; подобный подход позволяет более полно судить о способах адаптации заимствований, о тенденциях передачи иноязычной лексики русской орфографией, о зонах риска современного правописания.

- широкое описание гибридизации разных типов – это, безусловно, также одно из достижений НСЗ-90, связанное с эволюцией самого языка и языкового материала: русский язык конца XX–XXI вв. невозможно представить без таких единиц, как: *IT-менеджер, PR-технологии, VIP-клиент, web-дизайн* и т. п.;

- подробнейшее описание сниженных единиц языка (в первую очередь, просторечий и жаргонизмов) – это также веяние времени и следствие эволюции русского языка, пребывающего на очередном витке вульгаризации. И если первоначально планировалось, что неологические словари будут ориентированы едва ли не исключительно на литературную лексику, то уже к концу 1970-х гг. становится понятна утопичность этой установки: «Исходя из принципов нормативности, словарь отказался от многих слов, не рекомендуемых для употребления, не обогащающих русский язык, например, от слов-жаргонизмов, хотя они и были представлены в материалах. Справочные же цели издания предполагают включение этих слов в словарь в интересах, например, переводчиков. В отдельных случаях в подобных ситуациях побеждали интересы справочного издания» [4, с. 9].

Одновременно именно обращение к масштабным текстовым данным привело и к появлению разного рода трудностей в работе лексикографов. Среди проблем современной академической неографии, связанных с использованием электронных технологий и баз данных, необходимо отметить следующие:

- «запаздывание» составления словаря – это вечная проблема лексикографии в ее традиционном (бумажном) виде, которая не обошла стороной и многострадальный последний десятилетник. Если предыдущие словари этого типа выходили практически сразу по окончании описываемого десятилетия (ср.: НСЗ-60 – М., 1971; НСЗ-70 – М., 1984; НСЗ-80 – М., 1997), то первый том НСЗ-90 вышел в 2009 г., а второй планируется выпустить лишь в 2014 г., когда должен был бы появиться в свет НСЗ-2000. По-видимому, единственным выходом из ситуации колоссальной работы неографов над все разрастающимся словарным запасом современного русского языка следует признать перевод базы русской неологии в электронную форму;

- перенасыщенность словаря иллюстративным материалом – это тот соблазн, которой не удалось избежать авторам-составителям НСЗ-90: так, иллюстративная зона прилагательного *виртуальный* в совокупности к разным значениям и фразеологизированным сочетаниям занимает несколько страниц весьма убористого шрифта [7, с. 309–312]; такой объем информации не просто перенасыщает лапидарный по самому жанру текст словарной статьи, но и вызывает вопрос о необходимости столь пространный иллюстрирования; в качестве выхода из подобной ситуации можно было бы предложить возвращение к речениям, однако такого рода практика требует еще больших затрат, не говоря уже о большой научной ответственности (ср. выделенные сомнительные по качеству речения в ином, неакадемическом неологическом словаре: «*Интернет* [И прописное или строчное] *Информ.* Всемирная информационная компьютерная сеть, объединяющая множество некоммерческих компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся ин-

формацией друг с другом. *Спутниковый Интернет. Российская академия Интернета. Пользователи Интернета. Бизнес в Интернете. Электронная торговля в Интернете. Войти в Интернет. Разместить рекламу фирмы в Интернете*» [10, с. 98]);

- отсутствие жестких алгоритмов поиска описываемых единиц; несмотря на колоссальную работу, проделанную авторами-составителями десятилетника с названными электронными базами, остается непонятным сам принцип работы с ними: какими методами и по каким критериям происходит поиск и отбор неологизмов для новых словарей новых слов и значений: ср. весь комментарий самих авторов: «словник НСЗ-90 пополнялся за счет базы Интегрум как путем

целенаправленного поиска неолексем, так и спонтанно» [3, с. 244].

Резюмируя ситуацию, складывающуюся в современной академической неографии, можно говорить о том, что, во-первых, классическая система трех типов неологических словарей (ежегодные «Новое в русской лексике» – десятилетние «Новые слова и значения» – поколенческий «Словарь новых слов русского языка») перестала существовать, во-вторых, использование электронных и интернет-баз данных одновременно облегчает и усложняет работу неографов, создавая практически бесконечное поле исследования, и, в-третьих, необходима выработка новой концепции неологических словарей и создание полноценной электронной базы данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алаторцева С. И.** Проблемы неологии и русская неография: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1998. – 42 с.
2. **Буцева Т. Н.** «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: из опыта составления и редактирования // Acta Linguistica Petropolitana. – СПб.: Наука, 2012. – Т. VIII. – Ч. 3. – 2012. – С. 242–262.
3. **Буцева Т. Н.** О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6, Ч. 2. – С. 85–89.
4. **Котелова Н. З.** Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 5–27.
5. **Котелова Н. З., Сорокин Ю. С.** Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 5–15.
6. **Левашов Е. А.** Введение // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / под ред. Е. А. Левашова: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Дм. Буланин, 2009. – С. 3–5.
7. **Новые слова и значения.** Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. / под ред. Е. А. Левашова: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: Дм. Буланин, 2009. – 816 с. (НСЗ-90).
8. **От издательства** // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 3–4.
9. **Попова Т. В.** Русская неология и неография. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.
10. **Скляревская Г. Н., Ваулина В. Ю.** Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке. – СПб; М.: Academia, 2004. – 175 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.01)

Efremov Valeriy Anatolevich, Doctor of Philology Sciences,
Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.
Petersburg, Russian Federation.
E -mail: valef@mail.ru

CONTEMPORARY ACADEMIC NEOGRAPHY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract

The article is devoted to researching different problems of contemporary academic neography (neological lexicography) and possible ways of their solving. The aim of the article is the description of the state of academic and semi-academic lexicography from the point of view of contemporary linguistics. The special attention is paid to the initial problems of the Russian neology, the possible ways of their overcoming, and the "risk areas" of the present neography. Positive and negative trends of contemporary academic lexicography are opened up mostly on the material of the last and the most authoritative neological dictionary (New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 90th in 2 vol. (ed.) E. A. Levashov. Saint-Petersburg: D. Bulanin's Publishing House, 2009. Vol. 1.). The article concludes about the main problems of the development of Russian neological lexicography and their suggested solutions (above all, the using of electronic and online databases, the development of a new concept neological dictionaries and the creation a complete electronic neological database).

Keywords

Neology, neography, electronic technologies in lexicography.

REFERENCES

1. Alatorseva S. I. *Problems of neology and Russian neography*. Abst. Dr Phil. sci Diss. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies Publ., 1998. 42 p. (In Russian)
2. Butseva T. N. "New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 1990s": from experience of composing and editing. *Acta Linguistica Petropolitana*. Saint-Petersburg: Science Publ., 2012. Vol. VIII, Pt. 3, pp. 242–262. (In Russian)
3. Butseva T. N. About titles of the new Russian words' dictionaries in evolution aspect of their content. *Reporter of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod*, 2011, no. 6, pt. 2, pp. 85–89. (In Russian)
4. Kotelova N. Z. The first experience in lexicographical description of Russian neologisms. *New words and dictionaries of new words*. Saint-Petersburg: Science, 1978. pp. 5–27. (In Russian)
5. Kotelova N. Z., Sorokin Yu. S. Introduction. *New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 60th* (Ed.) N. Z. Kotelova, Yu. S. Sorokin. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1971. pp. 5–15. (In Russian)
6. Levashov E. A. Introduction. *New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 90th*: 2 vol. (Ed.) E. A. Levashov. St. Petersburg: D. Bulanin's Publ., 2009. Vol. 1, pp. 3–5. (In Russian)
7. *New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 90th*. (Ed.) E. A. Levashov: 2 vol. St. Petersburg: D. Bulanin's Publ., 2009. Vol. 1, 816 p. (In Russian)

8. From publishers. *New words and meanings. Dictionary based on materials of press and literature of 60th*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1971. Pp. 3–4. (In Russian)
9. Popova T. V. *Russian neology and neography*. Yekaterinburg: Ural State Technological University, Ural State Pedagogical University Publ., 2005. 96 p. (In Russian)
10. Sklyarevskaya G. N., Vaulina V. Yu. *Let's speak correctly! The newest and the most common borrowed words in contemporary Russian*. St.Petersburg; Moscow, Academia Publ., 2004. 175 p. (In Russian)

© А. М. Плотникова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02)

УДК 811.161.1 + 374

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РУССКОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)

В статье предпринята попытка обозначить новые тенденции в лексикографической практике и новые формы представления словарной информации. Современный лексикографический дискурс рассматривается в социокультурном, когнитивном и коммуникативно-прагматическом аспектах. Особое внимание уделяется взаимодействию объективного и субъективного в словарном представлении значения. В статье обсуждается возможность представления прототипического значения как способа сохранения баланса между научными и наивными знаниями пользователя языка. Приводятся примеры, свидетельствующие о повышении роли личностного начала при создании словарных толкований. Обсуждаются способы введения культурно маркированной информации в словарные зоны. Особое внимание уделяется ориентации на корпуса текстов при семантизации слова, что позволяет максимально полно охарактеризовать дискурсивный потенциал слова и построить словарную статью таким способом, чтобы ее прочтение приводило к правильному употреблению слова. В заключение сделаны выводы о некоторых особенностях современного лексикографического дискурса.

Ключевые слова: словарь, лексикографический дискурс, семантизация, прототипическое значение.

Лексикографический дискурс представляет собой такой тип коммуникативного взаимодействия, в котором в целях максимального объяснительного эффекта отображаются значения слов как «кванты знаний» о мире и который реализуется в ряде устойчивых жанровых форм (словарных статей). Наряду с традиционно выделяемыми поли-

тическим, рекламным, научным и другими, дискурс словаря характеризуется набором специфических черт, которые активно эксплуатируются и имитируются в художественной литературе и публицистике, что является свидетельством значимости словарного толкования для метаязыковой рефлексии говорящего.

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: annamp@yandex.ru

Рассмотрение лексикографического дискурса в параметрах, свойственных другим дискурсивным практикам, предполагает обращение к социокультурным, когнитивным, коммуникативно-прагматическим особенностям словаря. По словам И. Сандомирской, словарь является не собранием зарегистрированных фактов, а «сложной формой критического комментария», воплощающим в себе «порядок дискурса в не меньшей степени, чем другой письменный документ времени» [10, с. 209].

Пожалуй, наиболее изученным является социокультурный аспект лексикографического дискурса, который неоднократно учитывался при сопоставлении словарей разных эпох и изучении влияния идеологического контекста на словарную статью. Особенно заметным является идеологическое влияние при толковании религиозной, общественно-политической лексики, интерпретация которой в словарях советского периода и современных словарях существенно различается.

Коммуникативно-прагматический аспект лексикографического дискурса предполагает учет образа автора, адресата, стратегий и тактик семантизации слова в словаре. Принципы семантизации определяют когнитивную природу лексикографического дискурса, обусловленную ориентацией на научные и наивные знания о мире, которые есть у рядового пользователя словаря.

В ряде зарубежных словарей семантизация осуществляется, помимо вербального, невербальным способом (в бумажных версиях применяются визуальные образы, а в мультимедийных словарях вокабула может быть озвучена). И. Г. Милославский отмечает: «На мой взгляд, в русской лексикографии можно и нужно как можно шире использовать для толкования значения слов визуальные средства, представляя значение слов в

виде соответствующих изображений. Это чрезвычайно легко сделать для множества русских существительных, обозначающих, например, части тела (от *нос* до *кадык*), различного рода артефакты, включающие различные предметы быта и техники (*ковер, кадушка, каланча, калитка, камин, карандаш, кастрюля, уют* и т. п.) [8, с. 35]. Действительно, используемый в мультимедийных словарях аудиовизуальный способ обеспечивает мозаичный принцип восприятия в отличие от линейного способа, свойственного традиционным толковым словарям. Е. П. Иванова, исследующая словари современного французского языка, пишет: «Трехмерное гипертекстовое пространство, отличающее электронный словарь от бумажного, приводит к стиранию традиционных жанровых границ внутри лексикографического поля и открывает принципиально новые возможности семантизации лексической единицы и создания виртуального лексического пространства, в частности, путем использования иконических элементов и звукового сопровождения, которые, в свою очередь, характеризуются качественной неоднородностью» [4, с. 13].

Безусловно, звуковое сопровождение особенно актуально для некоторых типов слов, например междометий и тех лексических единиц, которые обозначают и характеризуют разнообразные звуки, а использование иконических знаков оказывается особенно важным для толкований устаревших слов, референты которых зачастую неизвестны современному читателю. Например: слово «*латефон*» определяется в Толковом словаре русского языка под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «портативный граммофон с рупором, вмещенным внутрь коробки» [9], а в Большом толковом словаре под ред. С. И. Кузнецова (далее – БТС) как «порта-

тивный граммофон без рупора» [2]. При этом ни один из словарей не фиксирует то, что патефон является вышедшим из употребления устройством.

При толковании значения слова лексикограф ориентируется на знания носителей языка о различных объектах действительности, при этом проблема соотношения наивного, научного и языкового знания является одной из ключевых для практической лексикографии. В частности, еще в 1965 г. С. Д. Кацнельсон высказывал некоторые критические замечания в отношении словарных дефиниций традиционного толкового словаря: «В стратификации лексических напластований существенную роль играет, конечно, не только логическая структура значения, но также степень доступности вещи и способ ознакомления с нею. <...> Словарь Ушакова предлагает, например, следующее толкование воды: "прозрачная, бесцветная жидкость, которая в чистом виде представляет собою химическое соединение кислорода и водорода" [6]. Ссылка на химический состав воды помогает, конечно, отождествить объект, но вносит в содержание значения лишние моменты. Элементарное понятие о воде формируется в нашем уме задолго до знакомства с основами химии. Гораздо важнее было бы внести в определение указания на естественные и искусственные водоемы (колодцы, водопровод, река и т. д.), как это делает Даль, и важнейшие функции воды как средства утоления жажды, мытья, варки и т. п.» [6, с. 21–22].

В современных словарях активно применяется иллюстративная стратегия семантизации, помещающая слово в ситуативный контекст. В Лаборатории информационных лингвистических технологий Института лингвистических исследований РАН создан Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева, словарные дефиниции

которого ориентированы на употребление слова. Например, значения глагола *вздыхать* толкуются следующим образом: «1. Когда вы вздыхаете, вы делаете несколько вдохов и выдохов, сопровождая их звуками или словами (*ох, ах* и т. п.), потому что вы хотите выразить какое-то чувство (обычно сожаления, переживания и т. п.). 2. Если вы вздыхаете по какой-то прошлой ситуации, значит, вы очень сильно грустите из-за того, что не можете вернуть это. 3. Если вы вздыхаете по кому-то, значит, вы влюблены в этого человека» [12, с. 62].

Пытаясь найти компромисс между научными, наивными и языковыми представлениями, современные лексикографы отражают семантические свойства значения во всей полноте, при этом заметно стремление избежать «порочного круга» в толкованиях. В идеографических словарях, создаваемых коллективом под руководством Л. Г. Бабенко, выделяется зона прототипа как отдельная зона словарной статьи, в которой находят воплощение представления говорящих о типичных признаках объектов, качеств, действий. Например, если традиционный словарь выделяет у слова *жара* значение «жаркая погода, зной», то в «Большом толковом словаре синонимов русской речи» под ред. Л. Г. Бабенко прототипическое значение толкуется следующим образом: жара – «состояние атмосферы, погода, характеризующиеся высокой температурой воздуха, сильно нагретого солнцем (в России обычно до 30–40°C, в более теплых странах – до 40–50°C), а также безветрием, безоблачностью, отсутствием осадков, что приводит к засухе. Такая погода с трудом переносится людьми и животными; последние стараются прятаться в тени, быть ближе к воде. Высокое или низкое атмосферное давление, раскаленный сухой воздух, духота могут негативно влиять на здоровье че-

ловека; работоспособность понижается, люди обычно стараются не работать, прячутся от солнца в тени деревьев, купаются в водоемах, пьют прохладительные напитки» [3].

Выделение прототипического толкования как особой разновидности семантизации слова оставляет дискуссионными вопросы о соотношении не только наивного и научного знания, но и объективной и субъективной информации в словаре. Одним из критериев нахождения баланса объективного и субъективного в словарных толкованиях является обращение к корпусным данным. Свойственная традиционным толковым словарям категоричность при семантизации снимается в современных словарях введением аппроксиматоров *обычно, иногда, чаще*, позволяющих зафиксировать прототипический профиль слова и дифференцирующие признаки, например: *восстание* – «вооруженное выступление, обычно организуемое какой-либо политической силой и направленное против существующей власти» [3].

Следует отметить, что корпуса текстов, и в частности Национальный корпус русского языка, обеспечивают возможности для определения прототипического значения. Анализ значительного количества контекстов позволяет лексикографу уточнить значения многих слов, а также увидеть те лексико-семантические варианты, которые традиционно выделялись в толковых словарях, однако, по данным корпуса, не реализуются в речи. В предисловии к «Словарю цвета», бумажная версия которого дополнена диском с примерами употребления колоративов, В. К. Харченко пишет: «Мы старались быть максимально точными, но главный выигрыш в пользовании словарем может дать вчитывание в сами контексты» [13, с. 13]. Кроме того, лексикограф пытается отразить употребление слова в разных типах дискурсов, что особен-

но выпукло обнаруживается в словарях концептов. Например, в словарной статье концепта «Обман» представлена оценка лжи с юридической и православной точек зрения: «С юридической точки зрения обман как средство получения личной выгоды за счет нанесения ущерба другим лицам (клевета, донос, подделка документов, изготовление фальшивых денег) подлежит наказанию. С точки зрения православного мировоззрения любой из видов обмана, в том числе и ложь во спасение осуждается» [7, с. 320]. Таким образом, словарь дает оценку с разных позиций, представляя разные взгляды на одно и то же явление и характеризуя дискурсивный потенциал слова.

Проблема соотношения объективной и субъективной информации оказывается особенно значимой для толкований слов некоторых семантических групп. Это лексика семантических полей «Восприятие», «Оценка», «Эмоции», «Поведение» и некоторых других, характеризующаяся развитыми коннотациями, устойчивым ассоциативным фоном, наличием ценностных элементов значений. С одной стороны, современные толковые словари стремятся избегать приписывания оценок, с другой стороны, эмоционально-оценочный компонент, указывающий на отношение лексикографа к тому или иному явлению, может ярко проявляться в толкованиях слов, например: *винтаж* – «любая старая вещь высокого качества, чаще ручной работы, возрастом свыше 20 лет, иногда сопровождается своей историей, загадочными обстоятельствами; как правило, это милые, бесполезные вещи, «греющие душу» (старые куклы, машинка «Зингер», статуэтки, бисерные сумочки, различные аксессуары и т.п.)» [11]. Словарь метаязыка толкования в отдельных случаях включает разговорные элементы, например, слово «*проказник*» в сле-

дующем толковании: «*Микки Маус*. Символ американской детской мультипликации – храбрый, предприимчивый, удачливый проказник мышонок, борец со злом» [1]. Современная лексикографическая практика свидетельствует о повышении роли личностного начала при создании словарных статей.

Эффективность любого словаря связана со стремлением к построению словарной статьи таким способом, чтобы ее прочтение приводило к правильному употреблению слова (эту задачу в первую очередь призваны выполнять словари активного типа). Правильное употребление задается зоной иллюстративного материала, который, безусловно, включает некие готовые устойчивые формулы, вмещающая в себя знания об употреблении слов. Как пишут Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская, «цитатный материал при отражении в словаре прагматического содержания оказывается иногда более значимым, чем толкование и пометы» [4, с. 178].

Рассмотрение зоны иллюстраций в современных словарях подтверждает известные слова Р. Барта о том, что любой текст «соткан из цитат, отсылок, отзвуков». Даже если в

словаре в качестве иллюстраций заявлены предложения, а не иллюстрации из художественных текстов, то прецедентные высказывания обычно включаются в словарь, например: традиционной для толкового словаря иллюстрацией значения слова *мгновение* является цитата из стихотворения «*Я помню чудное мгновенье*». Подобного рода интертекстуальные вкрапления совпадают в разных словарях, и, как нам представляется, здесь следует говорить не о межсловарных заимствованиях, а об отражении той части информации, которая оказывается известной большинству людей, говорящих на русском языке и принадлежащих к русской лингвокультуре.

Стремление к новым формам представления словарной информации (ее поликодовый характер, использование гиперссылок), ориентация на объемные корпуса текстов при семантизации слова, стремление к вычленению прототипической информации, сохранение баланса объективного и субъективного в толкованиях слов, включение в зону иллюстраций культурно маркированной информации – все это особенности современного лексикографического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2-х т. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ, Greifswald: Ernst – Moritz – Arndt – Universitat, 2008. – Т. 1. – 658 с.
2. **Большой** толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. **Большой** толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с.
4. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Лингвокультурологическое описание наименований городских пространств (на материале разных типов словарей) // Сибирский филологический журнал, 2012. – № 2. – С. 264–272.
5. Иванова Е. П. Семантизация имени существительного во французских толковых и энциклопедических словарях XVII–XXI вв. (эволюция определений наименований гидрометеоров): автореф. ...д-ра филол. наук. – СПб, 2008. – 45 с.

6. **Кацнельсон С. Д.** Содержание слова, значение и обозначение. – М., Ленинград: Наука, 1965. – 110 с.
7. **Концептосфера** русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии, паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.
8. **Милославский И. Г.** Возможные усовершенствования денотативной зоны толкования русских существительных в словаре // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Материалы Всеросс. науч. конф. Санкт-Петербург. 11–13 ноября 2009 г. – СПб.: СПГА, 2010. – С. 35–38.
9. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Словарь русского языка. – М.: Азъ, 1994. – 928 с.
10. **Сандомирская И.** Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach Sonderband, 2001. – 281 с.
11. **Семенова Н.М.** Новый краткий словарь иностранных слов. – М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2008. – 795 с.
12. **Толковый** словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 1582 с.
13. **Харченко В. К.** Словарь цвета: новые материалы, полная электронная версия. – М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2013. – 204 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.02)

Plotnikova Anna Mikhailovna, Doctor of Philology Sciences,
Professor of the Department of Contemporary Russian Language,
Ural Federal University named after the first President of Russian
Federation B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: annamp@yandex.ru

MODERN TENDENCIES IN RUSSIAN LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE

Abstract

This paper highlights new development of lexicographical practice and new forms of dictionary information representation. The contemporary lexicographic discourse is considered in sociocultural, cognitive and communicative-pragmatic aspects with emphasis on interaction of objective and subjective parts of a dictionary meaning representation. The paper discusses a possibility of introduction the prototype meaning as a mean of keeping balance between academic and unsophisticated types of knowledge of the language user. There are also examples that show the increasing role of personality in a process of dictionary creation. The methods of culturally labeled information introduction into dictionary zones are discussed. Special focus is orientated on textual corpuses during somatization of the word. It helps to give a full characteristic of discursive potential of the word and build the dictionary entry in a way leading to the right usage of the word. In the end some conclusions about peculiarities of modern lexicographic discourse are made.

Keywords

dictionary, lexicographic discourse, semantization, prototype meaning.

REFERENCES

1. Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *The Great Dictionary of Winged Words and Expressions of the Russian Language*: in 2 vol. (ed.) S. G. Shulezhkova. Magnitogorsk: MaGU Publ., Greifshhald: Ernst, Moritz, Arndt, Universitat Publ., 2008. Vol. 1, 658 p. (In Russian)
2. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. (ed.) S. A. Kuznecov, St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russian)
3. *The Great Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Speech. Ideographical Description*. (ed.) L. G. Babenko, Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2008. 784 p. (In Russian)
4. Bulygina E. Ju., Tripolskaja T. A. Lingvocultural description of the items of urban spaces (on the basis of various types of dictionaries). *Siberian Philological Journal*, 2012, no. 2, pp. 264–272. (In Russian)
5. Ivanova E. P. *Semantization of a noun in French explanatory and encyclopedic dictionaries XVII–XXI*. Abstract of Cand. Diss., St. Petersburg, 2008. 45 p. (In Russian)
6. Katznelson S. D. *Content of the word, meaning and designation*. St. Petersburg, 1965. 110 p. (In Russian)
7. *Conceptosphere of the Russian language: key concepts and their representation (based on the material of lexis, phraseology and paremiology): Dictionary prospectus*. (ed.) L. G. Babenko. Ekaterinburg: USU Publ., 2010. 340 p. (In Russian)
8. Miloslavskij I. G. Possible modernizations of the denotative zone in the interpretation of Russian nouns in a dictionary. *Word. Vocabulary. Language: Vocabulary text and lexicographical*

- context: the materials of Russian science conference*, Saint-Petersburg, 11–13 of November, 2009. St. Petersburg: CPGA Publ., 2010, pp. 35–38. (In Russian)
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. U. *Dictionary of Russian Language*. Moscow: Az Publ., 1994. 928 p. (In Russian)
10. Sandomirskaya I. *The Book of Motherland: discursive practices analysis experience*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach Sonderband Publ., 2001. 281 p. (In Russian)
11. Semenova N. M. *Modern Dictionary of Foreign Words*. Moscow: Russian Language Publ., Media, Drofa Publ., 2008. 795 p. (In Russian)
12. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. (ed.) D. V. Dmitriev. Moscow, 2003. 1582 p. (In Russian)
13. Harchenko V. K. *Dictionary of Colors: new materials, full electronic version*. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2013. 204 p. (In Russian)

© В. Д. Черняк

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.03)

УДК 81.42 + 81.71

СТИХИЙНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСВОЕНИЯ НОВОГО СЛОВА

В. Д. Черняк (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматриваются типичные для газетной речи способы объяснения новых заимствований. Стихийная лексикография, используя традиционные лексикографические приемы, способствует адаптации новой лексики. Языковая рефлексия автора проявляется в специфических формах представления системных свойств и текстовых смыслов слова.

Словарная форма используется как инструмент когнитивной обработки новой информации. Объектом авторских рассуждений и комментариев становятся заимствования, субстандартная лексика, окказиональные номинации. В статье выделены некоторые типичные приемы стихийной лексикографии.

Особенности «стихийной» лексикографии в современной прессе обусловлены спецификой функционирования газетного текста. Примеры апелляций к словарям демонстрируют особую значимость словарных толкований в языковой рефлексии говорящего.

Успешность «стихийного» лексикографирования зависит от уровня лексикографической компетенции пишущего, его знания словарей, умения выбрать оптимальные способы объяснения слова, от степени его ответственности перед читателем.

Ключевые слова: Стихийная лексикография, заимствование, газетный текст, языковая рефлексия, перевод, комментарий, агнонимы.

Словари – лингвистические и энциклопедические – занимают особое место в современном информационном обществе. Сам «образ словаря» в наивной картине мира и в представлении рядовых пользователей оказывает существенное влияние не только на развитие словарной продукции, но и на выбор многими авторами словарной формы как способа организации текста [3]. Словарная форма, соотносимая в языковом сознании с ситуацией «вопрос – ответ», используется как ин-

струмент когнитивной обработки новой информации.

Частотное и коммуникативно значимое явление в современной речи, связанное с экспликацией языковой рефлексии в форме, приближенной к словарной, можно определить как «стихийная» (или наивная) лексикография. Она включает разнообразные случаи объяснения значений тех слов в тексте, которые, по мнению адресанта, могут быть непонятны читателю и, следовательно, могут

Черняк Валентина Данииловна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: vdcher@yandex.ru

стать причиной коммуникативных неудач (непонимания, неполного осуществления коммуникативного замысла). Элементы словарной формы (толкование, указание на родственные слова, перевод, выделение коннотативных компонентов, ссылки на лексикографические и другие источники) служат для интерпретации потенциально агнонимичной лексики (историзмов, архаизмов, терминов, иноязычных слов, новых слов и значений).

Активно используемое «стихийное» лексикографирование на страницах газет и журналов является естественной реакцией журналистов на происходящие в языке и обществе процессы, а также необходимым условием успешной коммуникации. «Интенсивные процессы, происходящие в русской лексике, обостряют языковую рефлексию современного носителя языка, который с помощью интроспекции стремится разобраться в обстоятельствах появления и функционирования слова, дать ему оценку, осмыслить по-новому значение слов» [1, с. 88]. Объектом авторских рассуждений и комментариев становятся заимствования, субстандартная лексика, окказиональные номинации. Языковая рефлексия служит механизмом актуализации адресованности текста; выявляя соотношение образов говорящего и адресата, она разрушает автоматизм речи: «говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства “нормальных” речевых актов весьма необычно» [7, с. 156].

Новые слова, прежде всего заимствования, термины, жаргонизмы, в газетном тексте сопровождаются разнообразными способами комментирования. В данной статье будут рассмотрены приемы стихийной лексикографии, используемые при интерпретации новых заимствований – наиболее распространенного вида потенциально агнонимичной лексики в

современных газетах, рассчитанных на широкого читателя.

Интерпретируя лексические единицы в газетном тексте, добиваясь контакта с читателем, журналисты используют различные способы объяснения, вступая в диалог и моделируя вопросно-ответную ситуацию: *Уважаемые читатели! Вы слышали о том, что самым употребительным словом 2013 года стало слово selfie? Не знаете, что оно означает? Selfie – это автопортрет человека, сделанный с помощью смартфона и выложенный в социальную сеть. Знакомо, не правда ли? (Метро СПб. 2013. № 213).* Выделенная часть текста представляет, по существу, толкование нового популярного заимствования. Абсолютная его неосвоенность поддерживается чужеродной формой включения в текст – латиницей (далее это слово передается уже кириллицей).

Многочисленные контексты, свидетельствующие о различных по своим речевым стратегиям и результатам попытках объяснить вводимое слово, позволяют выделить некоторые типичные приемы стихийной лексикографии.

При объяснении многочисленных заимствований журналисты часто прибегают к переводу. Этот наиболее простой способ, с одной стороны, позволяет адаптировать инновацию, а с другой – дает возможность автору снять с себя ответственность за неверное толкование незакрепленного в системе языка слова:

В переводе с английского слово alarm обозначает панику, тревогу, настороженность. В русском языке есть слово алармист, обозначающее человека, поднимающего панику путем распространения непроверенных данных, то есть слухов (Педагогические вести. 2003. № 1).

Понятие понятию рознь. Правильный тимбилдинг имеет результат – единая цель команды и четкое распределение ролей внутри коллектива. Ошибочно называть тимбилдингом веревочный курс, групповые соревнования и тому подобное ничего общего не имеют с построением команды и дают эффект улучшения коммуникации в коллективе, что тоже важно, но не является тимбилдингом. Многие руководители уверены: дружеская атмосфера в офисе – залог продуктивной работы. И тимбилдинг (в переводе с англ. – построение команды) – отличный способ этого добиться (Метро СПб. 2013. № 175).

Последний текстовый фрагмент предлагает интересную форму интерпретации заимствования: сначала дается содержательный комментарий, определяются отличия от родственных понятий, фиксируется положительная коннотация, а лаконичное толкование через перевод завершает текст.

Обращение к составу слова, к его историческим корням облегчает восприятие инноваций, достаточно широко представленных в средствах массовой информации, создает базу для расширения словообразовательного гнезда, а также для возможного калькирования (часто игрового):

Эти люди увлекаются исследование городской среды с высоты крыши и высотных сооружений. Называют они себя по-разному: руферы (от англ. roof – «крыша»), крышеры, крышелазы. Руфинг может быть экстремальным – когда забираются на высоту при помощи пожарных лестниц, водосточных труб, уступов и вполне безопасным – в виде экскурсии под руководством специального гида (Метро СПб. 2013. № 195).

Типичными контекстами для малоосвоенных заимствований являются так называемые предложения таксонимической иденти-

фикации, определяющие слово. Обилие в тексте таких предложений свидетельствует о желании автора сделать ясным какое-либо понятие, снять неопределенность [4, с. 59]. Графически они чаще всего оформляются в скобках в виде вставных конструкций, в некоторых случаях с уточнениями – прим. автора или прим. ред. Приведем несколько примеров:

Стала популярна профессия фрилансера (человека, выполняющего работу без заключения договора с работодателем) (Метро СПб. 2013. № 217);

Противопоставленная байопику (биографической картине) Оливера Стоуна, лента оказалась куда более выразительным рассказом (Панорама ТВ. 2013. № 32);

Все дни работы выставки для бесплатного посещения будет открыта главная экспозиция, состоящая как из арт-объектов, так и из одежды и аксессуаров, игрушек, и предметов интерьера от мастеров по фелтингу (войлоковалянию) из России, Европы и Америки (Утро Петербурга. 12. 11. 2013).

Это программа для тех, кто хочет освоить профессию коуча (специалиста в области тренингов самореализации в форме беседы – прим. автора) и обрести эффективный инструмент помощи себе и другим людям (Центр Плюс. СПб. 2013. № 48).

Семантическая размытость новых слов в ряде случаев ведет к неопределенности и противоречивости толкований. Так, приведенные ниже пояснения не дают ответа на вопрос, является ли коворкинг формой деятельности или пространством для нее:

Нововведением уходящего месяца стал коворкинг-центр (модель работы, в которой участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. – Прим. авт.), от-

крывшийся в центре Новосибирска (Работа в городе. 2013. Октябрь.)

На территории Апраксина Двора будет шесть функциональных зон – культура, образование, офисы и **коворкинги**, торговля и апартаменты и ресторанный зона. **Коворкинги** – это открытые бизнес-пространства со всеми необходимыми условиями для труда творческих людей (Петербургский дневник. 2013. № 225).

Определение через указание более широкого класса приводится пишущим с целью предупреждения возможных коммуникативных помех, а контекст устанавливает совокупность ассоциативных связей слова. Ср. *профайлинг* – методика – собеседование; *профайлер* – специалист – технар:

Для того чтобы защитить транспорт от террористической угрозы, одними досмотровыми средствами не обойтись. Нужны специалисты, причем не просто технари, а люди, обладающие специальной подготовкой в сфере психологии. Или, иначе говоря, **профайлеры**. Слово «**профайлинг**» не имеет адекватного перевода на русский язык. Оно означает совокупность методик, позволяющих анализировать и прогнозировать поведение человека. И, соответственно, по поведенческим характеристикам вычислять подозрительных людей. Простейший вариант – небольшое собеседование с пассажиром, во время которого **профайлер** не только слушает ответы, но внимательнейшим образом изучает жесты, мимику, «считывает» всю совокупность невербальной информации (Метро СПб. 2013. № 208).

Кроме собственно толкующей части, часто используются метаязыковые операторы, призванные ввести слово в обиходный контекст и тем самым закрепить в языковом сознании новые ассоциативные связи. Так, в следующем фрагменте развернутое толкова-

ние слова *перформанс* сопровождается метаязыковыми характеристиками «изящное слово», «культурное слово»:

...Для ползания голышом по камням мостовой и тому подобных поступков придумано изящное слово – **перформанс**. Из всех многочисленных значений этого «культурного слова» мне более всего нравится следующее: «Публичное создание артефакта по принципу синтеза искусства и неискусства, не требующее специальных навыков и не претендующее на долговечность. Его сердцевина – жест. Эпатаж, провокационность – органические свойства перформанса...» (Секретные материалы XX века. 2013. № 26).

Особого внимания заслуживает «несвободное сочетание» так называемый, как одно из средств выражения языковой рефлексии, создающее особый прагматический эффект, – отстранение говорящего от используемого языкового знака [2, с. 444]. Ср.:

Отчасти дешевизна объясняется и тем, что посетители салона TimeOnline вынуждены наблюдать в окне браузера рекламные ссылки (так называемые **баннеры**), никак не связанные с посещаемыми сайтами (Известия, 27.02.01).

В минувшем году в публикациях о так называемом “**терапевтическом клонировании**” (то есть выращивании зародышей, генетически идентичных конкретному пациенту, в научных и, возможно, лечебных целях) истерически-сенсационный тон уступил место спокойному обсуждению проблемы (Итоги. 2001. №1).

Особенности «стихийной» лексикографии в современной прессе во многом обусловлены спецификой функционирования газетного текста. «Широта аудитории выдвигает еще одно важное требование к газетному тексту – доступность его для понимания» [6, с. 16]. Именно этим объясняется тот не-

редко игровой контекст, в который помещаются новое слово и его дефиниция. По словам М.В. Ляпон, «блуждание вокруг денотата» обнажает внутренний процесс соизмерения слов и реалий. «Протестуя против инерции стереотипного восприятия семантики слова, автор как бы выносит на обсуждение флуктуирующий смысл в виде цепочки лексем, предлагает адресату обогащенное обертонами толкование слова» [5, с. 269]. «Стихийная» лексикография (в отличие от научной, где при объяснении слова используются стилистически нейтральные синонимы) не исключает объяснений с помощью стилистически окрашенных слов. Показателен следующий пример:

*«Механическое» слово «тендер» уже достаточно прочно «въехало» в наш лексикон. Хотя это **всего навсего** конкурс между фирмами за право покупки или эксплуатации того или иного предприятия (МН. 1993. № 29).*

Перечислительный (или перечислительно-описательный) способ толкования, раскрывающий отношение части к целому, используется в газетном тексте, для установления семантических связей между близкими лексическими единицами. Ср.: *Как вы уже знаете, **пиротехника** – это огромное разнообразие всевозможных изделий: ракеты, батареи салютов, петарды, фонтаны, хлопушки, бенгальские огни, связки петард (Аргументы и факты. 1999. № 50).*

Излюбленным способом определения значений в лексикографии является синонимический, часто выступающий совместно с описательным. В газетной речи использование синонимических средств при объяснении значений не только упрощает вхождение нового слова в лексикон, но и способствует разностороннему постижению явления, создает условия для объемного видения ситуации:

*Это был Владимир Коннов, который работает в «Макдоналдсе», как он сказал, «вторым ассистентом». Его брат, Валерий Коннов, оказался **супервайзером** «Макдоналдса», в переводе на понятный язык, – управляющим (Кухонные тайны. ЛГ. 23.07.94).*

*Что же, собственно, означает само понятие «**эксклюзивный**»? Прежде всего – это исключительный, то есть явно превосходящий общий уровень. Есть еще у этого слова значения «единственный» и «недоступный» (Бизнес гид. 1999. № 1).*

Многочисленные примеры наивных, не всегда корректных апелляций к словарям демонстрируют особую значимость словарных толкований в языковой рефлексии говорящего. Включая в текст термины, сниженную или заимствованную лексику, журналист, как носитель литературного языка, пытается аргументировать свой выбор, ссылаясь на частотность употребления лексической единицы в современном языке. Нередки при этом апелляции к авторитетным изданиям, в частности, к известным словарям (чаще всего к Далю, Ожегову, Ушакову). При этом степень разнообразия и активности метаязыковых комментариев во многом зависит от языковой и речевой компетенции личности.

Как показывает анализ неологических словарей и словарей иностранных слов, именно материалы стихийной газетно-журнальной лексикографии используются профессионалами-лексикографами для толкования лексических инноваций, служат основным источником иллюстративного материала. Заметим при этом, что нередко газетные толкования дословно или почти дословно повторяют словарные статьи из Википедии, которая оперативно восполняет отсутствующую в лексикографических изданиях информацию.

При очевидной общности «стихийной лексикографии» в газетной речи и словарных дефиниций, между текстовым объяснением и организацией словарной статьи существуют важные различия. «Стихийная лексикография» в значительной степени основывается на интуиции пишущего, связана с его языко-

вым вкусом. Успешность «стихийного» лексикографирования зависит от уровня лексикографической компетенции пишущего, его знания словарей, умения выбрать оптимальные способы объяснения слова, от степени его ответственности перед читателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вепрева И. Т.** Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С. 88–96.
2. **Гинзбург Е. Л.** И зеркало корчит всезнайку // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. статей. – М.: Институт русского языка РАН, 1996. – С. 442–461.
3. **Зайковская И. А.** Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 20 с.
4. **Лазуткина Е. М.** К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // НДВШ: Филологические науки, 1994. – № 5–6. – С. 56–65.
5. **Ляпон М. В.** Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 260–276.
6. **Майданова Л. М.** Структура и композиция газетного текста. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 180 с.
7. **Русский язык конца XX столетия.** – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.03)

Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology Sciences, Head of the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: vdcher@yandex.ru

SPONTANEOUS LEXICOGRAPHY AS AN INSTRUMENT FOR EXPLORING NEW WORDS

Abstract

The article describes ways of explaining new loanwords that newspapers typically employ. Spontaneous lexicography facilitates accommodation of new words by using traditional lexicographic devices. The author's linguistic reflection reveals itself through specific forms of presenting systemic qualities and textual meanings of a word.

The dictionary form is used as a tool for cognitive processing of new information. Loanwords, substandard words and occasional nominations all become the object of the authors' reflection and commentary. Some of the typical devices of spontaneous lexicography are highlighted in the article.

Peculiarities of spontaneous lexicography as it appears in printed press are determined by the peculiarities of the functioning of the newspaper text. The examples of references to dictionaries show the importance of dictionary definitions within the linguistic reflection of the speakers.

The success of spontaneous lexicography depends on the level of lexicographical competence of the writer, his knowledge of dictionaries, ability to choose the best ways of explaining the meaning of the word and on his responsibility before the reader.

Keywords

Spontaneous lexicography, loanword, newspaper text, linguistic reflection, translation, commentary, agnonyms.

REFERENCES

1. Vepreva I. T. Explicit Attitude Towards Words in Contemporary Speech. *Russian Words in Language, Text and Cultural Environment*. (Ed.) I. T. Vepreva. Yekaterinburg: Argo Publ., 1997, pp. 88–96. (In Russian)
2. Ginzburg E. L. Even The Mirror Acts as a Know-it-all. *Dictionary. Grammar. Text: Collection of Articles*. Moscow: Russian language Institute of RAS Publ., 1996, pp. 442–461. (In Russian)
3. Zaykovskaya I. A. *Associative and Semantic Potential and Textual Realizations of the Lexical Paradigm "Dictionary"*. Abst. phil. sciences. Cand. St. Petersburg, 2011. 20 p. (In Russian)
4. Lazutkina E. M. On Describing Pragmatic Mechanisms of a Language System. *Scientific Reports: Philological Sciences*, 1994, no. 5–6, pp. 56–65. (In Russian)
5. Lyapon M. V. Linguistic Identity: a Search for the Dominant Idea. *Language as a System. Language as a Text. Language as an Ability*. Moscow: Russian language Institute of RAS Publ., 1995, pp. 260–276. (In Russian)
6. Maydanova L. M. *The Structure and Composition of a Newspaper Text*. Krasnoyarsk: KSU Publ., 1987. 180 p. (In Russian)
7. *Russian Language, End of the XX Century*. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1996. 480 p. (In Russian)

© А. А. Чернобров

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.04)

УДК 811.111'373 + 811.161.1'373 + 008

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И ТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

А. А. Чернобров (Новосибирск, Россия)

В статье раскрывается суть лингвокультурологического подхода в лексикографии, разбираются основные отличия лингвострановедческих словарей. Особое внимание уделяется де-маркации лингвистического и экстралингвистического. Подчеркивается особая роль ассоциативного метода в составлении подобных словарей. Приводятся примеры словарных статей, обосновываются принципы их формирования.

Изучая язык, надо, с одной стороны, входить в область материальной реальности культуры, культурологии, истории, фольклора и т. д., а с другой – в область чисто психического – как социально-психического, так и индивидуально-психического. Экстралингвистические реалии детерминируют вполне определенные эксплицитные и имплицитные компоненты значения данного слова. Эти семы обуславливают в свою очередь лингвистическое окружение данного слова, его комбинаторику, дистрибуцию, так сказать, контекстуальную валентность.

Лингвокультурологические словари состояются исходя из двух основных принципов:

- 1) культурная специфичность самой лексемы или каких-либо компонентов значения слова;*
- 2) общеизвестность словарной информации для всех носителей данного языка и культуры.*

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический словарь, лексикография, принципы формирования.

Многие отрасли науки первоначально возникают из необходимости решения чисто прикладных, прагматических задач. Так появились теоретические системы от геометрии до психоанализа. В семидесятые годы Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выдвинули лингводидактическую теорию, названную лингвострановедением (далее ЛС). Идея заключалась в преподавании языка в неразрывной связи с культурой и «мента-

литетом» нации изучаемого языка. Стало ясно, что в противном случае адекватная, полноценная коммуникация невозможна. Люди, принадлежащие к одному сообществу, всегда подразумевают больше, чем говорят вслух. Эта подразумеваемая информация, называемая *фоновой*, известна практически всем членам данного сообщества и находится как бы в свернутом виде в сознании и подсознании коммуникантов. Первоначально

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: chern@sibmail.ru

задача ЛС состояла в том, чтобы собрать такую информацию. Вероятно, ранее преподаватели недооценивали масштаб различий «своей» и «чужой» фоновой информации. Сбор такого фактического материала очень трудоемок и потребовал длительного времени. В отношении англоязычной культуры положение изменилось к лучшему с выходом объемных лингвострановедческих словарей [Великобритания, 1978; Претриковская, 1998; 1–2; 11; 14–15; 17]. Многие лексикографические бреши в знаниях об англоязычных культурах и культуре Франции и Германии заполнены [6; 12–13]. Что касается других языков, сбор и систематизация лингвострановедческой информации еще далеки от завершения.

Нужно подчеркнуть, что эта работа никогда не может быть окончательно завершена. Культура не статичная данность, а динамический процесс. Наиболее точное описание культуры в ее лингвистических проявлениях возможно только при помощи мониторинга, подобного наблюдениям за атмосферными явлениями. Кроме того, цепочки зависимостей элементов культуры и языка не всегда можно восстановить. В особенности это касается далеко отстоящих во времени диахронических аспектов языка и культуры. Несмотря на это, текучесть подобного материала не стоит преувеличивать. Анализ языка, как структурный, так и ассоциативный, показывает, что многие составляющие «культурного наполнения языка» достаточно долговечны и стабильны.¹

Оптимизация межкультурной коммуникации происходит теперь больше на практике, чем в теории, благодаря интервенции западной культуры в Россию за последние

годы. Под словом «западная» надо иметь в виду прежде всего американскую массовую культуру.

С течением времени появлялись все новые доказательства того, что язык не может быть ни описан, ни декодирован, ни применен, не выходя за пределы собственно лингвистического. Изучая язык, надо, с одной стороны, входить в область материальной реальности культуры, культурологии, истории, фольклора и т.д., а с другой стороны – в область чисто психического – как социально-психического, так и индивидуально-психического.

Очень важным и актуальным для лингвокультурологии является разграничение между языковым и неязыковым знанием. Отсюда вытекает и вопрос: являются ли лингвострановедческие словари лингвистическими?

Соотношение между лингвистическим и экстралингвистическим в ЛС, семантике, прагматике, ономастике вызывает большие споры. Ю.Д. Апресян [3, с. 102] отмечает, что мысль о нелингвистичности значения слова выражена в своей крайней форме у классиков структурализма. Л.Блумфилд писал, что «значение не может быть проанализировано в рамках нашей науки» [4]. По его мнению, различие между фламинго и колибри – это область зоологии, а не лингвистики, так же как различие между нейтроном и протоном – область физики. Если быть последовательным, то при таком взгляде лингвистику не должны также интересовать различия между столом и стулом. Ж. Вандриес писал по этому поводу, что носители языка не знают точного значения слов, однако владеют номинально всем словарем данного языка [5]. Эта точка зрения привела последователей Блумфилда к мысли, что лингвистическим является только грамматическое значение.

¹ Доказательства этому можно найти как в наших предыдущих работах [22] и др. так и в работах других исследователей.

Нам кажется, ключевое значение здесь имеют фразы: «точное значение» и «номинальное значение». Точное знание о предмете недостижимо, к тому же оно не имеет никакого лингвистического значения. Но вряд ли можно сводить значение слова к грамматическому, структурному значению. Интенциональное значение слова – это интуитивное номинальное определение понятия, основанное на тривиальных фоновых знаниях носителей обыденного языка.

Выделение понятий отнюдь не всегда происходит при помощи интуитивного определения. Различие значений слов «фламинго» и «колибри» любой ребенок может усвоить наглядным путем. Подобные слова употребляются большинством носителей языка экстенционально, то есть, мысля себе слово, ребенок идет от наглядного предмета к абстрактному понятию. А «главный» признак наглядно познаваемого предмета – это характерный «бросающийся в глаза» признак. Этот признак чаще всего и является лингвистически значимым. Характерный признак не обязательно выделяется наглядно или, как говорят западные логики, остенсивно.

Например, функциональный признак собаки – то, что собаки лают, – имеет большое психологическое значение для ребенка при усвоении языка. Но с логической точки зрения этот признак не является определяющим. Для номинации в естественном языке характерный признак часто бывает более важным, чем так называемый существенный. В русских названиях грибов (подберезовик, подосиновик, боровик, опенок) характерным признаком является место их произрастания. Это место и есть интуитивный дифференциальный интенциональный признак, образующий языковые концепты «опенок» и «подберезовик». Биолог возразит, что важнейший различительный

признак этих грибов другой: опенок – это пластинчатый гриб, а подберезовик – губчатый. Указание «растущий в березовых лесах» в описании подберезовика содержится в словарях Т. Ф. Ефремовой, БАС и МАС². В словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова оно отсутствует. В лингвокультурологических словарях подобные характерные признаки должны обязательно перечисляться в соответствующих словарных статьях.

Призыв классиков структурализма разделить лингвистический и экстралингвистический планы значения совершенно верен, но их попытка слишком радикальна. Более удачным способом отделить «субстанции содержания слова» (термин Л. Ельмслева) от значения слова может быть конвенционалистский подход. При этом важны не столько знания о предмете, сколько представления о нем, причем общераспространенные представления.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приложили много усилий, чтобы защитить лингвистический статус ЛС. Они всячески подчеркивали разницу между ЛС и общим страноведением, выделяя его лингводидактический характер. Эти авторы писали: «Почему так настойчиво говорится, что лингвострановедение действует лишь через язык и непременно в процессе его изучения? Эти два ограничения способствуют сохранению гомогенности лингвострановедческого аспекта» [8, с. 37]. «Сохранить лингвистическую гомогенность ЛС» действительно важно. Но это можно сделать разными способами: можно заявить, что язык – слово и текст – являются источниками и носителями внеязыкового

² Словарь русского языка (МАС) // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma317421.htm>

знания. Следовательно, при изучении языка мы получаем культурные онтологические знания о мире непосредственно из языка. Так и поступили основоположники ЛС. Из постулата о языке как об источнике и хранилище знания вытекает теория о «кумулятивной» (накопительной) функции языка [8, с. 10]. Эта теория приводит авторов к ответственному философскому обобщению об априорном, доопытном характере знания вообще. Они говорят о «сапиентеме», некоей единице доопытного знания и, по сути, возрождают к жизни платоновские эйдосы и признают их реальность [9, с. 825–829].

Принципиально иной способ увязать внеязыковые знания о мире с языком – это концентрация на изучении непосредственно языковых манифестаций внеязыковых знаний. На этом настаивает И.А.Стернин: «Лингвистику интересуют только языковые знания о мире, хранящиеся в значениях слов, и именно эти знания она изучает» [18, с. 31]. «Неязыковые знания о мире – это знания, которые не входят в значения языковых единиц в виде отдельных семантических компонентов; языковые знания представлены в виде компонентов в структуре значения слова. Языковые знания, таким образом, выступают как один из компонентов знания о мире, свойственных человеческому сознанию» [18, с. 21–22].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров пытались увязать языковое значение и внеязыковые знания, введя понятие «лексического фона как совокупности внепонятийных семантических долей слова» [8, с. 10]. Более корректной и логически непротиворечивой будет формулировка: семантика слова включает два компонента: логический и ассоциативно-психологический. Логическая дефиниция слова включает логически необходимые признаки предмета. Ассоциативный компо-

нент включает наиболее психологически значимые признаки. Бурно развивающаяся в последнее время концептология стремится исследовать эти два важнейших принципа организации знания.

Таким образом, образуется связующее звено между лингвистическим и экстралингвистическим планами. Неверно было бы говорить, что экстралингвистическое входит в лингвистическое. Экстралингвистические реалии детерминируют вполне определенные эксплицитные и имплицитные компоненты значения данного слова. Эти семы обуславливают, в свою очередь, лингвистическое окружение данного слова, его комбинаторику, дистрибуцию, так сказать, контекстуальную валентность. Так сохраняется «лингвистическая гомогенность» ЛС, о которой говорили Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Проще говоря, речь идет о четком разграничении лингвистического и экстралингвистического планов. Это разграничение происходит не только на уровне семантики, но и на уровне текста в целом.

Поначалу считалось, что лингвострановедческие словари – это нечто вроде энциклопедического справочника, лишенного глубины и систематичности настоящей энциклопедии. Авторам приходилось защищаться и пояснять, что выбор лексем и материалы словарных статей не являются произвольным. Лингвокультурологические словари составляются исходя из двух основных принципов: 1) культурная специфичность самой лексемы или каких-либо компонентов значения слова; 2) общеизвестность словарной информации для всех носителей данного языка и культуры.

Поэтому во все лингвострановедческие словари входят те слова, которые принято называть реалиями. Слово «прописка» в русском языке выражает специфически

российскую (советскую и постсоветскую) культурную реалию, слово *sheriff* – американская и английская национально-специфичная «культурная» реалия. Это примеры проявления материального аспекта культуры в языке. Носителям англоязычной культуры известно, что шериф в Англии – это главный представитель правительства в графстве. Он назначается королевской жалованной грамотой на один год и выполняет административные функции, в том числе ведает полицией и уголовным розыском, надзирает за организацией выборов в парламент и исполнением судебных решений. В Шотландии характер должности иной, там судья-шериф – главный судья графства – назначается монархом пожизненно. В США шериф округа (county) является шефом окружной полиции (sheriff's department). Чаще всего слово «шериф» сейчас употребляется именно в этом значении. Приведенная выше информация отвечает двум главным критериям отбора в лингвокультурологический словарь.

Специфика материальной культуры может проявляться не только в жестких интенциональных, эксплицитных, но и в подразумеваемых компонентах значения. Например, слова «почтовый ящик» и *mail-box* имеют одинаковый интенционал³, т.е. существенные признаки – «ящик для складывания почтовых отправлений». Имплиcitные семы значений этих слов (цвет, размер, форма, расположение и т.д.) в каждом языке разные. Сравнение почтового ящика с большим тостером на четырех ножках понятно только тем, кто представляет себе внешний вид почтовых ящиков в США. Другой пример: в слове «такси» (taxi)

компоненты внешней формы и цвета не входят в интенционал понятия, но актуализируются при межкультурной коммуникации (в США такси – желтого цвета, а в Англии – черного). Реалии данного типа, содержащие культурно-специфические импликации, должны вноситься в лингвокультурологические словари, хотя это делается не всегда. Имплиcitные различия подобного рода требуют обязательного введения в словарь графических иллюстраций.

Отдельная категория языковых реалий – это понятийные лакуны. Часто приводимые примеры – это английское слово *fortnight* (две недели) и русское слово «сутки». 24 часа обозначаются одним словом также в украинском, греческом языках и в иврите. В большинстве европейских языков однословного обозначения суток нет.

Труднее найти убедительные примеры «поведенческих языковых реалий». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров приводят такой: в речевой ситуации утешения собеседника реплика *Don't let it show* («Не показывай своего горя») нетипична для русских и крайне типична для американцев. Фраза *keep smiling!* для американцев в такой ситуации означает то же самое, а для русских «Ну, улыбнись!» означает: «Забудь о горе, взбодрись!» [7, с. 218–223]. Приведем собственный пример: в большинстве европейских культур приглашение в гости следует понимать буквально, но в некоторых культурах – это лишь ритуальная фраза, за которой должна последовать благодарность и вежливый отказ. Эти примеры тесно связаны с национальной психологией. Подобные культурно-специфические особенности вряд ли можно жестко связать с одной определенной лексемой. В последнее время подобные случаи описываются и исследуются в рамках понятия «речевая

³ Под интенционалом в логике и семантике понимают содержание понятия, необходимые и достаточные признаки, задающие то или иное понятие. Экстенционал – объем понятия, предметная область, описываемая данным понятием.

ситуация». В данном случае описаны речевые ситуации *утешения, ободрения и приглашения в гости*. Речевые ситуации трудно представить в виде словаря, однако это возможно.

Итак, важные проблемы, возникающие при составлении лингвокультурологических словарей – это отбор словника и содержание самой словарной статьи. Одним из удачных решений этих трудностей может быть ассоциативный принцип. Поскольку важнейшим критерием отбора словника является общеизвестность в данном социуме, словник может быть отобран путем ассоциативного эксперимента или опроса. Например, таким образом может быть составлен словарь культурных символов. Можно отталкиваться от самих символов и использовать их в качестве стимулов в эксперименте, можно, напротив, использовать в качестве стимулов понятия. Частично это было проделано нами в ассоциативном словаре английских личных имен. Взяв личные имена в качестве символов, мы отсеяли те, на которые были получены слабые реакции. Такие имена не являются символическими, или их символика сильно размыта, либо понятна только узкому кругу носителей культуры. Имена с сильными реакциями можно назвать символическими, например, *Венера, Ромео, Джульетта, Соломон*. Сильные реакции вызвали также имена: *Голиаф, Самсон, Мафусаил* и т. п. Стимул *сила* также вызвал реакции *Самсон, Голиаф, долголетие – Мафусаил, женское коварство – Далила, щенячья любовь (puppy love) – Ромео и Джульетта, мудрость – Соломон*. Следует учитывать, что часть англоязычных информантов были миссионерами, хорошо знавшими Библию. Светская аудитория могла бы не выдать подобных реакций. Русские

студенты, особенно в последнее время, показывают довольно низкий уровень общей культуры. Имена *Мафусаил, Далила* или *Сизиф* оказались для них лишь смутно знакомыми или вовсе неизвестными.

Ассоциативный метод не только помогает сформировать словник словаря, но и позволяет отобрать содержание для словарной статьи. Специфика лингвокультурологической информации состоит в том, что она не всегда состоит из истинных систематических знаний. Эта информация большей частью состоит из стереотипов сознания и подсознания носителей культуры. При этом стереотипизированные сведения хранятся в памяти не систематически, а ассоциативно. Проиллюстрируем эти положения примером ассоциаций на русские личные имена:

Давид – Библия (15); сильный (12); еврей (7); Розенбаум /песня «Бухгалтер»/ (6); Голиаф (5); грузин (5); царь (5); монах (3); армянин (2); мудрый (2); хитрый (2).

Варвара – грубая (5); зануда (5); злая (5); кухарка (4); толстая (3); старая (2);

Из примеров видны специфические черты лингвокультурологической информации: 1) стереотипизированность; 2) текучесть (см. песню «Бухгалтер», уже вышедшую из моды, между тем на пике популярности песни информанты знали даже имя бухгалтера, упоминаемое только в видео-клипе); 3) ассоциативность (имя *Варвара* ассоциируется со словом *варвар*, а также с *Варварой* – злой сестрой доктора Айболита из прозаической сказки К. Чуковского).

В последнее время от издания общих лингвокультурологических словарей переходят к выпуску специализированных. Некоторые из них уже изданы, некоторые

ждут своего составителя или издателя. Приведем примеры уже существующих или потенциально возможных словарей:

Словари собственных имен, личных имен, прозвищ;

Словари примет и суеверий;

Словари речевых ситуаций;

Фразеологический лингвострановедческий словарь

Тематические словари: бытовая лексика, искусство, музыка, религия, пропаганда, медицина, словарь торговых марок и т. д.

Фразеологический лингвострановедческий словарь создан Д. Г. Мальцевой. Первый ассоциативный словарь английских личных имен составлен нами [22]. Защищенная под нашим руководством диссертация А. В. Цепковой [20] содержит достаточно интересного материала для будущего словаря английских прозвищ. Уже завершенная диссертация Н. Абловой содержит сходный материал по немецким прозвищам. Английским суевериям посвящен раздел в книге [16] и диссертации [19; 21], аналогичная диссертация защищена на немецком материале [10]. Полноценного словаря примет и суеверий еще не создано. Между тем уже собранный многообразный материал нуждается в систематизации. Т. П. Соломенникова, практически завершившая диссертационное исследование по медицинской концептосфере и наивной картине мира, изучала, в частности, суеверия, распространенные среди медиков.

Приведем результаты только одного из нескольких проведенных опросов медиков. Рассмотрим примеры примет и суеверий «к неудаче»:

1. Сами медики боятся лечить своих близких, при этом все может идти наперекосяк.

2. Нельзя говорить комплименты врачу.

3. Нельзя ронять бумаги пациента в его присутствии – дело пойдет туго.

4. Меняться дежурствами плохо: потом в твою отработку будут проблемы.

5. Если птица стукнулась в стекло палаты – к летальному исходу.

6. Больных нельзя возить на каталке ногами вперед.

7. Не скрещивать руки на груди в медицинском учреждении.

8. Не лечить родственников.

9. Не скрещивать руки на груди в операционной

10. Укол скальпелем – операция затянется

11. Не оперировать в понедельник.

12. Ворона на окне перевязочной – к обострениям.

13. Не оперировать 13 числа.

14. Удариться о стул в приемной – скоро поступит новый больной.

15. Если перчатка порвалась – операция будет сложной.

17. Нельзя меняться сменой или дежурствами — будет беспокойство.

18. Нельзя желать удачного дежурства.

Примеры примет и суеверий «к удаче»:

1. Дождь в день операции – к хорошему исходу.

2. Лечение в полнолуние.

3. Одевание перчаток с правой руки.

4. Надевать бахилы с правой ноги.

5. Не поднимать мед. инструмент, упавший на пол, до окончания операции.

6. Не убирать ничего со стола, пока операция не закончена.

Большинство этих примет актуально и в англоязычной среде. В ходе анализа медицинских концептов было выявлено, что в семантическом составе данных языковых еди-

ниц также имеется национально-специфичный колорит.

Продолжая тему медицинской сферы, приведем пример словарной статьи из еще не созданного англо-русского медицинского лингвокультурологического словаря.

Montezuma's revenge – «Месть Монтесумы», разговорное название диареи (также *Aztec revenge* – «Месть ацтеков»). Во время завоевания Мексики в XIV веке император ацтеков Монтесума был обманут и убит испанскими конкистадорами во главе с Кортесом. Эрнан Кортес со своим войском почти полностью истребил ацтеков, но сам умер в 62 года от дизентерии.

Собственно, определением в данной словарной статье является первое предложе-

ние. Однако одного определения недостаточно. Недостаточно также и простого указания на то, что Монтесума – вождь ацтеков. Последующие пояснения представляют собой необходимый лингвострановедческий комментарий. Он не только объясняет этимологию культурно-специфической единицы, но также дает познавательную информацию о чужой лингвокультуре. При этом информация не выходит за пределы общеизвестных в американском социуме сведений.

Объем нашей статьи позволил остановиться только на нескольких типах словарей и привести лишь несколько характерных примеров. Многие практические области лингвокультурологической лексикографии еще ждут своего подробного описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Америка:** Энциклопедия повседневной жизни / Общ. ред. Л. М. Гейман. – М.: Энциклопедическая творческая ассоциация, 1998. – 416 с.
2. **Американа:** Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.
3. **Апресян Ю. Д.** Очерки по современной структурной лингвистике. – М.: Просвещение, 1966. – 304 с.
4. **Блумфилд Л.** Язык. – М.: Изд-во иностр. лит., 1968. – 607 с.
5. **Вандриес Ж.** Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 410 с.
6. **Веденина Л. Г.** Франция: Лингвострановедческий словарь. – М.: Интердиалект+/АМТ, 1997. – 1078 с.
7. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
8. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. 4-е изд. – М.: Русский язык, 1991. – 260 с.
9. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
10. **Кулькова М. А.** Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (Лингвокультурологический подход): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 216 с.
11. **Леонтович О. А., Шейгал Е. И.** Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь. – Волгоград: Станица 2, 1998. – 426 с.
12. **Мальцева Д. Г.** Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. – М.: АСТ, 2001. – 416 с.
13. **Маркина Л. Г.** Культура Германии: Лингвострановедческий словарь. – М.: АСТ. Астрель, 2006. – 1181 с.

14. **Ощепкова В. В., Петриковская А. С.** (ред.). Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 216 с.
15. **Рум А.** Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.
16. **Томахин Г. Д.** Реалии – американизмы. – М.: Высшая школа, 1988. – 350 с.
17. **Томахин Г. Д.** США: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1998. – 480 с.
18. **Стернин И. А.** Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 172 с.
19. **Туганова С. В.** Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: дис ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 183 с.
20. **Цепкова А. В.** Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса): дис ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2011. – 202 с.
21. **Чергинцев И. А.** Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах: дис ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 164 с.
22. **Чернобров А. А.** Ассоциативный словарь английских личных имен. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. – 98 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.04)

Chernobrov Alexey Alexandrovich, Doctor of Philology, Professor of Foreign Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: chern@sibmail.ru

PRINCIPLES, CONTENTS AND TYPES OF LINGUOCULTURAL DICTIONARIES

Abstract

The paper is devoted to Linguocultural lexicography. Existing and potential Russian-English and Russian-German Linguocultural dictionaries are examined. Examples of dictionary entries are given. Linguocultural dictionaries are based on certain theoretical principles and among these are cultural specificity of information, combination of linguistic and extralinguistic aspects, logical and psychological components of meanings, ostensive definitions.

Linguocultural dictionaries are compiled according to two main principles: 1) cultural specificity of the lexeme or any components of word meanings; 2) familiarity of the dictionary information for all the speakers of the given language.

Studying language it is necessary, on the one hand, to examine the material artifacts of culture, science, history, folklore etc. On the other hand we enter the area of mental entities determined both by social factors and personal experiences of individuals. Extralinguistic reality determines certain explicit and implicit components of word meanings. These components in turn transform the linguistic environment of the given word, its combinability, distribution and contextual valency.

Keywords

language and culture, lexicography, language associations.

REFERENCES

1. *America: Encyclopedia of Everyday Life.* (ed.) L. M. Geyman. Moscow: Encyclopedic Creative Association Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
2. *Americana: Encyclopedic Dictionary.* Smolensk: Polygramma Publ., 1996. 1185 p. (In Russian)
3. Apresyan Yu. D. *Sketches on Modern Structural Linguistics.* Moscow: Prosveshchenye Publ., 1966. 304 p. (In Russian)
4. Bloomfield L. *Language.* Moscow. Foreign Literature Publishing House Publ., 1968. 607 p. (In Russian)
5. Vendryes Joseph. *Le Langage, introduction linguistique à l'histoire.* Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 410 p. (In Russian)
6. Vedenina L. G. *France: Linguocultural Dictionary.* Moscow: Interdialect+/AMT Publ., 1997. 1078 p. (In Russian)
7. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *The Linguocultural Theory of the Word.* Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1980. 320 p. (In Russian)
8. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture.* Moscow. Russkiy Yazyk Publ., 1991. 260 p. (In Russian)
9. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture. Three Linguocultural Theories.* Moscow: Indrik Publ., 2005. 1040 p. (In Russian)

10. Kulkova M. A. *Semantics and Pragmatists of German and Russian Folk Superstitions (A Linguocultural Approach)*. Cand. Phil. Sci. Diss. Kazan, 2005. 216 p. (In Russian)
11. Leontovich O. A, Sheygal E. I. *Life and Culture of the USA: Linguocultural Dictionary*. Volgograd: Stanitsa 2 Publ., 1998. 426 p. (In Russian)
12. Maltseva D. G. *Germany: The Country and Language. Linguocultural Dictionary*. Moscow: 1999. 382 p. (In Russian)
13. Markin L. G. *Culture of Germany: Linguocultural Dictionary*. Moscow, 2006. 1181 p. (In Russian)
14. Oshchepkova V. V., Petrikovskaya A. S. (ed.). *Australia and New Zealand: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1998. 216 p. (In Russian)
15. Room A. R. W. *Dictionary of Great Britain*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1999. 560 p. (In Russian)
16. Tomakhin G. D. *Realities – Americanisms*. Moscow: Higher School Publ., 1988. 350 p. (In Russian)
17. Tomahkin G. D. *The USA: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1998. 480 p. (In Russian)
18. Sternin I. A. *Lexical Meaning of the Word in Speech*. Voronezh, 1985. 172 p. (In Russian)
19. Tuganova S. V. *Syntagmatic and Paradigmatic Aspects of Russian and English Superstitious in Anthropological Interpretation*. Cand. Phil. Sci. Diss. Kazan, 2006. 183 p. (In Russian)
20. Tsepkova A. V. *National Cultural Specificity of Nicknames (Materials of Modern English-speaking Internet Discourse)*. Cand. Phil. Sci. Diss. Irkutsk, 2011. 202 p. (In Russian)
21. Cherginets I. A. *Sense Construction of Superstitions and Prejudices in English and Russian Languages and Cultures*. Cand. Phil. Sci. Diss. Nalchik, 2008. 164 p. (In Russian)
22. Chernobov A. A. *English Personal Names. A Dictionary of Language Associations*. Novosibirsk: NSPU Publ., 1995. 98 p. (In Russian)

© Ц. Сэрээнэн, Ш. Цолмон

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.05)

УДК 801.001

О ДЕСКРИПТИВНЫХ ТОЛКОВАНИЯХ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Ц. Сэрээнэн, Ш. Цолмон (Улан-Батор, Монголия)

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся структурных компонентов дескриптивного толкования англицизмов в русском и монгольском языках. Структура данного типа толкования, как в русском, так и в монгольском языке состоит из двух частей: номинативная и конкретизирующая (описательная). Без глубокого изучения структуры и содержания подобных определений невозможно раскрыть как лексическое значение отдельного слова, так и лексико-семантическую систему языка в целом.

Характерной чертой дескриптивного толкования является его двучленность. Если в русском языке идентификатор и конкретизирующая часть может находиться в различных позициях по отношению друг к другу (препозиция, интерпозиция, постпозиция), в монгольском языке позиция идентификатора строго определена: идентификаторы в дескриптивных толкованиях всегда стоят в конце, то есть занимают постпозицию по отношению к конкретизирующей части. Все это связано прежде всего со структурными особенностями языков.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, лексическое значение, дескриптивное толкование, структурный компонент, номинативная часть, конкретизирующая часть.

События 80–90-х годов XX в., подобные революции по своему воздействию на общество и язык, вызвали потребность в их осмыслении и привели к появлению фундаментальных работ: «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» под редакцией

Е. А. Земской [3]; «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» Г. Н. Складневской [6]; «Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация» под редакцией Л. П. Крыгина [5] и др.

Сэрээнэн Цендсүрэн – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Монгольский государственный университет образования.

E-mail: tssernn@mail.ru.

Цолмон Ширэн – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, Монгольский государственный университет образования.

E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

В конце XX – начале XXI вв. русский и монгольский языки становятся активным акцептором лексических единиц из английского языка, а процесс заимствования, по мнению таких исследователей, как А. В. Васильев, Т. К. Веренич, Э. Ф. Володарская, Р. С. Кимягарова, Л. П. Крысин, В. Г. Костомаров, Л. М. Баш, Н. В. Ваганова, Е. В. Маринова, Т. В. Новикова, Е. В. Урысон, О. С. Хлынова и др., приобретает массовый характер.

Содержательная сторона любого слова связана с объективными свойствами предметов и явлений реальной действительности, отраженными в общественном сознании и в языке. Поэтому основной целью дефиниций в толковых словарях является экспликация этой фундаментальной связи языка и реальной действительности. Для достижения этой цели с давних времен используются разные способы. Однако многие толковые словари разного типа предпочитают описательные классические толкования, что вполне объяснимо, так как они дают наиболее полное представление о предмете, позволяя объективировать довольно сложные понятия и разнообразные семантические ассоциации. В научной литературе этот тип толкований имеет разные названия: аналитический (описательно-логический) с подразделениями на описательный классический, собственно-описательный и логические дефиниции [2]; определение через указание более широкого класса и специфических признаков [1]; описательный, дескриптивный и др. Такое разнообразие терминов иногда связано и с незначительными различиями в структуре толкований, но в большей степени названные типы толкований схожи между собой, прежде всего – четким разделением на две части. Мы избрали термин дескриптивный как наиболее обобщающий.

Дескриптивные толкования, как отмечают некоторые ученые, сокращают процесс познания, усвоения смысла слов [1]. К тому же они, имея гибкую структуру, легко поддаются изменениям: могут уточняться, улучшаться, корректироваться по мере углубления и расширения знаний об окружающей действительности. Существует также мнение о том, что без глубокого изучения структуры и содержания подобных определений невозможно раскрыть «как лексическое значение отдельного слова, так и лексико-семантическую систему языка в целом».

Структура данного типа толкования, как в русском, так и в монгольском языке состоит из двух частей. Первая часть – **номинативная**, вторая часть – **конкретизирующая** (описательная). Номинативная часть может быть выражена одним словом, но чаще имеет более сложную структуру (словосочетание, ряд словосочетаний). Номинативная часть в научной литературе имеет разные наименования: идентификатор (Э. В. Кузнецова, З. И. Комарова), базовое слово (Л. Г. Бабенко), номинант-идентификатор, основной компонент (О. А. Михайлова) и др. Мы используем в своей работе наиболее принятый термин идентификатор (далее при анализе толкования: И), так как способность слова идентифицировать определенное число слов названа Э. В. Кузнецовой «объединяющей способностью».

Проанализированный материал показал, что в качестве идентификаторов выступают прежде всего знаменательные слова, способные самостоятельно реализовать свою семантику, то есть автосемантические слова. Например, **общественно-политическая сфера**: *брифинг* – ... пресс-конференция (И), ...; *саммит* – встреча (И) ...; в монгольских толкованиях: *спикер* – ... дарга (И) {председатель};

экономическая сфера: *дистрибьютер* – предприятие (И) ...; *фьючерс* – сделка (И) ...; *медиа-байер* – посредник (И) ...; *толлинг* – фирма (И) ...; в монгольских толкованиях: *лизинг* – ... турээс (И) ...; *брокер* – ... хувь хун (И) ...; *мониторинг* – ... хяналт (И) ...;

научно-техническая: *дианетика* – учение (И) ...; *крекинг* – процесс (И) ...; в монгольском толковании: *ай-кью* – коэффициент (И) ...; *факс* – ... аппарат (И) ...;

спортивная: *боулинг* – игра (И) ...; *сноуборд* – 2. Доска (И) ...; *овертайм* – ... время (И) ...; в монгольских толкованиях: *бодибилдер* – ... хун (И) ...; *тайм-аут* – ... завсарлага (И) ...;

современное поп-искусство: *хит* – 1. ... песня (И) ...; *диск-жокей* – ведущий (И) ...; *клипмейкер* – режиссер (И) ...; в монгольских толкованиях: *диск-жокей* – ... хотлогч (И) ...; *рокер* – ... сонирхогч (И) {любитель} ...;

обиходная: в русских толкованиях: *джакузи* – ... ванна (И) ...; *скотч* – ... лента (И) ...; *блейзер* – ... пиджак (И) ...; в монгольских толкованиях: *скоч* – ... тууз (И) {лента} ...; *коттедж* – ... байшин (И) {дом}

Однако в качестве идентификатора могут выступать и знаменательные слова, не способные самостоятельно реализовать свою семантику, то есть **синсемантические** слова. В этом случае в качестве идентифицирующей части выступают синтаксически неразложимые словосочетания. Например:

экономическая сфера: *промоушен* – система мероприятий (И) ...; *паблик-рилейшнз* – формирование ... мнения (И) ...; *электорат* – круг избирателей (И) ...; *толлинг* – особый таможенный режим (И) ...; *шоу-бизнес* – предпринимательская коммерческая деятельность (И) ...; в монгольских

толкованиях: *бартер* – ... худалдааны торол (И) {вид торговли} ...; *аккредитив* – ... тооцооны хэлбэр (И) {форма учета}

научно-техническая: *онлайн* II – часть Интернета (И) ...; *буфер* – область памяти (И) ...; *пиар* – система ... связи (И) ...; *чат* – обмен сообщениями (И) ...; в монгольских толкованиях: *драйвер* – ... тусгай программ (И) {специальная программа}...; *чат* – ... харилцах хэлбэр (И) {форма общения} ...;

спортивная: *скейтборд* – вид спорта (И) ...; *сноуборд* – вид спорта (И) ...; *армрестлинг* – вид спорта (И) ...; в монгольских толкованиях: *скейтборд* – ... спортын торол {вид спорта} ...; *бобслей* – ... спортын торол {вид спорта} ...;

современное поп-искусство: *поп-музыка* – ... совокупность стилей (И) ...; *хэви-метал* – стиль рок-музыки (И) ...; в монгольских толкованиях: *рэп* – ... хогжмийн торол (И) {стиль музыки} ...;

обиходная: *маркер* 1 – тип карандаша (И) ...; *сафари* – вид одежды (И) ...; *джип* – тип ... автомобиля (И) ...; *имидж* – представление о человеке (И)

Как видно из примеров, идентификаторы, представляющие собой синсемантические слова, образуют словосочетания с различными грамматическими связями – с управлением: *часть Интернета*, *обмен сообщениями*, *область памяти компьютера*, *представление о человеке* и т.д.; в монгольском языке: *худалдааны торол* {вид торговли}, *тооцооны хэлбэр* {форма учета}, *спортын торол* {вид спорта} и т. д. и с согласованием: *особый таможенный режим*, *предпринимательская коммерческая деятельность* и т. д.

Следует отметить, что идентификаторы, состоящие из словосочетаний с грамматической связью согласование, характерны только

для русского языка. Такого типа словосочетания в монгольском языке отсутствуют, что объясняется типологическими особенностями монгольского языка.

Следует подчеркнуть, что идентификаторы передают один из самых существенных признаков предмета, обозначенного словом, – его отнесенность к лексико-семантическому множеству, то есть включают слово в определенную макропарадигму, тем самым создавая смысловую опору для формирования понятия.

В качестве идентификатора иногда выступают логические операторы: *то, что; тот, кто*. Например:

Риэлтер – тот, кто (И) профессионально занимается продажей и покупкой недвижимости.

Ламер – тот, кто (И) только осваивает работу на компьютере, но считает себя достаточно сведущим в этой области.

Интегратор – тот (то), кто (что) (И) способствует объединению, сплочению людей, идей и т. п.

Пилот I – о том, что (И) начинает или предваряет ряд, серию, цикл (обычно книг, фильмов, телепередач и т. п.) и др.

Таким образом, идентификатор служит для раскрытия логических связей (родовидовых, тематических и др.) между понятием, уже обозначенным заимствованным словом, но еще не известным носителю заимствующего языка, и понятием, которое формируется в процессе толкования этого слова в заимствующем языке.

Вторая часть дескриптивного толкования – **описательная**, где выявлены все конструктивные семантические признаки, все оттенки смысла, все элементы содержания слова. Они позволяют раскрыть структуру лексического значения, глубже понять сущность семантических толкований. В процессе

формирования лексического значения в заимствующем языке **конкретизаторы** (далее при анализе толкований – К) в толкованиях играют существенную роль. В дефинициях фиксируются те дифференцирующие признаки, которые необходимы для полного раскрытия семантического значения слова.

Как отмечает Д. И. Арбатский, «в основе лексико-семантической системы языка и соответствующих семантических толкований лежит ограниченное количество универсальных признаков» [1, с. 132]. Им были выделены 20 признаков. Но анализ толкований англицизмов-существительных позволил нам выделить 25 признаков-конкретизаторов: назначение, структура, действие, место, функция, способ, объект, количество, цель, форма, состояние, время, семантический субъект, условие, результат, происхождение, следствие, интенсивность проявления признака, цвет, лицо, движение как перемещение в пространстве, причина, запах, вкус и указание на сферу употребления.

Вероятно, такое большое количество выделенных нами конкретизаторов можно связать со спецификой толкования иноязычной лексики. Так как иноязычные слова (особенно относящиеся к последнему периоду) обозначают обычно новые реалии (*имейл, имидж, медиа-баинг, брифинг, траст, модем, курсор, факс, картридж, интерфейс, клипмейкер* и т. д.), неизвестные или малоизвестные носителям заимствующего языка, то для представления этой реалии требуется не только установление логических связей между понятиями через идентификатор, но и выявление тех особенностей, которые помогают сформировать это новое понятие.

Конкретизаторы, являясь конструктивной единицей толкования, обозначают понятие лексикографического плана, так как ис-

пользуются для создания (и анализа) структуры толкования слов. Они указывают на семантические признаки, закрепленные за каждым словом, помогая раскрыть лексическое значение слова, структурной единицей которого, как известно, является сема, т. е. толкование – это наиболее полная модель лексического значения слова. Элементы этой модели по-разному соотносятся с элементами смысловой структуры слова (семами), т. к. конкретизаторы, раскрывая элементы семантической структуры «через указание на предметы и явления реального мира, познанного человеком» [1, с. 6], всегда вербально выражены. При этом для раскрытия некоторых элементов семантической структуры слова требуется указание на группу предметов или явлений, а нередко и указание на отношение между отдельными предметами или явлениями. Поэтому в некоторых случаях конкретизатор может представлять отдельное слово, а в других – иметь более сложную структуру. Это обусловлено и логико-понятийным основанием их выделения, что предполагает, в свою очередь, и их относительную самостоятельность. Исходя из этого встает вопрос о границах каждого конкретизатора и способе его выделения.

Говоря о границах конкретизаторов, следует иметь в виду, что, безусловно, истолкование семантики слова – прежде всего общезыкового акт, однако в нем присутствует и личностное начало, так как это результат работы «интерпретатора, толкователя, переводчика». Но в еще большей степени личностное начало может проявиться в усвоении заключенной в слове информации, поэтому границы конкретизатора, как, впрочем, и квалификация его, могут варьироваться, потому что конкретизаторы в толкованиях нередко наслаиваются друг на друга, перекрещиваются друг с другом, дополняют друг друга и т. д.

Что касается способа выделения конкретизатора, то единого метода для выделения конкретизаторов в принципе не может быть в связи со сложностью семантической структуры слова. Однако мы предлагаем прием, который обозначим логической связанностью. Сущность этого приема заключается в том, что отдельный конкретизатор, обладая относительной понятийной самостоятельностью, может быть удален из толкования, но при этом содержательная сторона толкования не пострадает, так как сохранит логику высказывания, хотя само толкование не будет достаточным из-за отсутствия этого конкретизатора. Например:

Лаптоп – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) на жидких кристаллах (К₄) и сравнительно небольшим объемом памяти (К₅), умещающийся на коленях пользователя (К₆) [5, с. 409].

В данном толковании 6 конкретизаторов.

Также возможно толкование без какого-либо одного конкретизатора.

Лаптоп – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) на жидких кристаллах (К₄) и сравнительно небольшим объемом памяти (К₅).

Лаптоп – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) на жидких кристаллах (К₄), умещающийся на коленях пользователя (К₆).

Лаптоп – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) и сравнительно небольшим объемом памяти (К₅), умещающийся на коленях пользователя (К₆).

Лаптоп – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И) на жидких кристаллах (К₄) и сравнительно небольшим объемом

памяти (К₅), уместающийся на коленях пользователя (К₆).

Лаптоп – портативный (К₁) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) на жидких кристаллах (К₄) и сравнительно небольшим объемом памяти (К₅), уместающийся на коленях пользователя (К₆).

Лаптоп – персональный (К₂) компьютер (И) с плоским дисплеем (К₃) на жидких кристаллах (К₄) и сравнительно небольшим объемом памяти (К₅), уместающийся на коленях пользователя (К₆).

Шейпинг – разновидность гимнастики (И) для женщин (К₁), включающая элементы аэробики и силовые упражнения (К₂) для развития выносливости и красоты фигуры (К₃). В данном примере три конкретизатора. Однако возможно толкование без какого-либо одного конкретизатора.

Шейпинг – разновидность гимнастики (И) для женщин (К₁), включающая элементы аэробики и силовые упражнения (К₂).

Шейпинг – разновидность гимнастики (И) для женщин (К₁) для развития выносливости, пластичности и красоты фигуры (К₃).

Шейпинг – разновидность гимнастики (И), включающая элементы аэробики и силовые упражнения (К₂) для развития выносливости, пластичности и красоты фигуры (К₃).

Как видно из примеров, логика здесь не нарушается, однако толкование является недостаточным для полного представления предмета. Особенно этот метод удобен для анализа такой структуры дифференцирующей части толкования, в которой имеется один конкретизатор или несколько конкретизаторов с параллельным включением. А так как чаще всего конкретизаторы расположены в толкованиях англицизмов по способу параллельного включения, то этот метод использовался нами довольно часто.

Кстати, в толкованиях англицизмов, представленных в лексикографических источниках, довольно часто обнаруживается недостаток конкретизаторов, что и приводит к дефектным толкованиям, которые не дают полного представления о реалии. Например: **Сникерс** – название шоколадного (К₁) батончика (И) импортного производства (К₂). В этом толковании недостаточно раскрывается смысл и значение слова, здесь не хватает структурного конкретизатора, то есть каким составным компонентом отличается сникерс от других шоколадных батончиков, таких, например, как *баунти*, *марс*, *твикс* и др.

В зависимости от характера идентификатора конкретизаторов в толкованиях может быть один или же несколько, например, **тинейджер** – подросток (И) в возрасте от 13 до 19 лет (К); **бэбиситтер** – приходящая (К) няня (И). В структуре такого толкования фиксируется один главный существенный семантический признак, который лежит в основе данного лексического значения. Обычно в таких дефинициях определяемое слово по своей структуре и содержанию бывает несложным, т. е. достаточно указать на один признак для раскрытия значения слова. **Ноутбук** – портативный (К₁) персональный (К₂) компьютер (И), обладающий программной и аппаратной совместимостью (К₃); **боулинг** – игра (И), во время которой (К₁) два игрока (К₂), соревнуясь друг с другом (К₃), пускают (К₄) с разгона в четыре шага (К₅) шестикилограммовые шары, стараясь сбить пирамиду из десяти кеглей (К₆), установленную на расстоянии восемнадцати метров на паркетe (К₇). **Бартер** – таваарыг таваараар солицох (К) худалдааны торол (И) {Вид торговли, заключающийся в обмене товара на товар}; **ноутбук** – зоодог (К₁) авсаархан (К₂) компьютер (И). {Переносной портативный компьютер}.

При выделении конкретизаторов мы не учитывали их иерархию и нумеровали их в порядке следования. Иногда в толкованиях, где имеется более трех конкретизаторов, некоторые признаки выступают в качестве таких элементов, которые непосредственно не относятся к идентификатору, а относятся к одному из конкретизаторов, например, в дефиниции слова *боулинг* последний конкретизатор места непосредственно относится к своему предыдущему конкретизатору (см. пример выше).

Таким образом, характерной чертой дескриптивного толкования является его двучленность. Первая часть – это идентификатор, который требует пояснения, а вторая часть (конкретизирующая) представляет собой более сложную структуру. Что касается расположения структурных частей толкования, то если в русском языке идентифика-

тор и конкретизирующая часть может находиться в различных позициях по отношению друг к другу (препозиция, интерпозиция, постпозиция), в монгольском языке позиция идентификатора строго определена: идентификаторы в дескриптивных толкованиях всегда стоят в конце, то есть занимают постпозицию по отношению к конкретизирующей части. Все это связано прежде всего со структурными особенностями языков. Так, в монгольском языке позиция данных элементов имеет строгий порядок: они находятся всегда перед определяемым элементом. А идентификатор в толкованиях выполняет роль определяемого элемента, следовательно, он находится в конце толкования. Поэтому модель толкования в монгольском языке выглядит всегда одинаково: **конкретизаторы + идентификатор**, в русском языке модель может быть различной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арбатский Д. И.** Толкования значений слов. Семантические определения. – Ижевск, 1977. – 100 с.
2. **Комарова З. И.** Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск, 1991. – 155 с.
3. **Русский язык конца XX столетия (1985–1995)** / под редакцией Е. А. Земской. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
4. **Скляревская Г. Н.** Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Материалы Всесоюзной научной конференции, Москва, 20–23 мая. – Т. 1. – М., 1991. – С. 262–263.
5. **Современный русский язык.** Социальная и функциональная дифференциация / под ред. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 568 с.
6. **Толковый словарь современного русского языка.** Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Астрель, 2001. – 944 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.05)

Sereenen Tsendsuren, Candidate of Philology Sciences, Associate
Professor, Lecturer of Institute of Foreign Language, Mongolian
State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.
E-mail: Tssernn@mail.ru

Tsolmon Shirnen, Candidate of Philology Sciences, Associate
Professor, Lecturer of Institute of Foreign Language, Mongolian
State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.
E-mail: Tsomuush_sh@mail.ru

ABOUT DESCRIPTIVE INTERPRETATION OF ANGLICISMS IN RUSSIAN AND MONGOLIAN LANGUAGES

Abstract

In this article, the questions concerning the structural components of a descriptive interpretation of anglicisms in Russian and Mongolian languages are concerned. The structure of this type of interpretation, both in Russian and Mongolian languages, consists of two parts: nominative and concretizing (descriptive). Without a thorough study of the structure and content of such definitions, it is not possible to reveal the lexical meaning of a single word, or the lexical-semantic system of a language as a whole.

A characteristic feature is its descriptive interpretation of binomial. If Russian language identifier and specifies the part can be in different positions with respect to each other (preposition, interposition, postposition) in the Mongolian language is strictly defined position identifier: identifiers descriptive interpretations are always at the end, that is occupied in relation to the postposition Narrow part. All this is primarily due to the structural features of languages.

Keywords

borrowing, anglicisms, lexical meaning, descriptive interpretation, structural component, nominative part, concretizing part.

REFERENCES

1. Arbatsky D. I. *Interpretation of the meanings of words. Semantic definitions*. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1977. 100 p. (In Russian)
2. Komarova Z. I. *The semantic structure of a special word and its lexicographic description*. Sverdlovsk: Ural University Press Publ., 1991. 155 p. (In Russian)
3. *Russian language of the late twentieth century* (1985–1995). (Ed.) E. A. Zemskaya. Moscow, 1996. 480 p. (In Russian)
4. Sklyarevskaya G. N. State of the modern Russian language. Look lexicographer. *Russian language and modernity. Problems and prospects of Russian Studies*. Moscow, 1991, pp. 262–263. (In Russian)
5. *Modern Russian language. Social and functional differentiation*. (Ed.) L. P. Krysinina. Moscow, 2003. 568 p. (In Russian)
6. *Explanatory dictionary of modern Russian. Language process of the late twentieth century*. (Ed.) G. N. Sklyarevskaya. Moscow: Astrel Publ., 2001. 944 p. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Изменения в русской языковой картине мира.
Трансформация в лексиконе, тезаурусе и прагматиконе
современной языковой личности**

**Changes in the Russian Language Picture of the World.
Transformation of the Lexicon, Thesaurus and Pragmaticon
of the Contemporary Language Person**

© Т. А. Трипольская, Е. А. Гончарова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06)

УДК 801.001

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКОНЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т. А. Трипольская, Е. А. Гончарова (Новосибирск, Россия)

В настоящей статье рассматривается формирование лексикона взрослой языковой личности (ЯЛ), включающее многоступенчатые процессы включения/вытеснения лексических единиц. Динамические процессы в структуре ЯЛ являются постоянными, однако их интенсивность мотивируется внешними причинами, а также языковым потенциалом личности. Освоение нового языкового и ментального пространства, а также изменение значимости единицы в словаре («чистка словаря») представляют собой сходные процедуры, состоящие из нескольких основных этапов: «увидеть» новое или непригодное старое слово, выявить его значимость, соотнести с другими единицами словаря (синонимами, в первую очередь), построить временную микропарадигму из слов-конкурентов, научиться извлекать сначала привычное – потом новое, а затем новое, параллельно комментируемое привычным, и наконец, только новое, но маркированное как новое, недавно освоенное слово.

Динамические процессы в словаре индивида позволяют определенным образом его охарактеризовать, вводя в типологию языковых личностей новый аспект – наличие/отсутствие языкового слуха, качество, скорость и способы изменения лексикона.

Ключевые слова: языковая личность, динамические процессы в лексиконе говорящего, способы включения/вытеснения лексических единиц, саморефлексия.

Обычно активные процессы в словаре индивида связывают со становлением языкового сознания у детей, однако и лексикон взрослого человека пребывает в постоянном, хотя, может быть, не таком заметном движении.

При этом, в отличие от освоения языка в онтогенезе и иностранного языка, здесь

усваиваются отдельные лексические единицы, группы слов, а не цельная система языка. Индивид постепенно выстраивает / дополняет / корректирует в своей вербальной сети микропарадигму, увязывая новые и старые элементы языка в определенную подсистему.

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Гончарова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, директор, Агентство копирайтинга и корпоративной прессы "Парафраз".

E-mail: 4flame@mail.ru

Мы рассматриваем процессы, протекающие в словаре индивида, осваивающего новую лексику или, наоборот, избавляющегося от каких-то элементов словаря. Существенной стороной такого исследования является описание того, как указанные динамические процессы осмысляются самим говорящим субъектом. Характерные особенности протекания данных процессов в лексиконе языковой личности (ЯЛ) позволяют охарактеризовать ее с точки зрения способности к языковому развитию.

В последнее время в лингвистике идет активный поиск критериев для описания ЯЛ. Выделяются такие параметры, как тип речевой культуры ЯЛ (Ю. Д. Апресян, В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, В. Д. Черняк и др.), уровень языкового / коммуникативного развития (Г. И. Богин, Ю. Д. Апресян, Т. Г. Винокур, Т. А. Трипольская, С. Н. Цейтлин, В. И. Карасик, Т. А. Буданова и др.), используемые ею речевые жанры (В. В. Дементьев, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева, О. С. Иссерс, О. А. Казакова и др.), социальная роль, которую играет ЯЛ (Л. П. Крысин, В. И. Карасик, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов и др.), уровень лингвокреативности (Т. А. Гридина, М. В. Ляпон, Б. Ю. Норманн, С. Н. Цейтлин, В. З. Санников, В. Д. Черняк и др.), поведение в конфликтных ситуациях (К. Ф. Седов), психологический тип (М. В. Ляпон, И. Н. Горелов, Т. А. Трипольская и др.). Подробный анализ существующих параметров описания языковой личности см. в [1].

Встраиваясь в контекст поиска параметров описания ЯЛ, мы попытаемся выявить такие характеристики, как уровень ее речевого развития в соотношении с лингвокреативностью, способность к обучению и изменению своего словаря и способность к саморефлексии.

Логика настоящего исследования привела к необходимости некоторого расширения понятия лингвокреативности, которая обычно понимается как способность языковой личности к речетворчеству, к языковой игре, к рефлексии над своим речевым поведением. Думаю, что можно расширить это понятие, включив в него способность индивида к развитию своего лексикона и к творческому осмыслению этого процесса. Таким образом, в статье рассматриваются такие параметры описания ЯЛ, как качественные и количественные характеристики процесса формирования лексикона (время усвоения языковых единиц, влияние коммуникативной среды, основные стратегии и способы освоения / вытеснения лексических единиц из словаря и т. п.)

Процессы усвоения языковых единиц говорящим субъектом традиционно рассматриваются в русле психолингвистики. В этих работах описываются стратегии и способы идентификации слова индивидом. Основным методом исследования является психолингвистический эксперимент [2–3].

Наш подход к решению подобных задач связан с осмыслением иной методики и иного языкового материала.

В качестве языкового материала мы используем фрагменты дискурса языковой личности из художественного текста, где персонаж рассматривается как модель ЯЛ [4–5]. Исходя из поставленных задач, отбирались тексты, в которых говорящие в той или иной форме отражают рефлексии над процессом изменения своего словаря. Это произведения, авторы которых чаще всего являются филологами, переводчиками, преподавателями-лингвистами и т. п. и увлекаются языковой игрой: современные повести, рассказы, романы, а также тексты, написанные в жанре «фэнтези» и научной фантастики.

При исследовании динамических процессов в словаре ЯЛ мы, конечно, учитываем определенную условность персонажной речи: естественную фрагментарность и избирательность в отражении динамических процессов, подчиненность описания тех или иных коммуникативных событий авторским задачам (характеристика персонажей, развитие сюжета, приобщение читателя к языку произведения и др.). Надежду на получение результатов, которые можно рассматривать как отражающие реальные ментально-языковые процессы, дает объем материала: проанализировано около 2000 контекстов, которые, в свою очередь, объединены в группы (от 2–3 до 28 обращений героя к слову, которое им осваивается или, напротив, устраняется из активного словаря).

В рассматриваемых произведениях с большей или меньшей степенью адекватности представлена ситуация *постепенного* усвоения, доусвоения и вытеснения слов родного языка (а порой и чужого, и даже вымышленного).

Закономерен вопрос: что нового мы узнаем о ментально-языковых процессах формирования и изменения словаря по сравнению с психолингвистической практикой? Как кажется, такой исследовательский подход и используемый языковой материал позволяют построить ментальный сценарий, включающий разные этапы указанных процессов: 1) рассматривать усвоение ЛЕ как пролонгированный, многоэтапный, сложный процесс, качественные и количественные характеристики которого зависят от способностей ЯЛ к изменению своего словаря, а также от специфики усваиваемого языкового знака; 2) моделировать не только сценарий усвоения слова, который описан в рамках психолингвистических исследований, но и сценарий удаления ЛЕ, который может быть вполне

сознательным (речь не идет о тех единицах, которые уходят, забываясь, естественным путем); 3) выявлять способы и стратегии, которые использует ЯЛ при включении / удалении / перемещении ЛЕ по вербальной сети и об уровне осознанности этих ментально-языковых феноменов говорящим субъектом.

На активизацию протекания динамических процессов в лексиконе ЯЛ влияет ряд причин – здесь вполне уместна параллель с динамическими процессами в языке (О. Н. Ермакова, Е. А. Земская, Л. П. Крысин и др.). К внешним причинам относятся такие, как потребности личности и социально-культурная среда; к внутренним – расширение когнитивного пространства говорящего субъекта, наличие у него мотивации для работы над своим словарем, активная рефлексия ЯЛ относительно своей и чужой речи, языковая восприимчивость, память и т. п.

Ментальный сценарий (инвариантная модель) изменения лексикона ЯЛ содержит постоянные и переменные элементы, которые, варьируясь, формируют индивидуальный сценарий активизации или нейтрализации ЛЕ.

Постоянные элементы ментального сценария обусловлены существенными характеристиками процесса (его тип, характер ЛЕ), а переменные – преходящими, такими, как стратегия усвоения (путь встраивания), особенности памяти ЯЛ, ее настрой, коммуникативная ситуация, необходимость ЛЕ для говорящего субъекта, влияние языковой среды, способность индивида к рефлексии над языковыми и коммуникативными процессами.

В настоящей статье речь пойдет о поэтапном встраивании/вытеснении слова в словарь человека.

Понятно, что особенности динамических процессов, происходящих в словаре,

обусловлены спецификой конкретного слова. ЛЕ, участвующие в процессах освоения/вытеснения, делятся на слова, являющиеся для индивида полными или неполными агнонимами (соответственно – и типы лакун: когнитивные или лексико-семантические), реально существующие и искусственные, на русские и заимствованные, на терминологические, общелитературные, разговорные, жаргонные, просторечные и т. д. Также на протекание динамических процессов в словаре говорящего субъекта влияют специфика его лексикона и стратегии, им используемые.

В контексте настоящей работы можно говорить о двух типах лакун: 1) когнитивные (отсутствие единиц понятийной сферы и соответствующих номинаций); 2) лексико-семантические, представляющие собой отсутствие в лексиконе какого-то одного слова или значения, относящегося к определенной области [6–8].

Приведем примеры таких лакун. 1. Когнитивные лакуны: ...мы должны поступить так, как нам подсказывает педагогический долг – «**долг лояльных советских граждан**». <...>. Еще с вечера я твердил эти слова: «вульгаризация», «популярность» и «лаоляльный долг». «Вульгаризацию» сказал, теперь остались «популярность» и «лаоляльный долг» (В. Каверин). Герой не знаком со случайно услышанным словом и стоящим за ним понятием *лояльный*, оно является для него полным агнонимом. В связи с этим он совершает сразу две ошибки: во-первых, искажает фонетический облик слова, во-вторых, не понимая семантики слова, строит бессмысленное словосочетание *лаоляльный долг*.

Примером лексико-семантической лакуны для главного героя «Обитаемого острова» Стругацких является слово *массараки*. М. Каммерер начинает осваивать диффузное и многообразно окрашенное, эмоционально-

оценочное (бранное, например), экспрессивное слово с нуля. Проходит немалое время, пока не появится «расшифровка», которая будет опираться на такие контексты:

– *Где тебя носит, **массараки**? Кто тебе разрешил уходить? Работать надо, а то жрать не дадут, тридцать три раза массараки!* – Ты не обижайся Мак Сим, **массараки**...

– *Что за звучное слово. Что за язык!*

<...>. Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение десятилетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по **распространенному проклятию «массараки»**, что буквально означало «мир наизнанку».

– **Массараки-и-массараки!** Что ты ко мне пристал? Я же не знал, что ты не знаешь, что она дома! Я думал, ты меня разыгрываешь! И потом... о каких таких служебных тайнах мы тут говорим?

– **Массараки**... – пробормотал Максим. – Я совсем забыл про эти штуки! (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров).

В зависимости от типа лакун в лексиконе ЯЛ их заполнение происходит различными способами. Когнитивные лакуны заполняются дольше и труднее, это связано с их спецификой – отсутствием в вербальной сети ячейки, к которой индивид мог бы «отнести» слово. При заполнении лексико-семантических лакун говорящий субъект включает слово в уже существующую ячейку вербальной сети, увязывая его с «соседями» по разным осям семантического пространства.

Новая ЛЕ может заполнять лакуну в вербальной сети, но может и являться дубли-

том (семантическим, стилистическим и т. д.) уже имеющейся в лексиконе единицы. В таком случае одна из ЛЕ со временем заменит другую или между ними установятся особые индивидуальные смысловые и стилистические отношения – произойдет внутренняя дифференциация смыслов. Процессы вытеснения ЛЕ и последующего ее возвращения в речь ЯЛ также взаимосвязаны: если индивид не смог окончательно избавиться от слова, то со временем оно возвращается в его активный словарь, когда, например, ослабеваает этап контроля человека за своей речью. Процесс, связанный с расширением семантической структуры слова, влияет на изменение прагматического содержания ЛЕ, что приводит к передвижению слова по вербальной сети ЯЛ.

Процессы усвоения или вытеснения слова связаны с несколькими этапами: знакомство со словом, освоение слова, начиная от звуковой и грамматической формы до семантических нюансов, включение слова в вербальную сеть, установление отношений с другими единицами, доосвоение семантико-прагматического содержания слова, творческое использование слова (языковая игра, эксперимент),

В качестве примера приведем много-ступенчатый процесс усвоения слова **ум-клайдет**:

– *Напрасно вы это сделали, Александр Иванович, – сказал приятный мужской голос. – Что именно? – спросил я, оглянувшись на зеркало. – Я имею в виду умклайдет. <...>. – Не понимаю, о чем речь, – сказал я. В комнате никого не было, и я чувствовал раздражение. – Я говорю про умклайдет, – произнес голос. – Вы совершенно напрасно накрыли его железным ковшом. Умклайдет, или, как вы его называете, – волшебная палочка, требует чрезвычайно осторожного обраще-*

ния. – Потому я и накрыл... (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

На следующем этапе все еще остается для ЯЛ частичным агнонимом: не усвоены произношение, семантика или грамматические особенности единиц. Об этом свидетельствуют различные ошибки, колебания семантического, произносительного, грамматического или стилистического характера:

Я поднял руки. – Ради бога, все, что вам угодно! Убирайте ковшик... Убирайте даже этот самый... ум... ум... эту волшебную палочку <...>. – Тут я остановился, с изумлением обнаружив, что ковшика больше нет. Цилиндр стоял в луже жидкости, похожей на окрашенную ртуть. (А. и Б. Стругацкие).

Новое слово, которое еще не отложилось в памяти, уже соотнесено с синонимами и встроено в соответствующую микропарадигму. В процессе такого контрастного или дополнительного употребления старых и новых единиц происходит их семантико-прагматическая дифференциация.

Соотнесение старых и новых единиц лексикона эксплицируется в речи тремя основными путями: 1) говорящий выстраивает синонимические цепочки, в связи с чем в его речи появляется так называемая «временная синонимия», причем важным показателем является то, какое слово – старое или новое – употребляется первым; 2) индивид комментирует новое, непривычное слово, поясняет его семантику и особенности употребления; 3) говорящий совмещает первый и второй способы. Собственно, это и есть единицы контекста с имплицитным метатекстовым содержанием, например, различные языковые трансформации, которые позволяют выявить интенции и речевые тактики говорящего, – переносы, синонимические замены, парафра-

зы, сравнения и др. [9]. Подобное метакомментирование может маркировать чужую и недоосвоенную лексическую единицу.

Особо интересны процессы коррективки своих представлений о слове, уточнения значений и прагматических нюансов, которые соответствуют и формированию нового понятия. В качестве примера рассмотрим некоторые этапы освоения слова *выродки* М. Каммерером в «Обитаемом острове», которое он вначале соотносит с мутантами (– *Я думал, что это действительно выродки. Вроде голых, пятнистых... животных*). Напомним, что герой говорит на языке жителей другой планеты и соотносит слово с известным ему значением: **выродиться**. 1. Ухудшиться в своей природе, утратив ценные свойства предшествующих поколений (МАС). Новое вымороченное содержание этого слова герой усваивает и осмысляет вместе с читателем, поэтапно продвигаясь к новому семантическому и прагматическому содержанию, практически к такому, которое фиксирует наш словарь: 1. (Разг., презр.) Человек, который выделяется в своей семье или своей среде **крайне отрицательными качествами**. 2. (Разг.) О том, кто **не похож по своим физическим, душевным и т.д. качествам на других членов** семьи или какой-л. категории лиц, к которой он принадлежит. (МАС).

В тексте 14 фрагментов, в которых обсуждается / осмысляется / усваивается семантика слова, специфика явления и его оценочная квалификация: собственно, здесь заявлена одна из главных тем авторов – приятие / неприятие чужого, непохожего, другого, связанного с образом врага (см., например, «Жук в муравейнике»). Иными словами, для авторов освоение слова и продвижение героя к подлинному смыслу, конечно, не самоцель,

это способ введения концептуально значимой информации.

Начав с того, что **выродки** – платные агенты хонтийцев, герой приходит к своему понятию, стоящему за этим словом: – *Но вот, кстати, о зубном враче. <...>. Это очень смелый и хороший человек. – Выродок! – Хорошо. Это смелый и хороший выродок. Я видел его библиотеку. Это очень знающий выродок;*

– *Что вы думаете о выродках? Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы – заговорщики. Цели ваши представляю довольно смутно. Но мне **понравились люди**, которых я видел сам. Все они показались мне **честными** и... как бы это сказать... **не оболваненными, действующими сознательно**;*

– *Теперь хорошо бы понять, какая существует связь между больной головой и пристрастием к оппозиции. Почему систему ПБЗ стремятся разрушить только **выродки**? И при этом даже не все **выродки**?*

Как видим, оставляя неудачный, с его точки зрения, термин, герой меняет его содержание и оценочные коннотации на противоположные.

Можно предположить, что процессы изменения словаря протекают в тесной связи друг с другом. Освоение нового слова часто связано с процессом вытеснения старого. Процесс вытеснения ЛЕ в значительной степени слабее изучен современной лингвистикой.

В качестве примера, иллюстрирующего динамические процессы в лексиконе ЯЛ, приведем анализ персонажной речи (Б. Акунин. Любовник смерти). Исследуемой ЯЛ является Сенька Скориков, 12-14-летний сирота, освоившийся в воровской среде Хитровки (начало XX века), затем извлеченный из этого детского мира главным героем, занявшимся его перевоспитанием. Этот языковой мате-

риал свидетельствует о том, что уровень лингвокреативности, способность быстро впитывать услышанное – усваивать и присваивать – не всегда напрямую связан с «отправной точкой» – типом речевой культуры.

ЯЛ персонажа в высшей степени эклектична, в ней соединены языковые черты определенного социума начала XX в. и ярчайшие черты современной личности, которая из маргинальной становится все более распространенной. Языковой доминантой говорящего является высокая степень обучаемости, языковая восприимчивость и умение получать «выводное» знание: герой осваивает язык Хитровки, накладывая его на свою просторечную основу, а затем постепенно избавляется от воровского арго и от просторечных элементов, поэтапно наращивая слой литературного языка, включающий огромное количество новых слов. Авторская версия этого процесса отражает все основные черты усвоения лексических единиц, выявленные лингвистами и психологами.

Стартовые характеристики ЯЛ: характеристики лексики как литературной или нелитературной для лексикона ЯЛ незначимы, представление о формах существования русского языка и о функциональных стилях тем более в языковом сознании отсутствует. Так, значимость эмотивно-оценочной лексики (ЭОЛ) в языковом сознании персонажа совершенно иная (нередкая черта и современного говорящего, основные характеристики которого обыграны в образе С. Скорикова), чем в сознании образованной ЯЛ: лишь часть единиц этого словаря отличается известными нам коннотативными элементами, большинство же слов для акунинского героя нейтрально. Ср.: – *Ну вот что, герр Шопенгауэр, – объявил Эраст Петрович, кончив мазать Сенькину **рожу** пахучей дрянью...; Сенька не сразу **допер**, что эта колымага сама по*

*себе ездит, без коня; Из-за этого самого прогресса инженер с Масой чуть не каждый день **собачились**; И **рожа** гладкая, собой **красивая**, только немолодой уже, с седыми висками.*

Коннотативно и стилистически окрашенная лексика русского языка для ЯЛ является нейтральной (очень похоже на сегодняшнее положение дел).

Обучение героя (Эраст Фандорин в роли профессора Хиггинса) состоит из нескольких параллельных процедур: во-первых, это устранение «негодных» лексических фрагментов, во-вторых, внедрение заменяющих элементов, а также расширение словаря как следствие усложнения и обогащения картины мира.

Проще всего из активного словаря «уходит» арготическая лексика – изменились жизнь и круг общения героя. Сложнее с эмотивно-оценочной лексикой. В тексте обыгрывается простейший педагогический прием – запрет на «плохие» слова: *Тут Сенька **встрял**. Спросил, где у японцев душа – в **брюхе** или в **харе**? Интересно же! Инженер Сенькиного вопроса сначала не понял, а когда понял, заругался и велел впредь **харю** называть не «харей», не «мордой», не «рожей», а «лицом». В крайнем случае, если захочется выразиться сильнее, то можно «физиономией».*

ЭОЛ искореняется не только в тех случаях, когда наблюдается ее нейтральное употребление, но и когда слово передает эмотивные и оценочные смыслы.

Таким образом, номинативный и эмотивно-оценочный словари в большинстве случаев для ЯЛ оказались разграниченными по принципу «можно – нельзя» (известный детский прием), а не на основании семантико-прагматических различий; внедряется только одна коннотация – «неподходящее слово».

Любые изменения в лексиконе говорящего влекут за собой момент сосуществования языковых единиц-конкурентов и дальнейшее переосмысление значимости этих лексических фрагментов в словаре. В нашем случае точно схвачен момент сосуществования двух типов номинации, причем одна – разрешенная, другая – запрещенная. Ср.: ...*в пяти шагах ни хрена не разглядишь... даже рожу, в смысле лицо, сажай намазал... Сенька башкой, т. е. головой, вправо-влево покрутил, провел ре-ког-но-сци-ровку. Ничего подозрительного не заметил... столько дней гузкой тряс... малость наблатыкался, то есть немного освоился; Вот Проха потряхнул башкой (ну головой, головой), сунул руки в карманы...*

Результаты анализа художественного текста подтверждаются исследованием реальных ситуаций. Так, глагол *ложить* под напором окружающих проходит все стадии вытеснения из речи ЯЛ: *ложить/класть* употребляются одновременно, через запятую или через «то есть», затем (через немалое время!) появляется *класть* («если уж вы так хотите» и пр.) и, наконец, *класть* с комментарием *а кладку* (каменную) *все-таки ложат*. Стоит, наверное, сказать, что удаление слова из активного употребления происходит медленнее, чем усвоение, с возвращениями в ситуации ослабления контроля и самоконтроля.

Вернемся к акунинскому герою. В первых примерах есть лишь отдельные лексемы (*рожа, башка*), которые осознаются как непригодные; рядом с ними естественным образом употребляются куда более вульгарные характеристики, но на них пока запрет не наложен, а диссонанс между ними и нейтральными словами не ощущается ЯЛ. Однако в дальнейшем и другие просторечные и эмотивно-оценочные единицы подвергаются пересмотру с точки зрения пригодности

(*отмусолил, наблатыкался* и др.). Эти привычные для говорящего единицы естественно возникают первыми, однако этап «контроль» в процессе порождения речи работает четко: даже во внутренней речи автор «заставляет» героя править себя с помощью нейтральных синонимов.

«Чистка» словаря идет не без потерь. Герою, конечно, не грозит потерять весь эмотивно-оценочный словарь – он у него богат и многообразен, только качество лексики оставляет желать лучшего. В принципе же избранный путь в какой-то степени тупиковый: лексикон человека не станет богаче, если устранить экспрессивную лексику, с помощью которой говорящий удовлетворяет широкий круг коммуникативных потребностей. Текст содержит примеры таких высказываний персонажа, в которых очевидна нехватка отрицательных коннотаций в семантике заместителя эмотивно-оценочного слова: *Как только пастух, бесстыжая харя, то есть бесстыжее лицо, катеньку в картуз прибрал, корова встала и пошла себе. Хоть бы ей что... – Найти бы его, паскуду, и башку оторвать, вставил свое слово Сенька. – Не башку, а голову. Но как бы там ни было, сначала нужно его найти.*

Слова с эмотивно-оценочным значением и стилистически сниженной окраской употреблены говорящим мотивированно: для выражения отрицательных эмоций и оценок. Кроме того, *оторвать и бесстыжая* скорее сочетаются с экспрессивами. Однако запрет оказывается сплошным – он объясним вульгарным ореолом этой лексики. Запрет нарушается лишь под давлением эмоций (*Увидал: Проха. На спине лежит, мордой кверху; ...только ведь набрехал Проха, царствие ему, надлюке, небесное. Как пить дать набрехал*).

Сконструированная в тексте модель качественного и количественного изменения словаря ЯЛ актуальна для сегодняшнего состояния русского языка: именно лексика низкого стиля, жаргонизмы и просторечие явно превысили допустимый процент в словаре носителей литературного языка.

Подведем итоги

Динамические процессы в структуре ЯЛ являются постоянными, однако их интенсивность мотивируется внешними причинами, а также языковым потенциалом личности. Освоение нового языкового и ментального пространства, а также «чистка» словаря (изменение значимости единицы в словаре) представляют собой сходные процедуры, состоящие из нескольких основных этапов: «увидеть» новое или непригодное старое слово, выявить его значимость, соотнести с другими единицами микропарадигмы (синонимами, в первую очередь), построить временную микропарадигму из слов-конкурентов, научиться извлекать сначала привычное, потом новое, а затем новое, параллельно ком-

ментируемое привычным, и, наконец, только новое, но маркированное как новое, недавно освоенное. Процесс вытеснения ЛЕ связан на начальном этапе с процессом генерализации, когда происходит неоправданное распространение образца на слишком широкую область: говорящий, например, избавляется от **всех** эмотивно-оценочных слов или употребляет вновь освоенную лексику **во всех** случаях, оправданных, с точки зрения ЯЛ.

Языковой потенциал личности проявляется, в частности, в способностях встраивать неизвестное в языковой и ментальный словарь, извлекая информацию а) из непосредственного процесса обучения; б) из реальной коммуникации; в) из рефлексивных процедур по поводу языковых знаков.

Особенности изменения словаря индивида позволяют определенным образом его характеризовать, вводя в типологию ЯЛ новый аспект – наличие/отсутствие языкового слуха, качество, скорость и способы усвоения/вытеснения единиц из лексикона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гончарова Е. А.** Динамические процессы в лексиконе языковой личности. – Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 226 с.
2. **Залевская А. А.** Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. **Сазонова Т. Ю.** Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. – 134 с.
4. **Виноградов В. В.** О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
6. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
7. **Быкова Г. В.** Лакуарность в лексической системе русского языка. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 1998. – 218 с.
8. **Гак В. Г.** Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
9. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 384 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06)

Tripolskaya Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology Sciences,
Professor of the Department of Modern Russian Language,
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian
Federation.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Goncharova Elena Alekseevna, Candidate of Philology Sciences, the
chief executive officer of the copywriting and corporate media
agency “Paraphrase”, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: 4flame@mail.ru

DYNAMIC PROCESSES IN THE LEXICON OF A LANGUAGE PERSONALITY

Abstract

The authors describe the formation of an adult person's lexicon, including multistage processes of inclusion/replacement of lexical units. Dynamic processes in the structure of language personality are constant, but the intensity of these processes can be caused both by the external factors and the potential of language personality. The acquisition of new language and mental zones, as well as the changes in the significance level of language unit (so called “vocabulary cleaning”) have the same nature and the same stages. These stages include looking for a new word or inappropriate “old” word, defining its significance level, comparing the certain word with the rest of vocabulary (firstly with its synonyms), building the micro-paradigm of the rival (correlated) words, learning to mine the usual meaning and then – the new one, commented by the usual, and at the very end – the new word, marked as new, recently acquired word.

Dynamic processes in the personal vocabulary enable to characterize the person in a certain way, introducing new aspects in the typology of language personalities that are language sensitivity/insensitivity, quality, speed and ways of changes in the personality's lexicon.

Keywords

language personality, dynamic processes in the lexicon, ways of inclusion/replacement of lexical units, self-consideration.

REFERENCES

1. Goncharova T. A. *Dynamic processes in the Lexicon of a Language Personality*. Cand. Phil. sci. Diss. Novosibirsk, 2009. 226 p. (In Russian)
2. Zalevskaya A. A. *Word. Text. Selected works*. Moscow: Gnozis Publ., 2005. 543 p. (In Russian)
3. Sazonova T. Yu. *Modelling for the processes of word identification by humans: psycho linguistic approach*. Tver: Tver State University Publ., 2000. 134 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. V. *About the language of fiction prose: Selected works*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russian)
5. Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. Moscow: Nauka Publ., 1987. 262 p. (In Russian)
6. Popova Z. D., Sternin I. A. *The papers in cognitive linguistics*. Voronezh: Istokki Publ., 2003. 191 p. (In Russian)

7. Bykova G. V. *Lacunarity in the Russian lexical system*. Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 1998. 218 p. (In Russian)
8. Gak V. G. *Comparative lexicology (of Russian and French languages)*. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1977. 264 p. (In Russian)
9. Vepreva I. T. *Language introspection in Post-Soviet Era*. Moscow, 2005. 384 p. (In Russian)

© М. В. Шпильман

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.07)

УДК 81.27 + 81.242

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ МАСКИ:**ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК ОРИЕНТИРОВ***М. В. Шпильман (Новосибирск, Россия)*

В настоящее время гендерные исследования чрезвычайно актуальны и ведутся в рамках трех основных направлений: социо- и психолингвистическом, лингвокультурологическом и коммуникативно-дискурсивном. Цель статьи – рассмотреть понятия гендера и гендерных стереотипов применительно к коммуникативной стратегии «Речевая маска»: выявить условия успешности стратегии в зависимости от фактора адресата в случаях полного или частичного соответствия речевой маски гендерным стереотипам. Так, в ходе работы было выяснено, что, с одной стороны, маска должна опираться на гендерные стереотипы поведения и речи, с другой, – стопроцентное соответствие этим стереотипам, равно как и полное несоответствие им, делает речевую и поведенческую маску неубедительной и приводит к провалу стратегии. В то же время небольшие отклонения от стереотипов воспринимаются адресатом нормально и способствуют успешности коммуникативной стратегии.

Ключевые слова. *гендер, гендерные стереотипы, речевая маска, коммуникативная стратегия.*

Интерес к гендерной проблематике как в отечественном, так и в зарубежном языкознании неуклонно растет. А. В. Кирилина и М. В. Томская, делая обзор лингвистических гендерных исследований, отмечают, что в настоящее время они ведутся в рамках трех основных направлений: социо- и психолингвистическом, лингвокультурологическом и коммуникативно-дискурсивном. В рамках первого направления, из которого и выросли впоследствии два других, изучаются пробле-

мы языкового сознания, находящего отражение в письменных и устных текстах. Лингвокультурологическое исследование гендера – это, прежде всего, изучение стереотипов феминности и маскулинности и их функционирование в языке, а также гендерной метафоры и межкультурной коммуникации. Исследование речевого поведения женщин и мужчин, их взаимодействие в разных видах дискурса проводится в рамках третьего, коммуникативно-дискурсивного направления [1].

Шпильман Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: s.m.v@mail.ru

Собственно лингвистические исследования гендера оформились в самостоятельное, довольно разветвленное актуальное направление современного языкознания – гендерную лингвистику, или лингвистическую гендерологию (Е. И. Горошко).

Говоря о гендерной лингвистике, необходимо разграничить понятия пола и гендера, которые в бытовом смысле часто отождествляются. Так, А. Г. Кирова разграничивает эти понятия следующим образом: она говорит, что аспект **пол** важен при анализе семантики лексических единиц, а гендер – прагматическая категория, следовательно, понятие гендера шире понятия пола: «Если аспект «пол» значим для анализа семантики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают значительно более широкий круг вопросов, рассматривая конструирование мужской и женской идентичности как один из параметров говорящей личности, т. е. в рамках прагматики» [2, с. 139]. То есть гендер мыслится как социокультурная сущность, тогда как пол является биологической категорией.

Все исследования в рамках гендерной лингвистики в настоящее время сосредоточены так или иначе вокруг двух проблем: 1) как гендер отражается в языке и 2) как гендер отражается в речи. Решение первой проблемы – отражение гендера в языке – включает в том числе задачи описания и объяснения того, каким образом в языке отмечается наличие людей разного пола (особенности лексикона, синтаксиса, категории рода и пр.), какие оценки приписываются мужчинам и женщинам, а также какие механизмы лежат в основе этого [3, с. 34–35].

Вторая проблема предполагает исследование коммуникативного поведения мужчин и женщин, для чего рассматриваются и анали-

зируются средства и контекст конструирования гендера, а также то, каким образом влияют на этот процесс социальные факторы и коммуникативная среда [3, с. 35].

Безусловно, у носителей любого языка существуют устойчивые представления не только о том, как должны или не должны вести себя женщина и мужчина, но и о том, как они должны или не должны говорить: «Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола» [1]. В данной статье гендерные стереотипы понимаются вслед за А. Г. Кировой как «упрощенные, схематизированные, эмоционально четко окрашенные, устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на представителей той или иной гендерной общности независимо от личных особенностей тех или иных представителей» [2, с. 139].

Объектом настоящего исследования является гендерная речевая маска. Под речевой маской (РМ) понимается коммуникативная стратегия, предполагающая сознательную и целенаправленную эксплуатацию чужого речевого образа, речевого поведения на основании стереотипного представления о типовом исполнении той или иной социальной и/или гендерной роли. В случае гендерной РМ находятся стереотипные представления о разном использовании языковых средств женщинами и мужчинами и – шире – о мужском и женском речевом и неречевом поведении.

Учеными давно выделены и проанализированы на разных уровнях языковой системы устные (напр., Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова) и письменные

(напр., Е. И. Горошко) особенности мужской и женской речи, среди которых традиционно выделяют объем фраз/предложений (тексты мужчин существенно короче текстов женщин); использование экспрессивно-оценочной лексики (в речи мужчин преобладают рационалистические оценки, редко присутствуют эмоциональные и сенсорные); эмоциональность речи (женская речь более эмоциональна); связность и логичность речи (более связна и логична у мужчин) и др.

Однако, как отмечают ученые, зачастую результаты исследований, касающиеся различия мужской и женской речи, противоречивы, поэтому в настоящее время считается, что «гендерные особенности должны рассматриваться в сочетании со статусом, социальной группой, уровнем образования, ситуативным контекстом и т. д., а также с учетом меняющейся ситуации в обществе» [1].

Интересен опыт Е. С. Ощепковой, анализировавшей способы идентификации пола автора по письменному тесту. Она разделила качественные и количественные признаки, по которым женская и мужская речь противопоставляются, на признаки первого и второго порядков.

Признаки первого порядка, как правило, не осознаются и не зависят от социальной роли человека, поэтому они труднее поддаются имитации и по ним возможно с большей степенью вероятности определить пол автора текста в случае, если он не известен. Сюда относятся следующие количественные признаки: количество слов и количество предложений (женщины пишут больше), количество ошибок (мужчины чаще делают ошибки), количество отрицательных частиц и приставок (женщины употребляют их чаще), разнообразие словаря (у мужчин словарь более разнообразен), количество терминов семантической безысклочительности (они более харак-

терны для речи женщин), употребление речевых клише (женская речь более клиширована); качественные: более частое название собственных эмоций женщинами.

Признаки второго порядка реализуют существующие в сознании носителей языка представления о мужском и женском стилях письма и могут быть симитированы. Это такие признаки как предпочтение совершенного или несовершенного вида глаголов и глагольных форм, употребление конкретных и абстрактных существительных, предпочтение существительных мужского или женского рода, употребление частиц, а также более частое употребление первого или третьего лица личных местоимений [4].

Исследователь отмечает, что при сознательной актуализации того или иного пола признаки мужской или женской речи усиливаются [4], что и является поводом заподозрить наличие гендерной маски у автора. Причем с уверенностью можно говорить, что актуализация поведенческого стереотипа так же свидетельствует о маске. Рассмотрим примеры.

Речевая маска органично должна встроиться в маску поведенческую, совокупно организуя образ. Так, в романе Б. Акунина «Сокол и Ласточка» героиня (Летиция), чтобы попасть на корабль, вынуждена изображать юношу-лекаря. Для того чтобы заставить адресата поверить в реальность предъявляемого образа, необходимо воздействовать на разные каналы восприятия, и прежде всего – на визуальный. Тем более если речь идет об изображении человека противоположного пола. Поэтому в первую очередь изменяется внешность (1) и голос (2), сравните:

(1) *Милая моя подружка, я очень невысокого мнения о женской доле. Но как страшно с нею расставаться и, быть может, навсегда. Длинное платье и завитые*

кудряшки – неплохая защита от грубого, хищного мира. То, что позволительно даме, нипочем не сойдет с рук мужчине. На удар придется отвечать ударом, а не слезами. И в обморок не упадешь;

(2) Летиция очень робела, выходя на улицу. Ей казалось, что первый же встречный ее разоблачит. <...> С хозяином гостиницы Летиция договаривалась о комнате уже безо всякой боязни. Она назвалась лекарским учеником Эпином из испанской Фландрии, старалась говорить **побасистей**, отчего голос у нее прыгал, **в точности как у юноши в период созревания** (Б. Акунин. Сокол и Ласточка).

Дальнейшее «перевоплощение» предполагает имитацию мужского поведения и привычек (3) и, естественно, изменения лексики и манеры речи (4, 5), например:

(3) – ...Выпьем за знакомство?

– Выпьем. – **С замечательной выдержкой она хлопнула Логана по спине и лихо выпила.** То, что она закашлялась, а на глазах выступили слезы, вызвало у обоих штурманов взрыв хохота.

– Ничего, привыкнешь! – крикнул папашу Пом;

(4) Штурман использовал **два весьма пахучих словечка**, которые я повторять не стану. Я заметил, что Летиция повторила их про себя, пошевелив губами. Очевидно, в пансионате ее таким выражениям не научили.

– Но почему капитан ... здесь, за обеденным столом, а не в своей каюте? – **тут же применила она новоприобретенное знание на практике;**

(5) – Подлый обманщик, я вытрясу из вас душу вместе с требухой! – **процедила** Летиция, воспользовавшись одной из метафор бешеной Марты (Б. Акунин. Сокол и Ласточка).

Все странности этого юноши (неумение пить крепкий алкоголь, застенчивость, излишняя эмоциональность, воспитанность – особенности, которые можно отнести к гендерной роли женщины) прощаются ему, поскольку он проходит проверку команды в качестве лекаря. Этому в немалой степени способствует возраст «лекаря» в совокупности с профессиональными умениями.

Однако враз избавиться от гендерной роли невозможно: периодически она дает о себе знать в виде коммуникативных ошибок или, скорее, коммуникативных шероховатостей, которые идут вразрез с гендерными стереотипами. Например, считается, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, однако если отклонение от стереотипа укладывается в рамки допустимой погрешности, это не мешает верить образу в целом: странности есть у всех. Так, девушка Ентл, выдавая себя за ешиботника Аншеля, в следующем примере реагирует совершенно по-женски, сравните:

Ешиботники пили наливку и поздравляли жениха. Аншель тоже отхлебнул немного и поперхнулся.

– **Ой, как жжжет!**

– Какой же ты мужчина, – посмеивался Авидгор (Ицхак Башевис-Зингер. Ентл-ешиботник. Пер. Ю. Винер). Спонтанная эмоциональная реакция, совершенно характерная для женщины, прощается мужчине, поскольку его оправдывает отсутствие определенного опыта.

Таким образом, можно говорить о том, что, изображая человека другого пола, ЯЛ приходится опираться, с одной стороны, на собственное представление о внешности, походке, манере речи изображаемого человека противоположного пола. И эти представления, безусловно, коррелируют с обобщенным образом мужчины или женщины, иначе говоря, с гендерными стереотипами.

С другой стороны, РМ – это стратегия, с помощью которой говорящий желает добиться вполне определенной цели. Поэтому он должен ориентироваться на условия конкретной коммуникативной ситуации, и прежде всего – на адресата РМ. Чтобы изобразить мужчину, важно не только знать, как, например, говорит мужчина, но и быть уверенным, что адресат представляет его себе точно так же. Однако представления об исполнении мужской гендерной роли у женщин и мужчин разнятся. Это можно проиллюстрировать следующим примером. По ходу развития сюжета романа «Сокол и Ласточка» мнимому юношелекарю Эпину предстоит переодеться женщиной. И эта роль, в отличие от роли лекаря, Летиции совершенно не удастся, поскольку ее представление о том, как должна выглядеть и вести себя женщина, совершенно не совпадают с представлением мужчины, наравне с ней изображающего женщину:

– Паршивая из вас получилась красотка, Эпин, – говорил он, похохатывая. – Не то, что из меня. Поглядите, как я изящно держу спину, как пышно оттопыривается моя грудь. А вы похожи на жердь. Зря вы отказались напихать в лиф и на бедра тряпок. На девицу вы похожи, как деревянное сабо на бальную туфельку. Такая уродина может понравиться разве что дикарям с необитаемого острова, которые не видали других женщин, кроме своей слониhi.

И далее:

Логан шипел:

– Виляйте задницей, Эпин. И семените, семените! Что вы топаете, как журавль? Пару раз споткнитесь – женщины неловки. Пугливо озирайтесь, вот так.

Он показал, как надо озираться, да взвизгнул, да прикрыл рот ладонью (Б. Акунин. Сокол и Ласточка).

Летиция ведет себя естественным для конкретной женщины (самой себя) образом, тогда как Логан изображает стереотипную женщину, и Летиция в роли самой себя кажется ему неубедительной.

В рамках художественного произведения, моделирующего ситуацию применения гендерной РМ, мы имеем возможность оценить выбранную стратегию как удачную или неудачную. В реальной же коммуникации или в условиях интернет-общения это сделать сложнее. Однако существует ряд признаков (о них речь шла выше), которые позволяют «верить» или «не верить» декларируемому гендеру. К таким признакам можно отнести разделение на «женские» и «мужские темы», и нестандартность высказываемой точки зрения также может вызвать подозрения относительно соответствия декларируемой и реальной гендерной роли. Так, провокационная статья «Шесть причин не жениться на разведенке с ребенком» в одном из блогов интернет-проекта «Сноб» вызвала большое количество комментариев, абсолютное большинство которых содержало резко негативную оценку сути статьи и ее стилистики. Причем против позиции автора высказывались и женщины, и мужчины. Тем более примечателен факт поддержки авторской точки зрения комментатором с женским никнеймом, что и вызвало сомнение некоторых участников обсуждения в соответствии заявляемого и реального пола пишущего человека, например: *Я, конечно, не конспиролог и не графолог, но Вы окончательно меня убедили, дорогая «Анна», что не являетесь той, за кого себя выдаете. Возможно, Вы и существуете, но пишет здесь гражданин Селезнёв. Который, кстати, бесконечно повторяется, цитируя себя из статьи в статью.*

Попытки опровергнуть это предположение не только не разубеждают сомневающихся

ся, но и, напротив, убеждают в правоте предположения: «Марианна, уговоритесь. Я Вам уже писала, что женский «почерк» отличается от мужского. И если читающий не слепец, то может легко определить пол пишущего. Или Вам трудно поверить, что Мужское Движение поддерживают сотни тысяч людей, в т. ч. и женщины? Перечитайте комментарии еще раз и, если Вы не слепая, то увидите, кто здесь разводит демагогию». Интересно, что не сам факт поддержки «Мужского Движения», а способ вести диалог настораживает (спокойная грубость, скрупулезный анализ и последовательное опровержение реплик оппонента, вырванных из контекста, и, наконец, категоричность суждений и оценок), например:

«Я дочитал только до...» т.е. Вы не удосужились ознакомиться с материалом и критикуете его?; «самостоятельных жен-

щин» если бы были самостоятельными, не тянули бы с бывших мужей алименты, машины, недвижимостъ; «автор не выражает ни общую ни даже подавляющую точку зрения нормальных мужчин» автора поддерживают ТЫСЯЧИ мужчин; Назовите хотя бы пару-тройку причин, зачем брать в жены ту, которая уже доказала свою несостоятельность, как жена и мать и проч.

Таким образом, успешность гендерной РМ зависит от множества факторов и условий. С одной стороны, маска должна опираться на гендерные стереотипы поведения и речи, с другой, – стопроцентное соответствие этим стереотипам, равно как и полное несоответствие им, делает маску неубедительной и приводит к провалу стратегии. В то же время небольшие отклонения от стереотипов воспринимаются нормально и способствуют успешности коммуникативной стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – [электронный ресурс]. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 16.12.2013).
2. Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып. 8. – С. 138–140.
3. Белова Н. В. Гендерные стереотипы языкового сознания // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 34–38.
4. Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту: лексико-грамматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.

Shpilman Marina Vladimirovna, Candidate of Philology Sciences,
Associate Professor of the Department of Modern Russian
Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk,
Russian Federation.
E-mail: s.m.v@mail.ru

GENDER ASPECT OF SPEECH MASK: THE PROBLEM AND SEARCH LANDMARK

Abstract

Currently, gender studies are extremely important and are conducted in three main areas: socio-and psycholinguistic, lingvo culturological, discursive and communicative. The purpose of the article – to consider the concepts of gender and gender stereotypes of communication strategy «Speech Mask»: to reveal the conditions of success of the strategy in depends on the destination factor in cases of full or partial correspondence between speech mask and gender stereotypes. Thus, during the work it was found that, on the one hand, the mask must be based on gender stereotypes of behavior and speech, on the other, – a wholly-compliance with these stereotypes, as well as a complete mismatch them, makes speech and behavioral mask unconvincing and leads to failure strategy. At the same time, small deviations from the stereotypes normally perceived by the addressee and promote the success of communication strategies.

Keywords

Gender, gender stereotypes, speech mask, communication strategy.

REFERENCES

1. Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Linguistic gender studies. *Fatherland notes*. 2005, no. 2. (In Russian). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (accessed 16.12.2013).
2. Kirova A. G. Development of gender studies in linguistics. *Bulletin of TSPU*, 2009, no. 8, pp. 138–140. (In Russian)
3. Belova N. V. Gender stereotypes linguistic consciousness. *Bulletin of Moscow State Humanitarian University. Philology*, 2009, no. 1, pp. 34–38. (In Russian)
4. Oshchepkova E. S. *Identification of sex author written text: lexical and grammatical aspect*. Cand. phil. sci. Diss. Moscow, 2003. (In Russian)

© О. А. Ружа

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.08)

УДК 81.27

ЕСТЬ ЛИ ДОМ У БЕЗДОМНОГО? (ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЕЗДОМНОМ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)

О. А. Ружа (Новосибирск, Россия)

В статье продолжено исследование представления о бездомном в русской языковой картине мира. Цель статьи – уточнить признаки бездомности и выяснить отношение к этому явлению усредненного носителя современного русского языка. Исследование произведено на основе материалов Национального корпуса русского языка. в работе отмечается, что в картине мира усредненного носителя русского языка бездомным считается человек, у которого нет жилья, и человек, имеющий дом, но испытывающий духовный дискомфорт в той среде, в которой он находится, человек, не нашедший своего места в жизни или одинокий. Как правило, второй тип бездомности зачастую осмысливается положительно и зачастую облагораживается. Материальная же бездомность положительно осмысливается только в той ситуации, если бездомного жалеют, все остальные случаи вызывают негативную оценку. Неоднозначно трактуется и странническая культура: полюс оценки меняется от осуждения бродяг-странника, попрошайки до наделения странников чертами святости.

Ключевые слова: Когнитивная лингвистика, картина мира, концепт, языковая личность, дом, бездомность.

А без дома кто? Пес **бездомный**.

– Ты зря так...

(В. Шукшин. Живет такой парень (1960-1964))

В эпиграфе, взятом из рассказа В. А. Шукшина, одним из героев утверждает-ся, а другим, напротив, опровергается мысль о том, что *человек без дома ничто*. Тридцать лет спустя в газетном дискурсе мы находим ту же самую идею: **Бездомный человек в России и не человек вовсе** (От суммы бомжа не откайся (1998) // «Профессионал»,

1998.07.01). В России бездомных людей, реальных и вымышленных, множество. Первый, кто, наверное, вспоминается сразу, – это герой М. А. Булгакова Иван Бездомный.

Пару лет назад нами уже была предпринята попытка микроисследования лексемы **бездомный** [4].

Ольга Александровна Ружа – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: off_17@mail.ru

Анализ словарей и материалов Национального корпуса русского языка¹, содержащих лексемы *бездомный* и *бездомность*, позволил выявить следующее: бездомным мыслится человек, если у него нет дома, жилья. Но на этот явный признак наслаиваются другие, не менее важные. *Бездомный* – значит, одинокий, без семьи, или даже шире, выброшенный из социума, находящийся вне какой-либо группы. Также внешние условия, в которые попадает человек, способствуют тому, что и внутри себя он чувствует какую-то неустроенность и пустоту. Проанализированные контексты также позволили выявить ряд признаков, формирующих представление о бездомности (*сирота, жалкий, голодный, обросший, оборванный, нищий, отчаявшийся, плохо одетый*). Задачей настоящего исследования является более глубокий анализ избранной лексики, попытка выяснить отношение носителя русского языка к бездомному и, наконец, попробовать выяснить, есть ли дом у бездомного.

За два года поисковый корпус разросся, и встречается немало контекстов типа: *Веня, он вообще бездомный, ему жить негде...* (Захар Прилепин. Санька (2006)) – напрямую указывающих на основной признак бездомного – отсутствие дома. Или: *Я просто – Дронов, человек не исторический... бездомный человек: не прикрепленный ни к чему* (Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 2 (1928)) – здесь скорее речь идет о духовной бездомности человека. Подтвердились и дополнились также и другие семантические показатели бездомности:

– одиночество: – *Если бездетный, бездомный, я напишу справку об одиночестве, – разъяснял он* (В. П. Распутин. Прощание с

Матерой (1976)); ...*А он – взял бусину, путник бездомный, сирота истребленного рода* (Мария Семёнова. Волкодав: Знамение пути (2003)); *Найдешь ли ты, что теперь я хотя частью искупил свою вину перед тобой, подарить ли хоть ласковым словом, когда я явлюсь к тебе, быть может, изгнанный из родной семьи, покинутый всеми, одинокий, бездомный!*..(Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893));

– отсутствие документов: *Особенно один из них понравился ему, и он долго с ним наедине беседовал; бродяга бездомный, беспаспортный, родства не помнящий, по имени Фёдор Кузьмич* (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922));

– нищета: *Приходил к Мандельштамам ночевать один из бывших сотрудников «Московского комсомольца», молодой парень, почему-то очутившийся за бортом, бездомный и нищий* (Эмма Герштейн. Вблизи поэта (1985–1999));

– голод: *Бездомный, забитый и голодный, бродил он с хозяином в поисках куска хлеба* (Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968–1997));

– внешний вид: *В последние годы жизни он, седой, как лунь, в рваном пальто, заколотом английской булавкой, с мешком за плечами и беззубый, выглядел как типичный парижский «клошар» – бездомный бродяга.* (Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)); *И вот шел он сейчас ведомый двумя старухами в универмаг, дабы обрядиться в новый костюм, поскольку, как ему было заявлено, племяннику Лебедева не к лицу ходить по городу в заношенных спортивных штанах, будто он какой-то забредший в эти места бездомный бродяга* (Лазарь Карелин. Головокружение // «Юность», 1971);

¹ Национальный корпус русского языка. – [электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.12.2013).

– свобода: *Не церковные догматы необходимы мне, а та свобода, которую открыл в себе голодный, бездомный Ван Гог* (В. А. Каверин. Перед зеркалом (1965–1970)); *Бродяга, бездомный – иди куда хочешь, куда глаза глядят, где дуют теплые ветры, плещется о берег лазоревый океан...* (Виктория Беломлинская. «...Где па-сешь ты? Где отдыхаешь в полдень?» // «Звезда», 2003).

Из представленного материала видно, что довольно частотным синонимом лексемы *бездомный* является слово *бомж*: *ЛД смотрела в сторону, скошенные яблоки глаз некрасивы, она все еще никак не хотела, чтобы этот бездомный сторож, бомж, увидел, угадал, чем вызвано ее унижение* (Владимир Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени (1996–1997)); *С Володькой распрощались у метро. Оказалось, Володька вовсе бездомный. Бомж* (Владимир Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени (1996–1997)); *Одно было определено – за это горькое время у солдата не нашлось более близких людей, чем хуторянин-дед и бездомный бродяга-бомж* (Василь Быков. Волчья яма (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15). Как показывает текстовый материал, лексемы *бомж* и *бездомный* не просто вступают в синонимические отношения, но и очень часто тесно связаны в тексте, обязательно следуют друг за другом, уточняя, поясняя и оттеняя друг друга. Третьей лексемой, которая нередко идет с ними в связке, является лексема *бродяга*, которую также носитель современного русского языка мыслит либо как синоним лексемы *бездомный*, либо *бездомный* распространяет лексему *бродяга*. И если слово *бомж* получает в языке однозначно негативную оценку, то вот с *бездомным* и *бродягой* (*странником*) все оказывается не так просто. С одной стороны, бездомный человек

вызывает чувство жалости: *Если повнимательнее присмотреться к бытующим ныне социально-экономическим перекосам в стране, то в голову неизбежно придет печальное умозаключение: бездомный человек (бомж) и бездомная собака сейчас мало чем отличаются* (Юрий Козлов. Облава на бездомных Тузиков (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.05.07); *Калека ты, изгой, урод, несчастный бездомный чужестранец – ты все равно человек, ты достоин любви* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005); *Я, верно, поэтому вас приютила; такой вы бездомный* (Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чудаки (1926)). С другой стороны, тот, кто не имеет дома, корней, постоянного занятия и т.д. всегда оценивается негативно: *Человек хороший, крестьянин-земледелец, имеющий надел, двор и семейство, не то чтобы какой-нибудь бездомный прощелыга, нравственно испорченный человек, но просто обыкновенный человек, который летом в страду работает до изнеможения, держит все посты, соблюдает «все законы», становится вором потому только, что вещь лежала плохо, без присмотра* (А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо первое (1873)); *Наш Павлов третью ночь не ночует дома; не знаю, где его носит, где он шляется, словно бездомный, бесприютный какой!* (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 2 (1924)). Но встречаются и парадоксальные примеры положительной оценки бездомности: – *Он, Игнат, хороший мужик. Бедный, бездомный. Пьет только частенько...* (К. А. Коровин. Воспоминания детства (1930–1938)). Иногда эта положительная настроенность по отношению к бездомному может мотивироваться альтруистичностью последнего: *А сам, голодный и бездомный, готов разделить пищу и кров, протянуть*

дружескую руку другому, кто, как ему кажется, нуждается еще больше, чем он (Божественный Чарли (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06). Оправдание бездомности отыскивается также и в страннической свободе: *Мы, бездомные и бесприютные странники – но разве человек на земле не есть, в более глубоком смысле, всегда бездомный и бесприютный странник?* (С. Л. Франк. Смысл жизни (1925)).

Порой относительно свободы бездомного человека и вообще взаимосвязи бездомности и свободы возникает полемика: *Лиза Чекалина: – Свободный человек – значит, бездомный, он счастлив, потому что может делать, что хочет, и пойти, куда захочет. <...> Рассуждалки «Свободный человек – значит, бездомный...» Человечество издревле тревожит вопрос о том, что такое свобода и кто он – свободный человек* (Николай Копытов. Через игру можно узнать, что беспокоит ребенка // Комсомольская правда, 2011.05.04). Вторая часть текстового фрагмента отражает мнение большинства носителей русского языка о негативности бездомной жизни (*рассуждалки, тревожит*), выражает сомнение в необходимости свободы для человека: «...бездомный образ жизни, постоянная жизнь под чужим кровом, принципиальный отказ от быта в сочетании с наивным и многих раздражавшим, казавшимся даже нескромным убеждением в своем праве поселиться в чужом доме отчетливо воспроизводили идеалы странствующей, нищей святости, на которую имеет право тот, кто пророчествует во имя Господа или юродствует во Христе» [3]. Первая же часть газетной статьи представляет мнение, что бездомность освобождает от привязанности к месту, это такой романтический взгляд в духе христианской культуры скитальцев: «Бездомный, шагающий по всей матушке России – бродяга, кото-

рый ничем не дорожит и ничего не боится, и до последнего времени представляется в глазах народа чем-то идеальным, в силу чего народ относится к бродягам с особенным почетом и уважением; мирволит им, укрывает их, даже слагает в честь их песни, смешивая их с древними богатырями» [5].

По одной из точек зрения, слово казак тоже связано с бездомным существованием: *Историческим продуктом степи, соответствовавшим ее характеру и значению, является козак, по общерусскому значению слова – бездомный и бездольный, гуляющий человек, не приписанный никакому обществу, не имеющий определенных занятий и постоянного местожительства <...>* [2]. В ряде словарей мы находим подтверждение данной гипотезы, так, в словаре В. И. Даля отмечается, что эта лексема «вероятно» происходит от среднеазиатского «казмак» в значении «скитаться, бродить», а в Этимологическом словаре русского языка под редакцией Н. М. Шанского встречаем следующее толкование: «Заимствовано из тюркских языков: *kazak* – «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга». При таком раскладе положительное осмысление казачества как браво-веселой независимой братии накладывает свой отпечаток и на восприятие бездомности.

В русской классической литературе мы встречаем немало примеров оправдания бездомного или страннического существования героев, например у И. С. Тургенева: *Лаврецкий вышел из дома в сад, сел на знакомой ему скамейке – и на этом дорогом месте, перед лицом того дома, где он в последний раз напрасно простирали свои руки к заветному кубку, в котором кипит и играет золотое вино наслажденья, – он, одинокий, бездомный странник, под долетавшие до него веселые клики уже заменившего его молодого поколения, – оглянулся на свою жизнь*

(И. С. Тургенев. *Дворянское гнездо* (1859)). «Часто главный герой в начале – бездомный, безродный, неимущий человек, он скитается по чужому миру среди чужих людей, с ним происходят только случайные несчастья или случайные удачи, он встречается со случайными людьми, которые оказываются по непонятным вначале причинам его врагами или благодетелями (впоследствии все это расшифровывается по семейно-родственной линии)» [1].

Свой отпечаток накладывает также и бездомность, неустроенность знаменитых людей, живших в разное время, но особенно это касается периода конца XIX – начала XX вв. Опустим здесь упоминание о бездомности М. И. Цветаевой и приведем лишь примеры других «бездомных»: *Так молодой и бездомный Генри Миллер выбирал, к кому пойти обедать в Париже* (Саша Денисова. Только в Москве // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011) – *Ничего не подделаешь, – сказал Брюсов, – я теперь человек бездомный: у нас Добролюбов* (В. Ф. Ходасевич. Брюсов (1924)); *Я повторяю то, что сказал выше: и по жизни своей и по роду идей, по всему кругу интересов и работы Достоевский был типичнейший русский интеллигент – бездомный скиталец, не имеющий в багаже своем ничего, кроме идей, кроме разгоряченной головы, кроме мировых вопросов, тревог* (В. В. Розанов. На лекции о Достоевском (1909)); – *Пойду, попрошу себе жилье. Что такое, хожу, как бездомный! Бесприютность его очень тяготила* (И. И. Старцев. Мои встречи с Есениным (1926.03.15)); *Он был какой-то неустроенный, бездомный, все свое свободное время проживал в домах творчества, быт у него не складывался* (Вдова Бориса Заходера реализует его творческие проекты // РИА Новости, 2010.11.07) и т.д. В приведенных текстовых фрагментах

бездомность обуславливается не только постоянным или временным отсутствием дома, но и бытовой неустроенностью, и специфической духовного склада. Встречается и такая мысль: *А «человек мира» – это то же самое, что бездомный человек* (Коновалов Валерий. Патриарх Алексей: мы празднуем спасение народа // Труд-7, 2005.11.03).

В русской национальной картине мира присутствует не только образ отечественного бездомного, но и бездомного иностранца, чаще всего американца: *С обвисших полей шляпы капала вода, и от этого незнакомец выглядел как американский бездомный из советского застойного фильма* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)); *Ему невдомек, что американский бездомный может свободно подохнуть на улице от пустячной инфекции?* (Сабирджан Курмаев. Свобода – это то, чего нет (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.09.28); *У людей моего поколения еще в памяти «бездомный» американец, которого патриарх пропаганды Иона Андронов привозил в Москву, чтобы вызвать у советского народа зубовой скрежет по поводу бесчеловечности капитализма* (Олег Панфилов. Российские информационные грабли (2003) // «Независимая газета», 2003.04.28).

В ряде случаев можно говорить даже о моде на бездомность, точнее, на желание вызвать жалость. Чаще всего этим пользуются «звезды», для них это определенный PR-ход: *Достаточно сказать, что в «бездомный» период жизни, когда бедняжка Пугачева вынуждена была ютиться в элитных апартаментах гостиницы «Балчуг», номер был оформлен на г-жу Джавахадзе* (Бирюков Сергей. Алла Борисовна не то спела? // Труд-7, 2007.08.18). Другой причиной вымышленной бездомности является жажда обогащения: *Причем в рапорте на жилье генерал недрогнувшей рукой написал: «бездомный»*

(Виктор Баранец. Почему генералы-воры не сидят на нарах? // Комсомольская правда, 2005.08.23).

Настоящие же бездомные дома не имеют вообще, для таких людей созданы приюты, в которых они могут переночевать или даже пожить немного, но домом, естественно, это не назовешь: *Здесь бездомный человек может пожить некоторое время, прийти в себя, получить медпомощь, содействие в трудоустройстве, оформлении пенсии, восстановлении утраченных документов* (Цыганкова Светлана. Бомж: в профиль и анфас // Труд-7, 2004.10.29). Или же находят аналог, который служит им домом, воспринимается как дом и т.д.: *Между тем, бездомный пенсионер, скитающийся сейчас по родным и близким, недавно придумал выход: решил поставить на своем участке мобильный вагончик и жить в нем* (Марат Бубновский. Пенсионер поселится в «бомж-вагоне» рядом с Конституционным судом // Новый регион 2, 2010.03.26); *В Екатеринбурге бездомный врач поселился в морге* (Новый Регион, Елена Васильева) – *Врач одной из екатеринбургских больниц вот уже несколько недель вынужден жить в морге* (Итоговый выпуск (вечерний) – 16.05.05 18:02 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2005.05.17); *Он единственный в Брянке бездомный, который спит на картонках у двери квартиры, где жил сам, а теперь обитает его отец* (Федосов Александр. Шариков – сын подъезда // Труд-7, 2006.12.21). Возникает ощущение, что это цветаевская *boite a surprises* (коробка с сюрпризами) [6] развалилась и уже не в силах творить чудеса и быть домом.

Замена дома, его эквивалент не всегда воспринимается и принимается «жилецом»: – *С какой стати я буду ютиться в каком-то кресле, как бездомный?* (Алексей Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003]), а

у М. Цветаевой наоборот Сонечка жила в кресле. Это был ее дом, уютный, надежный, тот, какой нужен был героине «Повести о Сонечке» [6].

И наконец нужно сказать, что бездомный – это уже определенный образ жизни, ее смысл и даже философия: *Остальные возвращаются на улицы. Бездомный – это уже образ жизни. Но и таким людям нельзя отказывать в помощи* (Цыганкова Светлана. Бомж: в профиль и анфас // Труд-7, 2004.10.29); *При этом, честно работая, бездомный абсолютно бесправен* (Ярослава Танькова, Светлана Олифирова и Дина Литвинова. Быть бомжом не запретишь? // Комсомольская правда, 2002.06.17); *Главный герой, сам бездомный, переживает все муки бедности, но у него и мысли не возникает, справедливо ли то, что творится вокруг него* (В погоне за хеппи-эндом // РБК Daily, 2007.03.07); *Царь неба и земли захотел быть с нами, бездомный на земле, как мы грехом и изменой делаемся бездомными на небе* (Митрополит Антоний (Блум). Господь с нами (1972)).

Таким образом, наше небольшое исследование позволяет говорить о насущности проблемы бездомности в прямом и переносном смыслах. Бездомным считается человек, у которого нет жилья, и человек, имеющий дом, но испытывающий духовный дискомфорт в той среде, в которой он находится, человек, не нашедший своего места в жизни или одинокий. Как правило, второй тип бездомности зачастую осмысливается положительно. Герой – духовный скиталец привлекает внимание и облагораживается. Частично это обуславливается многочисленными примерами из мировой классической литературы или судьбами известных людей. Материальная же бездомность положительно осмысливается только в той ситуации, если бездомно-

го жалеют, все остальные случаи вызывают негативную оценку. Логично, что именно сфера материальной бездомности привлекает внимание и желающих воспользоваться жалостью окружающих. Неоднозначно трактуется и странническая культура: полюс оценки

меняется от осуждения бродяги-странника, попрошайки до наделения странников чертами святости. Видимо, на почве последнего и формируется современная философия бездомности как образа жизни, свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407. – [электронный ресурс]. – URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/hronotop1.html> (дата обращения: 15.10.2013).
2. **Ключевский В. О.** Русская история. Полный курс лекций. Лекции 1–9 (1904). – М.: ОЛМА – ПРЕСС Образование, 2005. – 831 с. – [электронный ресурс]. – URL: // <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (дата обращения: 15.10.2013).
3. **Лотман Ю. М.** Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция (Труды по знаковым системам). – Тарту, 1992. – Т. 24. Культура: Текст: Нарратив. – С. 58–71. – [электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-92.htm> (дата обращения: 15.10.2013).
4. **Ружа О. А.** Бездомность в индивидуальном мировосприятии и национальной картине мира: Общее и специфическое (на материале прозы М. Цветаевой) // Проблемы интерпретационной лингвистики. Поле как объект и инструмент исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.П. Перфильевой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 119–125.
5. **Скабичевский А. М.** М. Горький. Очерки и рассказы // Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. – СПб.: РХГИ, 1997. – [электронный ресурс]. – URL: // http://az.lib.ru/s/skabichewskij_a_m/text_0060.shtml (дата обращения: 15.10.2013).
6. **Фещенко О. А.** Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов). Дис. ...канд. филол. наук. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – 230 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.08)

Ruzha Olga Alexandrovna, Candidate of Philology Sciences,
Associate Professor of the Department of Modern Russian
Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk,
Russian Federation.
E-mail: off_17@mail.ru

IS THERE A HOUSE AT A HOMELESS? (THE NOTION OF A HOMELESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD)

Abstract

The article continues the study of the representations about a homeless in the Russian language picture of the world. The article aims to clarify the characteristics of homelessness and to find out the attitude to this phenomenon averaged media of modern Russian language. The study was made on the basis of materials of the National corpus of the Russian language. In work it is noted that in the picture of the world average native speakers homeless is a person who has no home, and the man who has a house, but experiencing spiritual discomfort in the environment in which it is located, people who have not found their place in life or lonely. As a rule, the second type of homelessness often perceived positively and often ennobled. The material homelessness positively perceived only in the situation where the homeless regret all other cases cause negative evaluation. Ambiguously interpreted and страннический culture: the pole of assessment varies from condemnation tramp-the wanderer, beggars to empower the Wanderers features of Holiness.

Keywords

cognitive linguistics, the picture of the world, concept, linguistic personality, house, problem of homelessness.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Forms of time and of the chronotope in the novel. Essays on the historical poetics. Bakhtin M. M. *Problems of literature and aesthetics*. Moscow: Painter. lit. Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russian). Available at: <http://www.infoliolib.info/philol/bakhtin/hronotop1.html> (accessed: 15.10.2013).
2. Klyuchevsky V. O. *Russian history. The full course of lectures. Lectures 1–9 (1904)*. Moscow: OLMA PRESS Education Publ., 2005. 831 p. (In Russian). Available at: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (accessed: 15.10.2013).
3. Lotman Y. M. *Russian culture after Petrine era and Christian tradition*. Works on sign systems. Tartu, 1992, pp. 58–71. Vol. 24: Culture: Text: Narrative. (In Russian). Available at: <http://www.philology.ru/literature2/lotman-92.htm> (accessed: 15.10.2013).
4. Ruzha O. A. Homelessness in the individual perception of the world and national picture of the world: General and specific (based on the works of M. Tsvetaeva). *Problems of interpretation of linguistics. Field as an object and tool of the study: the interuniversity collection of scientific works* (ed.) N. A. Perfilieva. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk State Pedagogical University, 2011, pp. 119–125. (In Russian)

5. Skabichevsky A. M. Gorky. Essays and stories. *Maxim Gorky: pro et contra*. (ed.) Yu Century Zobnina. St. Petersburg: RGGI Publ., 1997. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/skabichewskij_a_m/text_0060.shtml (accessed: 15.10.2013).
6. Feshchenko O. A. *Concept HOUSE in artistic picture of the world M.I. Tsvetaeva (on the material of prose texts)*. Abst. Cand. philol. sci. Diss. Novosibirsk, 2005. 230 c. (In Russian)

© Т. В. Григорьева

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.09)

УДК 811.161.1 + 37

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ И ЕЕ РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Т. В. Григорьева (Уфа, Россия)

В данной статье рассматривается одна из ключевых метафорических бинарных оппозиций белый – черный в качестве маркера в процессе оценивания окружающей действительности; описываются особенности построения ее семантического пространства, особое внимание уделяется символическому уровню – важному для понимания сложных аксиологических процессов. С опорой на данные современных толковых словарей, а также художественные, научные и публицистические тексты национального корпуса русского языка автор выделяет и характеризует сферы жизнедеятельности: эмоциональную, этическую, социально-правовую и гносеологическую, для интерпретации которых человек использует эту антонимическую пару; и приходит к выводу, что аксиологическая метафорическая бинарная оппозиция белый – черный вписывается в общую систему мировоззренческих координат, состоящую из пространственных, временных, параметрических, цветовых, вкусовых, звуковых и других противоположностей, которые помогают человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире.

Ключевые слова: аксиологический, символический, бинарная оппозиция, метафорический.

В аксиологическом постижении мира особую роль играет метафорическое использование противоположных понятий, которые создают бинарную оппозицию в языке. Такие антонимические метафоры, свойственные еще мифологическому сознанию, оказывают влияние на мышление и речевое поведение современного человека. Они служат своеобразными маркерами, при помощи которых

человек оценивает окружающее пространство. К числу таких аксиологических диад относится и оппозиция *белый/черный*, в основе ее лежат два изначально неочечных цветовых компонента, которые, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям» [9, с. 11], благодаря чему создают многослойность содержания и рожают новые, символические смыслы.

Григорьева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания, Башкирский государственный университет.

E-mail: tagrig8@mail.ru

Семантическая противопоставленность данных цветowych прилагательных, зафиксированная в современных словарях, по мнению ученых, является результатом исторического развития семантической структуры слова *белый*. Реконструкция его семного состава в древнерусском языке, предпринятая В. В. Колесовым, показала, что первоначально основное значение слова не было цветowym: «почти полное отсутствие в древних текстах противопоставления слов *белый/черный* оказывается весьма выразительным доказательством первоначально не цветowego значения слова *белый*, во всяком случае, неактуальности такого значения в древнерусской системе [5, с. 9]. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что слово *белый* восходит к древнеиндийскому корню *bha-/bhe- со значением «сиять, светить, блестеть» [8]. В русском литературном языке наци-

ональной эпохи, как пишет Т. Н. Дорожкина, слова *белый* и *черный* образуют бесспорную антонимическую пару, поскольку их уже отличают все характерные для антонимов признаки: осязаемый носителями языка контраст (что фиксируется памятниками в соответствующем употреблении этих слов, начиная с XIV–XV вв.), большое сходство в функционировании, частая совместная встречаемость в тексте [4, с. 8].

В современных толковых словарях отмечается только несколько противоположных значений данных антонимов. Проанализировав семантические структуры слов *белый* и *черный* в Толковом словаре русского языка С. Н. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [7] и Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова [6], мы отметили три противоположных значения:

<i>белый</i>	<i>черный</i>
«цвет снега или мела» (<i>белая бумага</i>)	«цвет сажи, угля» (<i>черные фигуры (в шахматах)</i>)
«светлый, в противоположность чему-нибудь более темному, именуемому черным» (<i>белое вино, белые ночи</i>)	«темный цвет, темноту, в противоположность чему-нибудь более светлому, именуемому белым» (<i>черный хлеб, черный кофе (без молока)</i>)
«человек со светлой кожей (как признак расы)» (<i>цветные и белые (сущ.)</i>)	«человек с темной кожей (как признак расы)», <i>чернокожий (черное население США)</i>

Данные современных толковых словарей показывают, что семантические структуры слов *белый* и *черный* оценочно несимметричны. Так, в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова среди значений лексемы *белый* не отражено ни одного переносного с коннотативными семами. Только в значении «только полн. trad.-нар. чистый» отмечен оттенок значения «связанный с добром; нравственно безупречный», в то время как система семем слова *черный* содержит как минимум пять негативно оценочных значений, таких как «не вызываю-

щий одобрения, предосудительный; низкий, коварный, подлый» (*черное дело, черная зависть*); «мрачный, безрадостный, связанный с тягестями жизни» (*черная скука, черная доля, судьба*), «очень плохой, крайне отрицательный» (*представить дело в черном свете, видеть только черные стороны жизни*) // «связанный с трудностями, невзгодами» (*беречь, хранить, иметь что-л. на (про) черный день, наступили черные дни*); «злостный, низкий, коварный» (*черная измена, черные замыслы*), «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, магический, свя-

занный с нечистой силой» (*черные заклинания, наговоры, черная книга* (содержащая магические заклинания и колдовские рецепты), *черная магия* (колдовство с помощью адских сил))[6].

Тем не менее, анализ фразового материала художественных, научных, публицистических текстов конца XIX – начала XXI вв., репрезентирующего компоненты исследуемой бинарной оппозиции, подтверждает, что оба компонента обладают богатым оценочным потенциалом. *Белый* в текстах русского языка приобретает положительные коннотации, *черный* вызывает отрицательные ассоциации. Такая оценочная закреплённость, вероятно, обусловлена тем, что изначально белый и черный цвета связывались в сознании людей прежде всего со светлым и темным временем суток, днем и ночью. Свет, день благодаря своей способности делать мир открытым, видимым, представлялся хорошим; тьма, ночь в силу своей способности скрывать, делать невидимыми все предметы действительности представлялась непонятной, злой, связанной с дьявольскими потусторонними силами. Чувства, которые испытывал древний человек при наблюдении (восприятии) белого и черного цвета и постижении дня и ночи, нашли отражение в «культурной памяти» слов *белый* и *черный*, их дериватов, в их синтагматических отношениях, в том числе в паремиях.

При исследовании оценочной оппозиции необходимо учитывать коммуникативный потенциал каждого компонента пары, включающий в себя «важнейшие лингвистические параметры слова, денотативную и сигнификативную отнесенность, его синтагматические и парадигматические связи с другими номинативными единицами, свойственные ему ассоциативные, оценочно-прагматические сочетания» [4, с. 8] – все то, что актуализируется при общении и стано-

вится, как отмечают некоторые ученые, более значимым, чем понятийное ядро.

В текстах современного русского языка диада *белый/черный* представлена как несоменно аксиологическая. Наряду с такими оппозициями, как *свет/тьма*, *верх/низ*, *чистый/грязный* и т.п., она выступает в русском языковом сознании как мерило действительности. Так, в семантике компонентов диады может подчеркиваться полярность, разведенность по разные концы оценочной шкалы:

Для нее не существует полутонов, только черное и белое (С. Спивакова). *Как бы вы ни держались, они все равно вас на чем-нибудь да проведут, надо только, чтоб это было не самое главное, чтоб они вам черное в белое не превратили...* (Ю. Домбровский). *Помнишь, как Федор Иоаныч говорит: я не умен и не силен, меня обмануть не трудно, но белое от черного я отличить могу!* (А. Солженицын).

Противопоставленность компонентов данной оппозиции может использоваться как воздействующая сила. Например, читателям интернет-газеты предлагались вопрос и 2 варианта ответа на него, за которые можно голосовать, причем за один вариант голосовать как за «белое», за другой – как за «черное». Таким образом авторы скрыто воздействуют на читателя, показывая заранее, какой из вариантов более приемлем: «Считаете ли вы нужным компенсировать гражданам России ущерб от несправедливой приватизации госсобственности в 1990-х гг. путем введения специального компенсационного налога? Читателей, которые считают, что лучшей формой восстановления справедливости является введение подобного налога, мы призываем голосовать за БЕЛОЕ. Тех же, кто считает, что не стоит ворошить прошлое, – за ЧЕРНОЕ» (<http://www.km.ru>).

В семантическом пространстве аксиологической оппозиции можно выделить как минимум два уровня: эмпирический, отражающий первый этап столкновения человека с явлениями, лежащими в основе оппозиции, и символический, показывающий, какие признаки диады важны для языкового сообщества при интерпретации окружающей действительности. Так в семантике бинарной оппозиции отражаются естественные этапы процесса познания явлений действительности: анализ – мысленное расчленение объектов на составные части с целью выявления составляющих его элементов и отделения существенного от несущественного – и синтез, являющийся «вершиной чувственного познания, той его стадией, когда оценочные компоненты носят не инстинктивно-стихийный характер, а обуславливаются наглядно-познавательной деятельностью индивидуума» [2, с. 12].

В зависимости от внешних особенностей оппозиции, ее значимости для человека на первом уровне ее многослойного содержательного пространства выделяются первостепенные, доминантные признаки (у компонента *белый* – это признаки «чистый», «выделенный», «светлый», «открытый»; у компонента *черный* – «грязный», «темный», «спрятанный», «интенсивный»); которые, переходя на другой уровень содержания, рожают новые, символические смыслы.

В результате человек выбирает существенно важные для него оппозиции и оперирует ими при оценке разных сфер своей жизнедеятельности. Опираясь на данные Национального корпуса русского языка¹, можно констатировать, что диада *белый/черный* лежит в основе интерпретации следующих условно

выделенных сфер: эмоциональной, этической, социально-правовой, гносеологической.

В **эмоциональной** сфере белый цвет символизирует радость, добро, чистоту, невинность; черный – пессимизм, невезение, несчастье, безнадежность: *И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!..* (В. Шукшин). *Началась черная полоса: сделки срывались в последний момент, – вспоминает уфимка* (Комсомольская правда, 2007). *Если останется нынешняя производственная структура, единственное, что можно сделать, – создать стабилизационный фонд и откладывать на «черный» день с «белого»* (Комсомольская правда, 2007).

В **этической** сфере белый цвет – символ доброты, нравственности; черный цвет – символ подлости, безнравственности: *Бело твое платье, а душа еще белей!* (И. Тургенев); *Свет бел, да люди черны* (пословица). *Черное лицо и белое лицо – вот такая разница! Черное лицо и белая душа. Белое лицо и черная душа* (С. Довлатов).

В **социально-правовой** сфере белый цвет – символ законного, юридически правильного; черный цвет – символ незаконного, требующего юридических последствий: *Если нам предложат отличную станцию, но только чтобы ее купить, нужно заплатить 1 руб. со счета, а еще десять в мешке принести, да еще половина бухгалтерии «белая», половина – «черная», тогда нет* (РБК Daily, 2007). *Это было связано с тем, что «белый» лизинг с последующим переходом права собственности гораздо выгоднее «черной» аренды* (Континент Сибирь, 2004).

В **гносеологической** сфере белый цвет символизирует открытость познанию, свободный доступ к знаниям, информации; черный – незнание, закрытость познанию, неизвестность: *Зато его, Гурова, немногие мысли прочны и за долгие годы продуманы до такой белой ясно-*

¹ Национальный корпус русского языка. – [электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.12.2013).

сти, что это уже и не мысли, а части его собственного тела, как руки и ноги (В. Маканин); *Психика человека – это **черный ящик**, – группа психологов ВНИИ МВД давно занимается анализом подобных преступлений* (Труд-7, 2008).

Выделенные сферы не предполагают жестких границ, не исключают совмещения и частичного взаимоналожения: смысловое пространство – явление континуальное.

Оппозиции неодинаково работают в представленных сферах. Так, для пары *белый/черный*, если анализировать текстовый материал Национального корпуса языка, можно отметить в качестве самых актуальных символических значений значения в нравственно-этической и социально-правовой сферах, а самого малочастотного – в гносеологической сфере.

Одновременно в одной и той же сфере может взаимодействовать несколько оппозиций, например *белый – черный* и *чистый – грязный*: *До сих пор душа моя и воображение были **чисты**, **белоснежны** и девственны, они ничем не были еще замараны; в артиллерийском училище я вдруг узнал всю **черную**, мерзкую и **грязную** сторону жизни* (Наука и жизнь, 2009). Каждая из оппозиций, выражая общеэтическое значение, создает свой образный штрих и подчеркивает свои нюансы значения. Таким образом, выявление и описание сфер, в которых проявляется оценочный характер метафорической диады, а также сопоставление общих значений у разных оппозиций важно для понимания сложного механизма оценивания действительности. Компоненты диады (в данном случае полярные цвета) становятся знаками, в которых воплощены ценностные смыслы, накопленные в процессе освоения мира человеком.

Оценка реализуется при помощи метафорической образности, которая при

переходе в умственно постигаемую сферу рождает символический смысл [3, с. 334–339]. В примерах отражается наглядная картинка при описании невидимой, действительности, внутреннего состояния человека: *Возлюбленная, белоснежно-чистая партия становилась грязной, замаранной, точно чужие цепкие пальцы проились по ней* (Б. Савинков). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, трансформация образа в символ «определяется факторами экстралингвистического порядка», обуславливается приобретением образом «определяющей жизнь человека или коллектива функции» [1, с. 338]. Образ обогащается интерпретациями художников слова, их поэтическим видением данной реалии. В каком-то смысле писатели и поэты сами создают образ. Символы в отличие от образов не создаются – нельзя создать символ, как нельзя создать традицию. Символ складывается культурно, исторически – авторы только реализуют, используют уже существующий символический потенциал для решения своих художественных, творческих задач. Символическое значение слова складывается в языковом сообществе. Оно выражает определенные оценки социума, причем традиционно сложившиеся, условно принятые обществом.

Говоря об аксиологической метафоре, важно отличать **языковую** символику от символики **культурной**. Первая реализуется в языке, создавая многослойную семантику лексических единиц путем перехода от конкретного к абстрактному: *белая душа, черная зависть, белый каталог, черный тиар*. Вторая привязана к предмету, несущему определенный культурно закрепленный смысл, и только обозначается языковыми средствами: *Сигнал об избрании Папы – **белый** дым из трубы капеллы (**черный** дым – кандидат не утвержден)* (Труд-7, 2008). *И иконостас из **белого***

мрамора, и доски из **черного** мрамора с именами погибших давно уничтожены (РИА Новости, 2008).

Таким образом, аксиологическая бинарная оппозиция *белый/черный* пронизывает современный русский язык, создавая условия для реализации ее метафорического потенциала и в определенной степени влияя на сознание носителя языка. Изучение особенностей и закономерностей работы подобных диад позволит понять механизм постижения действи-

тельности и ее оценивания. Выделенные аспекты весьма абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через свои переживания, через интуицию) бинарной оппозиции: от освоения значимости ее физических свойств для практической деятельности человека к освоению значимости ее физических свойств для оценочной и классифицирующей деятельности и, в конечном счете, для языкового моделирования мира, осознания его сложности и многоаспектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 190 с.
3. Григорьева Т. В. Символическое значение слова: специфика и принципы выделения // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ профессора В. М. Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18–21 апреля 2012 г.) / под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосовой. – Казань, 2012. – Т. 2. – С. 334–339.
4. Дорожкина Т. Н. Члены языковой оппозиции «черный-белый»: лексическая и прагматическая семантика // Исследования по семантике. – Уфа, 1999. – С. 6–17.
5. Колесов В. В. Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. – Л.: ЛГУ, 1983. – С. 8–16.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс. Т. 1 – 1986. – 576 с.; Т. 4. – 1987. – 864 с.
9. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: ДомКнига, 2005. – 280 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.09)

Grigoreva Tatiana Vladimirovna, Candidate of Philology Sciences,
Associate Professor of the Department of Modern Russian
Linguistics, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation.
E-mail: tagrig8@mail.ru

METAPHORICAL OPPOSITION *WHITE AND BLACK* AND ITS ROLE IN LANGUAGE INTERPRETATION OF REALITY

Abstract

The author analyses the peculiarities of one of key axiological metaphorical binary oppositions white and black, typical for mythological consciousness and having determined the language behavior of modern man, as a marker in the process of evaluation of reality. She describes the design features of its semantic space, highlighting the symbolic level – especially important for complex axiological processes. Based on data from modern dictionaries, as well as artistic, scientific and journalistic texts of Russian National Corpus, distinguishes and characterizes aspects of life (emotional, ethical, social, legal and epistemological) for interpretation of which a person uses this antonymic dyad. And the author comes to the conclusion that the studied axiological metaphorical binary opposition white and black fits into the general system of world coordinates, consisting of spatial, temporal, parametric, color, taste, sound and other opposites that help a person to find himself in a diverse world.

Keywords

axiological, symbolic, binary opposition, metaphorical.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Language and human world*. Moscow: Languages Russian culture Publ., 1999. 896 p. (In Russian)
2. Glasunova O. I. *Logic metaphorical transformations*. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2000. 190 p. (In Russian)
3. Grigoreva T. V. The symbolic meaning of the word: specificity and principles identification. *Russian language: operation and development*. Kazan: Kazan State University Publ., 2012, pp. 334–339. (In Russian)
4. Dorozhkina T. N. Members of the language of the opposition “black and white”: lexical semantics and pragmatic. *Studies in semantics*. Ufa: Bashkir State University Publ., 1999, pp. 6–17. (In Russian)
5. Kolesov V. V. White. *Russian historical lexicology and lexicography*. Leningrad: LSU Publ., 1983, pp. 8–16. (In Russian)
6. Kuznetsov S. A. *Great Dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ., 1998. 1536 p. (In Russian)
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Dictionary of Russian language*. Moscow: Az Publ., 1992. 955 p. (In Russian)
8. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*: in 4 vol. Moscow: Progress Publ., 1986. Vol. 1, 576 p.; 1987. Vol., 4864 p. (In Russian)
9. Tsivyan T. V. *World model and its linguistic basis*. Moscow: DomKniga Publ., 2005. 280 p. (In Russian)

© С. А. Попова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.10)

УДК 81 + 81.37

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «СМЕХ»**(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)***С. А. Попова (Новосибирск, Россия)*

В статье описаны динамические процессы, происходящие в семантическом поле «Смех». Отмечается, что в него входят лексико-семантические группы (глаголов, существительных, прилагательных, наречий, слов категории состояния и междометий). Подчеркивается, что активные процессы в данном семантическом поле в первую очередь касаются изменения лексико-семантических групп глаголов (с примыкающими к ним глагольными фразеологизмами) и существительных. Особое внимание уделяется появлению новых лексем и новых значений, а также потере актуальности слов для носителей языка и выходу их из употребления. В заключение делаются выводы, что семантическое поле «Смех» – это самоорганизующийся динамический фрагмент лексической системы языка, пребывающий в постоянном движении и развитии. Динамические процессы в семантическом поле «Смех», во-первых, показывают изменения жизни русского социума, во-вторых, отражают изменения в русской языковой картине мира: вместе с уходом части лексики уходит определенный пласт смеховой культуры, происходит смена смеховой парадигмы.

Ключевые слова: динамические процессы, семантическое поле, лексико-семантическая группа, лексическое значение, сема, компонентный анализ.

Известно, что лексический уровень языка более других подвержен историческим изменениям. Ю. С. Маслов отмечал, что «изменения в фонологической системе и звуковой «материи» языка, в его грамматическом строе трудно заметить на протяжении жизни одного поколения», а «изменения в словарном составе наблюдаются повседневно» [4, с. 271]. «Каждый новый этап в развитии общественной жизни, – писал С. И. Ожегов, – накладывал

свой отпечаток на словарный состав языка. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения, изменялись значения, выпадали из словарного состава устаревающие слова» [5].

В семантическом поле «Смех» как в лексической макропарадигме языка происходят динамические процессы, связанные с изменением жизни социума, а также с изменением картины мира носителей языка.

Попова Светлана Андреевна – аспирант кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: spspsp@list.ru

Последнее замечание представляется нам очень важным. Мысль о том, что семантическое поле отражает языковую картину мира, прослеживается в трудах многих ученых: Ю. Н. Караулова, А. А. Уфимцевой, Л. А. Новикова, И. М. Кобозевой и др. Так, по Ю. Н. Караулову, семантическое поле выступает как характеристика «индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность» и как характеристика самой действительности [2, с. 176].

В данной статье представлено исследование динамических процессов, происходящих в семантическом поле «Смех», которое позволит выявить некоторые изменения, характерные для современной русской языковой картины мира.

Семантическое поле «Смех» представляет собой совокупность лексико-семантических групп (глаголов, существительных, прилагательных, наречий, слов категории состояния и междометий), в которую входит около 400 лексических единиц. Активные процессы в данном семантическом поле в первую очередь касаются изменения состава лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) глаголов (с примыкающими к ним глагольными фразеологизмами) и существительных и происходят в двух основных направлениях: 1) появление новых лексем и новых значений; 2) перемещение лексических единиц в периферийную зону словаря.

В ЛСГ глаголов и глагольных фразеологизмов со значением действий, совершаемых человеком с целью вызвать смех, наряду с лексическими единицами *дурачиться*, *развлекать*, *забавлять*, *чудить*, *балагурить*, *шутить* (в 1-м значении «весело и забавно говорить, поступать; делать что-нибудь ради забавы»), *валять дурака*, *балаганить*, *фиглярить* и т. д. входит новое слово *петросянить*, образованное от фамилии известного россий-

ского юмориста. Обратимся к примерам из разговорной речи: *Дмитрий, хватит петросянить. Уже как-то не смешно; Опять петросянишь. Взрослый человек, а все ерунду говоришь*. Как видим из примеров, слово *петросянить* обросло негативными коннотациями: *петросянить* – вести себя, подобно юмористу Евгению Петросяну, то есть шутить несмешно, глупо. Качество юмора Е. Петросяна определенной частью современного русскоязычного социума оценивается очень невысоко. В связи с этим в повседневный обиход в той или иной мере входят новые слова и значения: *петросянить*, *петросянство* или *петросяница* в значении «несмешной, глупый юмор», а сама фамилия юмориста становится именем нарицательным и употребляется в значении «плохой шутник; человек, который постоянно пытается шутить, но у него получается неудачно». Перечисленные лексемы являются разговорными и, естественно, не закреплены в нормативных словарях.

В семантическое поле «Смех» входят и новые слова, заимствованные из английского языка: *смайлик* (и *смайл*) и *ЛОЛ*. *Smile* в переводе с английского – «улыбка». Слова *смайл* и *смайлик* традиционно обозначали графическое изображение лица улыбающегося (или смеющегося) человека в виде желтого круга с двумя черными точками, представляющими глаза, и черной дугой, символизирующей рот: ☺. В последнее время слово *смайлик* используется в качестве общего термина для наименования изображения любой эмоции и эмоционального состояния, причем не только графически, но и знаками препинания, буквами, цифрами, например: ☹ или :-(- – выражение грусти, печали, :-C – сильное огорчение, :-0 или O_o – удивление, :-[– смущение и др. Сейчас смайлики широко используются в интернет- и смс-общении, а

лексема *смайлик* уже нашла свое отражение в Толковом словаре С. И. Ожегова (далее – ТСО) 2013 г.:

Смайлик (*спец.*) – в информатике, в электронной почте: комбинация принятых символов для передачи эмоции отправителя – удивления, огорчения, улыбки и т. п. [7].

Слово **ЛОЛ** (или *лол*), которое может писаться как на русском, так и английском языке, происходит от английской аббревиации *LOL* (или *lol*), которая может объясняться тремя способами: 1) *laughing out loud* – «громко, вслух смеясь»; 2) *laugh out loud* – «громко, вслух смеяться»; 3) *lots of laughs* – «много смеха». Лексема *лол* используется в сетевом общении главным образом для выражения смеха в письменной форме, например: *И это, товарищи, Варкрафт 3. А еще Софтклуб считают одним из лучших издателей у нас. И лучшей локализацией. Лол; Лол! Бесит в каких-нибудь сообществах пишут: «У меня рост вот 170, а вес 40 кг. Я такая толстая».* Если английское *LOL* в марте 2011 г. было занесено в Оксфордский словарь английского языка, то заимствованное и оформленное русскими буквами **ЛОЛ**, возможно, скоро будет занесено в словарь компьютерного сленга.

Расширение семантического поля происходит в основном за счет вхождения в него слов в новом (жаргонном или разговорном) значении. Это такие слова, как, например, *прикалываться, прикол, прикольный, приколист, приколистка, стебать, стёб, стегать, выстегивать, стегальщик, стегальщица, угорать, угар, угарный* и др.

В пределах семантического поля «Смех» лексемы *прикалываться, стегать, стебать, выстегивать* примыкают к глаголам *насмехаться, высмеивать, шутить* (во 2-м значении «смеяться над кем-то»), *дразнить, забавляться, осмеивать, передразни-*

вать, зубоскалить, издеваться, насмешничать, подтрунивать, подшучивать и т. д., входящим в ЛСГ глаголов и глагольных фразеологизмов со значением действий, характеризующих насмешливое / шутливое отношение к объекту смеха. Слова *прикол, стёб* наряду со словами *насмешка, глумление, издевка* и др. входят в ЛСГ существительных – наименований типов смеха по характеру отношения к объекту смеха. *Приколист, приколистка, стегальщик, стегальщица* относятся к ЛСГ существительных – наименований субъектов смеха (например, *насмешник, зубоскал, весельчак, юморист* и др.). *Угарный и прикольный* (наряду со словами *смешной, забавный, потешный, юмористичный, комичный, конфузный* и др.) относятся к ЛСГ прилагательных, характеризующих объекты смеха. Рассмотрим механизм возникновения новых значений слов, позволяющих включать перечисленные лексемы в семантическое поле «Смех».

В ТСО 2010 г. лексема *прикол* представлена как однозначная:

Прикол (*спец.*) – свая, кол, укрепленные в земле (для причала, привязи) [6].

Однако ТСО 2013 г. уже фиксирует изменения в семной и семантической структурах слова и приводит омоним:

Прикол² (*прост.*) – в молодежной речи: шутка, розыгрыш [7].

Слово *приколиться* в ТСО 2013 г. отсутствует, хотя в него уже включены лексемы *приколист* и *прикольный*:

Приколист (*разг.*) – тот, кто склонен к розыгрышам, шуткам, остроумным проделкам, приколам².

Прикольный – в молодежной речи: вызывающий восхищение, необычный, забавный.

Большой толковый словарь русского языка (2009 г.) под ред. С. А. Кузнецова

(БТС) наиболее последовательно отражает произошедшие языковые изменения: в нем описаны жаргонные значения лексем *прикол*, *прикольный*, *приколиться*, *приколист*, *прикольщик*. БТС рассматривает слово *приколиться* как многозначное, а слово *прикол* как лексему, имеющую омоним:

Прикол¹ – свая, кол, вбитые в землю (для причала лодок, судов, для привязывания животных и т. п.). *Привязать на п. лошадь. Лодка на приколе.*

Прикол² (жарг.) – шутка, розыгрыш. Выражает восхищение, удивление, восторг и т. п. *Вот это прикол! Полный прикол.*

Приколиться – 1. Воткнуться куда-либо острием. *Кнопка прикололась к полу.* 2. (жарг.) Дружески подшутить; посмеяться над кем-либо, чем-либо [1].

Второй лексико-семантический вариант в обоих случаях возникает путем метафорического переноса, основанием для которого служит общая сема ‘меткое воздействие чем-либо острым’. *Прикол* – это острая шутка, а *приколиться* – пошутить над человеком, сделав ему неприятно, как будто уколов его чем-либо.

Обратим внимание на важность для русского человека концептуального признака «Смех – это оружие» [8, с. 66–67], им можно сделать больно, уколоть, проколоть, уничтожить, победить. В связи с этим рассмотрим, как возникают жаргонные значения слов *стебать*, *стегать* и *выстегивать*. По данным Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова (2004 г.) и ТСО (2013 г.) значения этих слов совсем не реализуют идею смеха:

Стебать (обл.) – хлестать, стегать, бить плеткой, прутом [11].

Стегать¹ – хлестать, бить чем-нибудь гнувшимся, тонким. *Стегать кнутом.*

Стегать² – прошивать насквозь положенный между двумя кусками ткани слой ваты. *Стегать одеяло* [7].

Однако анализ контекстов из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) показывает наличие у слов переносных значений: *Подростки стебаются, передразнивают, посылают матом учителей – это во всех школах такое есть* (Заместитель министра культуры Пензенской области против показа сериала «Школа» // Комсомольская правда, 2010.01.26); *Отчасти мы пародируем «Разрушителей легенд», прикалываемся, стебем их немножко и вносим в проект наш русский колорит* (Брагина Лика. Алексей Лихницкий и Роман Юнусов: «Нам надоело быть Лысым и Татьяной» // Труд-7, 2010.04.13).

Стебать или *стегать* – смеяться над кем-то, высмеивать кого-то. Это метафора, основанием которой служит сема ‘меткое воздействие чем-либо острым’; *стегать* – это шить иглой, *стебать* – острить, подкалывать, как иглой. Потенциальная сема ‘неприятные ощущения объекта, на которого направлено действие’ в значении слов *стебать* и *стегать* (со значением «бить, хлестать») становится ядерной в метафорической номинации: человеку, над которым *стебуются* или *выстегивают*, так же неприятно. Заметим, что БТС (2009 г.) уже фиксирует это переносное значение: *стебать* (жарг.) – насмехаться, иронизировать над кем-либо, чем-либо [1]. В БТС и ТСО (2013 г.) включается лексема *стёб* со значением «в молодежной речи: насмешка, подтрунивание, ерничанье» [7].

Появилось новое значение у слова *уго- рать* – «сильно смеяться, веселиться». Оно не представлено в современных словарях, но выявляется благодаря анализу контекстов из Национального корпуса русского языка: *Мне*

сама реклама нравится, а вообще я давно *угораю* над рекламами средств, где хозяйки в любые места их с собой носят. Я же стираю «Лаской» (Рекламные ролики на TV); *Угорать* будем или плакать? (Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета). В последнем контексте лексема *угорать* стоит рядом с узуальным антонимом к слову *смеяться* (*плакать*), что как раз позволяет понять ее лексическое значение: *угорать* – сильно смеяться. Данное значение тоже появилось путем метафорического переноса наименования (из 3 значения): *угорать* – это смеяться, как сумасшедший:

Угореть – 3. перен. Употр. как синоним *сойти с ума* (о человеке, сделавшем что-нибудь нелепое, несуразное; разг. фам.). *Что ты, угорел?* [11].

Как видим, расширение границ семантического поля «Смех» происходит за счет появления в языке новых лексем, в том числе иноязычных (например, *смайлик* и *лол*), а также новых лексико-семантических вариантов слов русского языка (например, *стебать* в значении «насмехаться», *прикалываться* в значении «шутить, смеяться над кем-либо»). Появление новых слов, а также развитие многозначности слов – два важнейших активных процесса в лексике, за счет которых пополнялся словарный состав русского языка во все времена.

Можно говорить о постоянном развитии и движении семантического поля «Смех». Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» первый раз зафиксировано употребление слова *ржать* в переносном значении «смеясь, издавать звуки, подобные конскому ржанию» только в XVII веке [10]. Такая лексема как *прыснуть* хотя и представлена в данном словаре как многозначная, но не имеет значений, связанных с идеей смеха: 1) с силой выбросить фонтан брызг, капель; 2) фыркнуть.

[9]. Метафорическое значение слова «не сдержавшись, внезапно разразиться смехом, с характерным призвуком, словно брызгая» появляется в первой половине XIX в., как показывает анализ контекстов из НКРЯ, например: *Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались* (А. С. Пушкин. Карамзин. 1821–1825). Лексемы *прикол*, *прикалываться*, *стебать*, *стебать*, *угарный*, *угорать* и т. д. развивают метафорические значения, описанные выше, в начале XXI в., как видим из примеров: *А вдруг он инвалид или Квазимодо какое, а мы тут его стебём* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум). 2004); *Вот приколются коллеги с утра: сидит посреди сплошь окровавленного офиса Аплетая, в руках – нога шефа* (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Головоломка. 2001). В русском семантическом поле «Смех» обнаруживается тенденция появления метафорических лексико-семантических вариантов слов из разговорно-просторечной среды.

Наряду со словами и лексико-семантическими вариантами, которые появились в языке сравнительно недавно и появляются постоянно, в нем существует большое количество слов, вышедших или постепенно выходящих из употребления.

Далее рассмотрим слова с семантикой смеха, потерявшие актуальность для русского социума на современном этапе развития языка. Большее количество таких лексических единиц входит в состав ЛСГ существительных – наименований субъектов, вызывающих смех своими действиями: *хохмач*, *смехун*, *ёрник*, *шут*, *шутиха*, *гаер*, *паяц*, *фигляр*, *скоморох*, *петрушка*, *буффон* и др. Обратимся к данным ТСО и БТС:

Смехун (*разг.*) – тот, кто много или охотно смеется.

Ёрник (*устар.*) – тот, кто насмехается над кем-либо, чем-либо.

Хохмач (*прост.*) – шутник, весельчак, остролов.

Буффон – актер, играющий комические, шутовские роли; шут, паяц [1].

Шут – 1. В старину: лицо при барском доме или при дворце, развлекавшее забавными выходками господ и гостей. 2. Комический персонаж в балаганных представлениях, паяц. 3. *перен.* Тот, кто балагурит на потеху другим, является общим посмешищем. *Разыгрывать шута.* Шут гороховый – о том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде. 4. (*прост.*) Употребляется вместо черт в некоторых выражениях. *Шут с ним.*

Гаер – в старину: балаганный шут.

Паяц – 1. (*устар.*) Клоун в цирке, балаганный шут. 2. *перен. (неодобр.)* О человеке, который паясничает.

Фигляр – 1. (*устар.*) Фокусник, акробат. *Ярмарочный ф.* 2. *перен. (разг., неодобр.)* О человеке, который стремится расположить к себе кривлянем, шутовскими выходками.

Арлекин – традиционный персонаж итальянской «комедии масок»; паяц, шут.

Скоморох – 1. В Древней Руси: певец-музыкант, бродячий комедиант. 2. *перен. (разг. неодобр.)* Несерьезный человек, потешающий других своими шутовскими выходками.

Петрушка – 1. Кукла, главное комическое действующее лицо в народном русском кукольном представлении. 2. (*прост., шутол.*) Нечто нелепое, странное, смешное [7].

Если слова *смехун*, *хохмач*, *ёрник* становятся все менее употребимыми в связи с тем, что в речи используется их современный синоним *шутник*, то слова *шут*, *шутиха*, *гаер*, *фигляр*, *скоморох*, *петрушка*, *буффон* и др.

становятся неактуальными для носителя языка по другой причине. Данные лексемы – это наименования людей по роду занятий, которые призваны смешить других, а также названия комических персонажей народного театра. Они описывают пласт русской смеховой культуры Средневековья – культуры шутовства. Как отмечал Д. С. Лихачёв, «одной из самых характерных особенностей средневекового смеха является его направленность на самого смеющегося. Смеющийся чаще всего смеется над самим собой, над своими злоключениями и неудачами. Смеясь, он изображает себя неудачником, дураком. Смеющийся валяет дурака, паясничает, играет, переодевается (вывертывая одежду, надевая шапку задом наперед), изображая свои несчастья и бедствия. В скрытой и в открытой форме в этом «валянии дурака» присутствует критика существующего мира, разоблачаются существующие социальные отношения, социальная несправедливость» [3]. Вместе с постепенным выходом из употребления указанных выше лексем уходит и определенный пласт смеховой культуры. В современном мире на смену шутам, буффонам, петрушкам, паяцам и др. пришли юмористы, комики, сатирики, кавээнщики, резиденты «Камеди Клаба» и др., также призванные смешить людей. Таким образом, происходит частичная смена смеховой парадигмы.

Многие устаревшие лексемы, входящие в ЛСГ существительных – наименований лиц по профессии, продолжают функционировать в речи чаще всего в переносном значении, например: *Ах, шут гороховый! И вот, благодаря природной своей глупости, Федька делается знаменитостью; острота его ходит по рукам, молодых поощряет, старцев умиляет и утешает* (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Наша общественная жизнь*); *В прокат выходит «Бабник» – попытка Эштона Кутчера дока-*

затя зрительям, что он давно уже *не шут гороховый* из тинейджерских комедий и шоу MTV, а серьезный драматический актер (Рада Тишина. Плейбой сдался без боя // РБК Daily, 2009.08.10); *Хватит строить из себя шута!* (разг. речь). Как видим из последнего примера, обнаруживаются негативные коннотации в употреблении слова *шут* в метафорическом значении, что говорит об отрицательном отношении к тем, кто кривляется на потеху другим. Семантика шутовства, которая включала возможность сказать неприятную правду под видом шутки, в метафоре не актуализирована.

Таким образом, семантическое поле «Смех» видится нам как самоорганизующийся динамический фрагмент лексической системы языка, пребывающий в постоянном движении и развитии. С одной стороны, по-

являются новые лексические единицы (например, *петросянуть*, *смайлик*, *ЛОЛ*) или новые значения слов (например, *прикол* в значении «шутка», *стегать* в значении «высмеивать»). С другой стороны, происходит потеря актуальности слов для носителей языка и выход их из употребления (например, *буффон*, *шутиха*, *смехун*, *гаер* и др.). Динамические процессы в семантическом поле «Смех» отражают и изменения в русской языковой картине мира: вместе с уходом «шутовской» лексики уходит и определенный пласт смеховой культуры. На смену шутам, буффонам, петрушкам, паяцам и др. пришли юмористы, комики, сатирики, кавээнщики, резиденты «Камеди Клаба» и др., также призванные смешить людей – происходит смена смеховой парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
3. **Лихачев Д. С.** Смех в Древней Руси // Избранные работы в 3 т. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1987. – Т. 2. – 493 с.
4. **Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
5. **Ожегов С. И.** Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
6. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, 2010. – 1200 с.
7. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Мир и Образование, 2013. – 736 с.
8. **Попова С. А.** Ментальная структура «Смех» в русской языковой картине мира // Молодая филология – 2013 (I) (по материалам исследований молодых ученых): межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 66–70.
9. **Словарь** русского языка XI–XVII веков / под ред. Г. А. Богатовой. – М.: Наука, 1995. – Вып. 21. – 282 с.
10. **Словарь** русского языка XI–XVII веков / под ред. Г. А. Богатовой. – М.: Наука, 1997. – Вып. 22. – 299 с.
11. **Толковый** словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2004. – 1280 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.10)

Popova Svetlana Andreevna, Post-graduate Student of the Department of the Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: spspsp@list.ru

DYNAMIC PROCESSES IN THE SEMANTIC FIELD “LAUGH” (IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract

The article describes the dynamic processes, happening in the semantic field “Laugh”. It consists of lexico-semantic groups of verbs, nouns, adjectives, adverbs, words of a category of state and interjections. The author considers the changes of the lexical structure of the lexico-semantic groups of verbs, verbal idioms and nouns, entering this semantic field. Special attention is paid to the emergence of new words and new lexical meanings, and also a release of words from the use. At the end of the article the author sums it all up by saying, that the semantic field “Laugh” is a self-organizing dynamic fragment of the Russian lexical system. It constantly changes and develops. On the one hand, dynamic processes in the semantic field “Laugh” show changes of life of the Russian society, but on the other hand, changes in the Russian language picture of the world are reflected in them. A release of words from the use shows changes of a condition of the Russian laughter culture.

Keywords

dynamic processes, semantic field, lexico-semantic group, lexical meaning, seme, component analysis.

REFERENCES

1. *Big explanatory dictionary of Russian* (ed.) S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ., 2009. 1536 p. (In Russian)
2. Karaulov Yu. N. *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka Publ., 1976. 356 p. (In Russian)
3. Likhachev D. S. The laugh in the Ancient Russia. *Elite of work in 3 vol.* Leningrad: Art Literature Publ., 1984. 493 p. Vol. 2. (In Russian)
4. Maslov Yu. S. *An introduction to linguistics*. Moscow: The higher School Publ., 1987. 272 p. (In Russian)
5. Ozhegov S. I. *Leksikologiya. Lexicography. Standard of speech*. Moscow: The Higher school, 1974. 352 p. (In Russian)
6. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of Russian*. (Ed.) L. I. Skvortsov. Moscow: Onyx Publ., 2010. 1200 p. (In Russian)
7. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of Russian*. (Ed.) L. I. Skvortsov. Moscow: World and Education Publ., 2013. 736 p. (In Russian)
8. Popova S. A. The mental structure "Laughter" in the Russian picture of the world. *Young philology – 2013 (on materials of researches of young scientists): interuniversity collection of scientific works*. Novosibirsk: NSPU Publ., 2013. Rt. 1, pp. 66–70. (In Russian)

9. *The dictionary of Russian of the XI–XVII centuries* (Ed.) G. A. Bogatova. Moscow: Nauka Publ., 1995. 282 p., vol. 21. (In Russian)
10. *The dictionary of Russian of the XI–XVII centuries* (Ed.) G. A. Bogatova. Moscow: Nauka Publ., 1997. 299 p., Vol. 22. (In Russian)
11. *The explanatory dictionary of Russian* (Ed.) D. N. Ushakov. Moscow: Astrel Publ., 2004. 1280 p. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Динамические процессы
в лексической и грамматической системах языка**

**Dynamic processes in lexical and grammatical
systems of language**

© Н. П. Перфильева

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.11)

УДК 801.281

ОБ ОДНОМ ИЗ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЛАСТИ СОЮЗНЫХ СКРЕП*Н. П. Перфильева (Новосибирск, Россия)*

В статье рассматриваются динамические процессы в области союзных скреп. Цель статьи – рассмотреть союзные скрепы в рамках полевого подхода и как динамическую систему. Автор представляет союзные скрепы как полевою структуру, выделяя ядро, ближайшую и отдаленную периферию. Значительная часть статьи посвящена той части зоны отдаленной периферии союзных скреп, которая является областью пересечения с полем вводно-модальных слов и является открытым динамическим множеством. Автор рассматривает отношения вводных слов и союзов как активный процесс и останавливается на двух сторонах этого процесса: 1) формирование гибридов, обусловленных синкретичной природой данной языковой единицы; 2) переход из одной лексико-грамматической категории в другую. В статье на базе анализа нормативных изданий по пунктуации показано, что в изданиях по пунктуации содержится имплицитная информация о названных активных процессах. Подводя итоги, автор приходит к выводу о том, что изменяется корпус полифункциональных лексических единиц за счёт образования новых союзов и гибридов, совмещающих свойства как союзов, так и вводных слов.

Ключевые слова: союзная скрепа, вводно-модальное слово, активный процесс, пунктуация.

Русистика конца XX в. существенно продвинулась в разработке фрагмента теории языка, описывающего вербальные показатели связи предикативных единиц и текстовых фрагментов, опираясь на фундаментальную мысль М. И. Черемисиной о том, что союз, скорее, не лексико-грамматическая, а функциональная категория [13]. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова для обоснования непротиво-

речивой структурной классификации сложного предложения ввели термин *союзная скрепа*, который продуктивно работает в современной русской грамматике. Особую ценность для лингвистики имеют созданная в «Очерках по теории сложного предложения» картина союзных средств современного русского языка (несмотря на некоторые лакуны, или, по выражению самих авторов, «белые пятна») и ее теоретическое осмысление [14].

Перфильева Наталия Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: perfisha@rambler.ru

Как известно, множество союзных скреп является **гетерогенным**. На наш взгляд, это **полевая структура**, участки которой изучены в разной степени.

Ядро состоит из однословных скреп, или собственно союзов (например: *а, и, но, что* и т.п.). К **околоядерной** зоне относятся

а) единицы, которые в школьной и традиционной грамматике называют составными союзами (в современной лингвистике часто именуют союзными фразеологизмами за их обладание признаками устойчивости, единства значения, постоянной формы и т.п. – *так что, тем более что*);

б) ряд одноместных союзов (*если, так как, ежели, коль скоро* и др.), которые имеют двухместные формальные варианты (*если..., то...; ежели..., то...; так как..., то...; коль скоро..., то* [6]).

К **зоне ближней периферии** мы относим ряд таких составных союзов / союзных фразеологизмов (*оттого что, потому что, вследствие того что* и т.д.), целостность которых регулярно может быть нарушена запятой по формальным или прагматическим условиям [3, 10, 12], например: *Теперь сетуем, что нелегко выбрать лучшего, потому что все достойные* (Экран и сцена. 2004.05.06, НКРЯ). Ср.: *Теперь сетуем, что нелегко выбрать лучшего потому, что все достойные*.

Кроме того, к этой же зоне относятся и двухместные союзные скрепы. Однако это неоднородное множество коррелятивных пар (*не только..., но и; хотя..., но* и под; *коль скоро..., значит...; поскольку..., следовательно...* и под.). На наш взгляд, периферийное положение данных скреп обусловлено их обязательным свойством проницаемости, подобно тому как проницаемы могут быть отрицательные местоимения [15]. В современной лингвистике составлен список структур-

ных схем двухместных союзных скреп [4, 7], причем эти двухместные союзные скрепы в периферийной зоне можно расположить по степени удаленности от ядра. Первую группу представляют скрепы, элементы которых по происхождению являются союзами, например: *Хоть вера в Бога моя колебалась, но все же я молилась о папе, чтобы он выздоровел* (М. Цветаева). Вторая группа союзных скреп представлена дистантным сочетанием союза и коррелята, например: *Поскольку мы храним все и вечно как национальная библиотека, то /следовательно, у нас хранится культурное наследие* (Университетская книга. 2010.11.12). Элементами третьей группы являются вводное слово (или словосочетание) и союз, например: *Бесспорно, зачатки наследственной патологии могут быть представлены в виде рецессивных мутаций предков, но немалую часть составляют и новые, так называемые спонтанные генетические мутации, не последнюю роль, в возникновении которых играет негативное воздействие окружающей среды* (Вокруг света. 2004.15.07, НКРЯ).

И наконец, множество союзных скреп – это **открытая динамичная система**.

В статье мы рассматриваем **зону отдаленной периферии**, которая является областью пересечения с другими полями: ее занимают языковые единицы, способные в ряде случаев выполнять союзную функцию (местоимения, частицы, модальные слова и т.п.). В свое время В. В. Виноградов высказал справедливую мысль о том, что корпус союзов (читай – союзных скреп) пополняется за счет «гибридных или переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий» [1, с. 578]. У этих единиц, отмечают М. И. Черемисина и Т. А. Колосова, «союзная функция не является не только единственной,

но и основной» [14]. Напомним: В. В. Виноградов ввел термины: *союз-частица*, *частица-союз* [1], а А. Ф. Прияткина – *скрепа-фраза* [11].

В русистике неоднократно делались попытки исследовать разные участки множества союзных скреп, в том числе и некоторые фрагменты периферийной зоны. Так, активным процессам в области составных союзных скреп посвящены работы Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной, М. В. Ляпон и др. [2–3, 14].

Далее мы обратимся к одному активному процессу в зоне отдаленной периферии – пополнению фонда союзных скреп за счет вводно-модальных слов. Остановимся на двух сторонах этого процесса, которые происходят в рассматриваемой области: 1) формирование гибридов, обусловленных синкретичной природой данной языковой единицы; 2) переход из одной лексико-грамматической категории в другую.

1) Многие годы в центре нашего внимания был фрагмент отдаленной периферии поля союзных скреп, который представляет собою гибриды союзов и вводных единиц. Большая часть скреп-метапоказателей имеет гибридный характер: они совмещают функции вводного слова и союза, вводного слова и межфразовой скрепы¹. Мы называем их **метатекстовыми скрепами, скрепами-метапоказателями**, например: *итак, значит, следовательно, кстати, впрочем, напротив, наоборот, словом, одним словом, коротко говоря, более того, так сказать, в частности, главное, наконец, с одной стороны – с другой стороны, иначе говоря* и др. [8].

¹ Мысль о гибридном характере единиц, в работе названных метапоказателями и «стоящих на рубеже между вводными словами и союзами», впервые высказал А. М. Пешковский [9, с. 410].

Некоторые из них ведут себя только как межфразовые (*итак, так, и еще*). Однако большинство данных единиц, как правило, является универсальными союзными скрепами, поскольку связывают и предикативные единицы, и части неэлементарного простого предложения, текста. Так, к универсальным союзным скрепам относятся метапоказатели очередности (*во-первых, прежде всего, во-вторых, далее, наконец, последнее, кроме того*): они могут связывать дистантно или контактно расположенные части текста или конструкции в единое целое, а также указывают на соединительные смысловые отношения между ними, например: 1) *Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека, столь горячего, неосмотрительного, нетрудно поставить в самое невыгодное положение* (А. С. Пушкин. Дубровский);

2) *<...>сам принцип культурообразования включает как необходимый компонент самоограничение: во-первых, природой, то есть кормящим ландшафтом; во-вторых, историческим временем, или «возрастом» этноса, то есть периодом от его возникновения до постепенного распада этнической системы* (Л. Гумилев. От Руси к России).

3) *Прежде всего, областная администрация установила налоговые льготы для тех, кто рискнет вкладывать деньги в «черную дыру», каковой не без основания считались многие бывшие колхозы и совхозы. Кроме того, власть выступила гарантом перед банками при получении кредитов для вложения в АПК. Этого оказалось достаточно, чтобы привлечь инвесторов* (Труд, 2001, № 179).

Заметим: процесс формирования гибридов, совмещающих признаки союзов и вводно-модальных слов, осознан недавно, хотя он

для скреп, судя по приведенным выше контекстам, не нов.

Так, в современном русском языке формируется большой корпус пояснительных скреп, который является динамичной микро-системой.

Ядерные скрепы-метаэлементы (*иными/другими словами, иначе говоря*) ведут себя как классические универсальные союзные скрепы, поскольку занимают чаще всего интерпозицию между предикативными единицами в составе сложного предложения (47 %), регулярно связывают предложения в тексте (31 %) или части осложненного предложения, например: 1) *Новосибирск вошел в число городов – участников международного проекта Всемирного общества светолечения и биоритмов. **Иначе говоря**, наш город включился в исследовательский эксперимент по выявлению глубинных причин сонливости* (АиФ. 1999. № 30); 2) *Поэтому мы не удивимся, если к концу 2001 года планка в 29 рублей за доллар так и не будет взята, **иными словами**, в течение года курс может вообще не измениться* (Труд. 2001. № 23).

При элиминации выделенных языковых средств связность высказывания на «стыке» компонентов ослабевает, становится имплицитной и смысловые отношения между ними могут измениться существенно: семантика тождества меняется на соединительную, ср.: *Новосибирск вошел в число городов – участников международного проекта Всемирного общества светолечения и биоритмов. Наш город включился в исследовательский эксперимент по выявлению глубинных причин сонливости.*

Особенно ярко активность описываемого процесса, который недавно осознан и является одной из современных тенденций [8], можно продемонстрировать на высказываниях с такими вводными элементами, как *об-*

разно говоря, проще сказать, короче говоря, вернее сказать, грубо выражаясь, мягко сказать, правильнее сказать, выражаясь официально/научным языком.

Так, в контексте *При этом она вырабатывает антитела к нему, **образно говоря**, вооружится* (Изв. 2009. № 178) метапоказатель *образно говоря* выполняет союзную функцию, 1) занимая интерпозицию между словами и 2) эксплицируя отношения тождества между двумя ситуациями. Однако он, в отличие от ядерного пояснительного союза *то есть*, актуализирует, что первая номинация прямая, а вторая – образная.

Обратимся к другим примерам: 1) *Он, этот неизвестный Звереву чекист, шел на безусловный риск. **Говоря официальным языком**, – «злоупотреблял служебным положением»* (А. Константинов. Мусорщик); 2) *Я у вас новый офис-менеджер, **по-русски говоря**, завхоз* (Т. Устинова. Сценарий телефильма «Всегда говори всегда»); 3) *Ученые предвидят, что наступит время, когда льды на нашей планете растают. Ураганы и дожди обрушатся на север Европы, а пустыни, наоборот, станут еще суше. **Короче говоря**, условия жизни на Земле могут быть экстремальными* (НЛО. 2001. № 45); 4) *Его любимая девушка оставила. **Грубо говоря** – бросила* (Н. Самохин. Опасная зона); 5) *Менеджерское, технократическое правительство Кириенко не имело никакого политического ресурса (**проще говоря**, доверия, влияния на общество)* (Б. Ельцин. Президентский марафон); 6) *Но положение мое было невеселое, **вернее сказать**, чрезвычайно трудное и тяжелое* (А. Брусилов. Мои воспоминания); 7) *Некоторые из нас все еще под впечатлением триумфа артиста Шварцнегера. **Правильнее сказать**, триумфа собирательного персонажа из тех, что наиграл этот артист, – культуриста Геркулеса, варвара Ко-*

нана и всемогущего Терминатора (Изв. 2002. № 34); 8) *И вот на «Тартюфе» она и попалась. Мягко сказать, споткнулась. Получилось даже не пародия на театр дель арте, а дешевый капустник, в котором актеры не понимают, почему их обрядили в полосатые костюмчики и заставили прыгать, словно попугайчики* (Труд. 2004. № 240).

Как видим, выделенные вводные единицы в данных высказываниях, с одной стороны, построены по модели простых словосочетаний и употребляются при рефлексии Говорящего относительно выбора и интерпретации номинации или какой-то своей мысли с позиции коммуникативно-целесообразной речи. Метапоказатели называют параметр, который Говорящий в своей речевой программе обозначает как мотив введения номинации, считая его важным в данной коммуникации: а) образность/стандартность, б) пространственность/лаконичность, в) известность номинации, г) ясность/сложность выраженной мысли, д) точность/неточность выражения мысли, е) стилистический регистр и/или принадлежность разным формам национального языка.

С другой стороны, данные вводные элементы занимают интерпозицию между связываемыми компонентами и выполняют конструктивную функцию – организуют пояснительную конструкцию, подобно союзу *то есть*, устанавливая отношения денотативного тождества между наименованиями одной и той же ситуации с позиции говорящего. От ядерного союза данные союзные средства отличаются не только стилистическим/социальным/эмоциональным или др. компонентом.

2) **Второй процесс**, который, на мой взгляд, активно идет в рассматриваемой зоне союзных скреп, – переход из одного лексико-грамматического класса (вводно-модальные слова) в другой (союзы). Конечно, с позиции

теоретической грамматики подобные динамические процессы происходят и с другими морфологическими классами (например, переход полнозначных слов в предлоги). Однако рассматриваемый процесс чрезвычайно активен, если его оценивать с позиции современной пунктуационной практики.

Анализ нормативных изданий по пунктуации и противоречивых комментариев к «тотальным» диктантам разных лет позволяет утверждать, что в изданиях по пунктуации содержится **имплицитная** информация о названном активном процессе [10, 12].

В пунктуационных справочниках, по сути дела, сформулированы условия этого перехода: 1) «Если вводное слово или вводное сочетание слов стоит в начале или конце обособленного оборота, то оно не отделяется от него знаком препинания» [10, с. 263; 12, с. 90];

2) присоединительные члены предложения «вводятся словами или сочетаниями слов (частицами, союзами или их сочетанием) *даже, в особенности, особенно, главным образом, в том числе, в частности, например, и притом, и потому, да и, да и только, да и вообще, и тоже, причем* и др.». Приведем примеры ее: *Словари, в частности толковые, должны использоваться в учебном процессе; В выходные можно отдохнуть, например поехать за город* [10, с. 254–255].

Здесь якобы вводные слова оформлены, как союзы. Возможно, Д. Э. Розенталь неслучайно в справочнике называет перечисленные выше союзные скрепы просто «словами» [12, с. 82]. Думаю, что это не столько проявление научной осторожности, сколько **констатация факта динамического процесса**, поскольку в письменной практике тех лет названные единицы преимущественно оформлялись как вводные слова, ср.: 1) *Языковые процессы и тенденции, у истоков которых стояли первые исследователи русско-*

го языка революционной эпохи, получили свое развитие в последующие десятилетия и обобщены в трудах советских лингвистов, в частности, в монографии «Русский язык и советское общество» (Л. И. Скворцов. О языке первых лет Октября // Русск. речь. 1987. № 5); 2) В 1912 году я <...> работал и зиму и лето все тем же репетитором, **вернее**, домашним учителем (К. Паустовский. Коротко о себе).

В современной литературе по практической пунктуации мы встречаем противоречивую интерпретацию лексико-грамматического статуса ряда лексических единиц, в том числе и метапоказателей (**вернее, точнее, к тому же, например, в частности, в особенности**).

Приведем только два примера.

1) В полном академическом справочнике читаем: «При обобщающих словах могут быть уточняющие слова (выделено мною. – Н. П.) как например, например, как то, а именно, перед которыми ставится запятая, после них – двоеточие» [10, с. 220]. При этом далее дается рекомендация после «уточняющих слов» **такие как** во фразе *Первыми после зимы расцвели цветы, такие как крокусы, тюльпаны* двоеточие не ставить. Единица **такие как**, судя по позиции в предложении – интерпозиции в конструкции типа ряд – и по пунктуационному оформлению, имплицитно представлена как союзная скрепа, но чем по позиции она отличается от перечисленных выше?

2) Согласно пунктуационной норме запятая ставится только перед «специальными словами» (очень осторожная номинация!) **вернее, точнее, иначе**, «которые не отделяются от уточняющего члена предложения. Ср.: *Приду вечером, точнее в девять часов* – вводное слово при уточнении» [10, с. 252]. Заметим: в остальных случаях **вернее, точнее** в

рекомендациях квалифицируются как вводные слова, за исключением союзов новейшего образования – *а точнее, а вернее* [10, 12].

Противоречивость интерпретации в новейшем справочнике по пунктуации состоит в том, что нарушено единообразие (если перевести на метаязык синтаксиса и морфологии) в подходе к собственно пояснительным конструкциям с союзами **то есть, то бишь, или** и уточняющим конструкциям, организованным по аналогии с пояснительными. С семантической точки зрения различие между двумя микрогруппами союзных скреп состоит в том, что **то есть, то бишь, или, иначе** стандартно употребляются при тождестве номинаций, а **вернее, точнее** – при динамическом когнитивном процессе или номинативном затруднении [8].

Однако эти группы взаимопроницаемы, ср.: 1) *Ждали, ждали хитровские шакалы Фандорина. **Точнее**, того, кто придет с «китаезой»* (Б. Акунин. Смерть Ахиллеса). 2) *Я, как технарь, о критериях. Творчество не измеришь линейкой, **вернее**, вопросником* (Изв. 2009. № 12); 3) *Но наша профессия только кажется легкой. Одну роль, **то есть** самого себя, может сыграть каждый человек* (И. Скобцева // Изв. 2010. № 12). В первом и втором контекстах допустима синонимическая трансформация – замена **точнее** на **то есть**.

На мой взгляд, о незавершенности процесса перехода из класса вводно-модальных слов в союзы свидетельствует нестабильность пунктуационного оформления данных единиц в современных текстах, например: 1) *Бесплатное, **вернее**, бюджетное обучение останется, но «на уровне новых стандартов», как говорилось, на одном из обсуждений* (Труд. 2005. № 29); 2) *Не испытываем, **точнее**, не испытывали до самого последнего времени неотвратимой и, главное, неотлож-*

ной потребности назвать наконец вещи своими именами (Ю. Афанасьев. Опасная Россия).

Ср.: 1) *В молодости он казался красивым, хотя и сейчас немалая толпа бывших его почитателей, **вернее** даже почитательниц, не отступала от своих восторгов* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); 2) *Когда в Москве обнаружили криминальный нарыв в кавказском регионе, где и без того было крайне неспокойно, то началась война, **точнее** две войны* (Труд. 2002. № 198).

С теоретической точки зрения квалификация (союз или вводно-модальное слово) таких единиц, как **вернее**, **точнее**, зависит от позиции данной языковой единицы в высказывании, ее семантики и функций. Если, находясь на границе между соединяемыми речевыми сегментами, лексема выполняет функцию показателя синтаксической связи между ними и квалифицирует пояснительные смысловые отношения, то она удовлетворяет всем признакам союза. Именно эта ситуация представлена в приведенном выше иллюстративном материале.

Если же эта языковая единица занимает позицию уточнителя при многозначном союзе, то есть акцентирует внимание на семантике пояснения / уточнения между соединяемыми речевыми сегментами, иногда дублируя в семантическом плане союз, то ее статус квалифицируется как вводно-модальное слово, например: *Мы познакомились с соседями, или, **вернее**, с соседками* (В. Каверин. Наука расставания).

И, наконец, даже если опыт лексикографического описания является последовательным, реальная пунктуационная практика, судя по значительной базе данных, может противоречить косвенным рекомендациям толкового словаря под влиянием современного активного процесса.

Так, словарная статья описывает союз *впрочем*¹ и модальное (или вводно-модальное) слово *впрочем* (*Впрочем*. 1. союз. Присоединяет предложение (или его часть), ограничивая смысл предшествующего, в знач. однако, но, хотя и. *Пособие хорошее, впрочем, не во всех частях*. 2. вводн. сл. Выражает нерешительность, колебание, переход к другой мысли. *Я, впрочем, не знаю, решай сам.*) [5, с. 102]).

Теоретически различие между ними, повторим, связано с функцией связи, которая для союза является обязательной, а для вводно-модального слова – факультативной. На практике же эта граница **условна**, поскольку сфера действия (предикативная единица и текст) и союзной скрепы *впрочем*, и вводно-модального слова *впрочем* совпадает. Это деление становится искусственным, видимо, и в связи с активностью процесса втягивания вводно-модальных слов в круг союзных скреп, с неизменяемостью и союзов, и большинства модальных слов, с развитием синкретичной семантики и полифункциональности релятивных и дискурсивных слов. Слово *впрочем* обычно выделяется запятыми, даже если занимает позицию союза и имеет противительно-уступительную семантику (несмотря на рекомендации справочников), например: *Седые уши, шевелящиеся вставные зубы, пегие щетинистые усы — все это делает его внешность странноватой, если не страшноватой. **Впрочем**, привыкнуть к ней можно* (И. Грекова. Кафедра). Иными словами, пунктуационное оформление высказывания заставляет нас интерпретировать *впрочем* как гибрид, а союз *впрочем* в современных текстах практически не встречается.

Итак, динамические процессы в области союзных скреп протекают активно и это множество является **открытой динамичной системой**, как показывает языковой материал

(Москва фактически присоединилась к обще-европейской практике, **как сейчас говорят**, «разделила европейские ценности». Изв. 2009. № 175.). Изменяется корпус полифунк-

циональных лексических единиц за счет образования новых союзов и гибридов, совмещающих свойства как союзов, так и вводных слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
2. **Колосова Т. А., Черемисина М. И.** Некоторые особенности пополнения фонда скреп // Служебные слова. – Новосибирск: НГУ, 1987. – С. 11–25.
3. **Ляпон М. В.** О значении запятой при расчленении составного союза // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979. – С. 47–60.
4. **Ляпон М. В.** Союзы и союзные слова // Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 713–722.
5. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. **Пермякова Т. Н.** Союзная скрепа *КОЛЬ СКОРО* в современном русском языке: семантико-прагматический и лексикографический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 19 с.
7. **Перфильева Н. П.** Уступительно-противительные союзные скрепы // Служебные слова и синтаксические связи: межвуз. сб. науч. тр. – Владивосток: ДГУ, 1985. – С. 128–138.
8. **Перфильева Н. П.** Метатекст в свете текстовых категорий. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. – 285 с.
9. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.
10. **Правила** русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М.: ЭКСМО, 2007. – 480 с.
11. **Прияткина А. Ф.** Скрепа-фраза (о новой модели организаторов текста) // Русистика сегодня. – М., 2000. – С. 529–539.
12. **Розенталь Д. Э.** Пунктуация и управление в русском языке: справочник для работников печати. – М.: Книга, 1988. – 543 с.
13. **Черемисина М. И.** Союз как лексическая единица языка (Лексема или функция?) // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: НГУ, 1973. – С. 36–57.
14. **Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
15. **Шанский Н. М.** Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография // Современный русский язык: в 3-х частях. – М.: Просвещение, 1987. – Ч. 1. – 192 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.11)

Perfilyeva Nataliya Petrovna, Doctor of Philology Sciences, Professor of the Department of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: perfisha@rambler.ru

ABOUT ONE OF THE ACTIVE PROCESSES IN THE FIELD OF THE CONNECTORS

Abstract

The article is dedicated to dynamic aspects in the field of connectors. The purpose of the article is to consider the connectors in the field approach and as a dynamic system. The author represents the connectors as the field structure, distinguishing the centre, short-and long-periphery. A significant part of the article focuses on that part of the zone short periphery of the connectors, which is the intersection with the field of parentheses and open a dynaset. The author of the article analyses the relations between the connectors and the parentheses as the active process and pays attention to two aspects of this process: 1) creation of hybrids, due to the syncretic nature of this language unit; 2) the transition from one lexico-grammatical category to another. In article on the basis of analysis of regulatory publications on punctuation it is shown that in the publications of punctuation contains implicit information about the above mentioned processes. Summing up, the author comes to the conclusion that the corpus of multifunctional lexical units is changing by means of the formation of new conjunctions and hybrids, combining properties as the connectors, and the parentheses.

Keywords

connectors, parenthesis, active processes, punctuation.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Russian Language (grammar theory on the word)*. Moscow: Higher School Publ., 1972. 614 p. (In Russian)
2. Kolosova T. A., Cheremisina M. I. Some features of replenishment of the fund of connectors. *Link-words*. Novosibirsk: NSU Publ., 1987, pp. 11–25. (In Russian)
3. L'apon M. V. On significance of a comma in the division of the composite conjunction. *The modern Russian punctuation*. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 47–60. (In Russian)
4. L'apon M. V. Conjunctions and soyuznye words. *Russian grammar*. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 1, pp. 713–722. (In Russian)
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of Russian Language*. Moscow: Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. (In Russian)
6. Permakova T. N. *Connector KOL' SKORO in the modern Russian Language: semantico-pragmatic and lexicographical aspects*: abst. cand. diss. Novosibirsk, 2011. 19 p. (In Russian)
7. Perfilyeva N. P. *Concessive-adversative connectors. Link-words and syntactic relations*. Vladivostok: DVSU Publ., 1985. pp. 128–138. (In Russian)
8. Perfilyeva N. P. *Metatext in the light of textual categories*. Novosibirsk: NSPU Publ., 2006. 285 p. (In Russian)

9. Peshkovskiy A. M. *The Russian syntax in scientific lighting*. Moscow: State education-pedagogical publisher of Ministry of education of the RSFSR Publ., 1956. 511 p. (In Russian)
10. *Rules of Russian orthography and punctuation*. Full academic handbook. (Ed.) V. V. Lopatin. Moscow: EKSMO Publ., 2007. 480 p. (In Russian)
11. Priyatkina A. F. Connector-phrase (about the new model of the organizers of the text). *Russian philology today*. Moscow, 2000, pp. 529–539. (In Russian)
12. Rozental D. E. *Punctuation and government in the Russian Language: a handbook for media workers*. Moscow: Book Publ., 1988. 543 p. (In Russian)
13. Cheremisina M. I. Conjunction as a lexical unit of language (Lexema or function?). *The actual problems of lexicology*. Novosibirsk: NSU Publ., 1973, pp. 36–57. (In Russian)
14. Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *The essays on the theory of complex sentences*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 197 p. (In Russian)
15. Shanskiy N. M. Introduction. Lexicology. Phraseology. Phonetics. Graphics and orthography. *The Modern Russian Language*. Moscow: Education Publ., 1987. 192 p. (In Russian)

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.12)

УДК 316 + 378

КОНСТРУКЦИИ С РЕФЛЕКСИВНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ И НЕОДУШЕВЛЕННЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ *

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

В статье рассматриваются конструкции с рефлексивным местоимением и неодушевленным подлежащим, ср.: Эта фраза содержит в себе глубокий смысл. Эти конструкции содержат переходный глагол и рефлексив. Такие рефлексивные конструкции являются результатом повышающей актантной деривации и соотносятся с непереходными конструкциями типа В этой фразе содержится глубокий смысл. Такая повышающая деривация происходит в сфере неагентивных значений. В статье сравниваются процессы повышающей деривации и понижающей деривации. Понижающая деривация рассматривается на материале декаузативных конструкций, ср.: Форточка открылась; Звери содержатся в клетках. Рассмотренный материал иллюстрирует то, что, во-первых, в русском языке, наряду с процессом интранзитивизации, действует относительно регулярный процесс транзитивизации и, во-вторых, что агентивная и интерпретационная сферы устроены по-разному, и это должно учитываться в лингвистическом описании.

Ключевые слова: возвратное местоимение (рефлексив), повышающая актантная деривация, понижающая актантная деривация, непереходные конструкции, переходные конструкции, декаузатив.

Главным синтаксическим свойством возвратного местоимения *себя* (далее – ВМ или рефлексив) является кореферентность с подлежащим [6]. ВМ показывает, что двум разным актантам глагола, выполняющим в ситуации две разные семантические роли, соответствует один и тот же референт, ср.: Он [X] уцупнул соседку [Y] vs. Он [X] уцупнул себя [X]; Он [X] рассказал о друге [Y] vs. Он

[X] рассказал о себе [X]; Он [X] гордится сыном [Y] vs. Он [X] гордится собой [X]. При этом для рефлексива *себя* приоритетными являются ситуации, где субъект – лицо. Про случаи неодушевленного подлежащего обычно говорится, что кореферентный ему рефлексив *себя* факультативный, избыточный и его всегда можно элиминировать (см., например, [6]), ср.:

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00604а.

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: galinak03@gmail.com

Глагол подчиняет себе существительное – Глагол подчиняет существительное;

Эта фраза содержит в себе глубокий смысл – Эта фраза содержит глубокий смысл и т. п.

Поскольку такой рефлексив как будто бы не вносит нового содержания и легко может быть устранен без изменения значения предложения, будем называть его тавтологическим рефлексивом (ТР).

Сразу же сделаем уточнение: ТР встречается не только в предложениях с неодушевленным подлежащим (ср. *Экспонат привлекал к себе внимание необычным цветом*), – но и в предложениях с одушевленным подлежащим: *Рокер привлекал к себе внимание экстравагантной прической*. Важно, что референт подлежащего не контролирует ситуацию: в данном случае наблюдатель заинтересовался прической рокера, о чем последний может и не знать. Но в предложениях с личным подлежащим могут возникать дополнительные семантические эффекты, поэтому дальше мы будем – для простоты – рассматривать только предложения с неодушевленными подлежащими.

В отличие от обычных рефлексивных конструкций, конструкции, допускающие ТР, остаются в тени и не являются предметом особого внимания лингвистов – в том числе, вероятно, потому, что ТР в них часто отсутствует. Между тем есть множество глаголов, при которых можно употребить ТР. Вот (по необходимости небольшая) выборка иллюстративных примеров¹:

СЕБЯ

изжить себя, исчерпать себя, дискредитировать себя, (не) оправдать себя, (не)

окупить себя, показать себя, обнаружить себя и др.:

Тема репрессий тоже **исчерпала себя** («Советская Россия», 2003.05.15).

Идея «восьмерки» **изжила себя** («Дипломатический вестник», 2004.07.270).

Новое оборудование должно **окупить себя** через 2–3 года («Дело» (Самара), 2002.07.02).

СОБОЙ

доказать собой, заполнять собой, знаменовать собой, исчерпывать собой, охватывать собой, символизировать собой, характеризовать собой и др.:

Зачем он дан был миру и что **доказал собою**? Пушкин дан был миру на то, чтобы **доказать собою**, что такое сам поэт, и ничего больше (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)).

Это обстоятельство весьма **заинтересовало собою** двух смышленных господ (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы (1864)).

Знать, что представляешь в своем лице древнейшую государственность на земле, знать, что **заканчиваешь собой** историю четырех или пяти тысячелетий, – это, как хотите, тяжело («Новое время», 1908).

В ожидании покупателя рояль простоял несколько месяцев, **занимая собой** чуть не всю правую секцию (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)).

Публика **заполнила собой** все залы выставки, толпились и на лестнице («Московская газета копейка», 1911).

Восстание декабристов **знаменовало собой** появление большого числа духовно свободных людей (Дмитрий Лихачев. О русской интеллигенции (1993)).

Однако символ – явление многозначное, и идеи, которые вкладывает в него автор, **не**

¹ Национальный корпус русского языка. – [электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.12.2013).

исчерпывают собой его содержание («Неприкосновенный запас», 2009).

«Великая Россия» – таков лозунг, **объединяющий собою** ныне самые широкие и разнообразные круги русской общественности («Проблемы России», 1916).

Декабристы **открывают собою** длинный ряд русских революционеров-мучеников, изгнанных, сосланных, казненных... («Звезда», 2002).

«Домострой» **охватывает собой** все стороны жизни в ее общих принципиальных основах и в ее повседневности (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI-XVII вв.) (1938)).

Кто не знал, что колхозники голодают, что интеллигенция запугана и прижала уши, что всем заправляют органы, **придавившие собой** и партийное руководство (Василь Быков. Болото (2001)).

В настоящее время достаточно распространено мнение, согласно которому с крещением Руси в ее истории начался новый этап, **перечеркнувший собой** все, что ему предшествовало (Интернет, сайт нумизматики).

Он **подтверждал собой** ту истину, что если человек талантлив, то талантлив во всем (Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)).

Кактус **украшает собой** комнату не хуже розы («Пятое измерение», 2003).

А переводчик выбрасывает именно этот эпитет, **характеризующий собой** всю трагедию Гамлета (К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)).

В СЕБЕ

заключат в себе, отражат в себе, скрывают в себе, содержат в себе, сочетать в себе, таить в себе, хранить в себе и др.:

Любая точка голограммы **заключат в себе** всю записанную в ней трехмерную информацию («Знание – сила», 2003).

Метро **объединяет в себе** материальную жизнь и обе ипостаси загробной (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)).

Экспозиция получилась небольшая, хотя она и призвана **отразить в себе** целых три века и даже больше («Российская музыкальная газета», 2003.01.15).

Расхожие экономические концепты и теории всегда **скрывают в себе** второй – политический – смысл («Неприкосновенный запас», 2003.09.12).

Почки и кора этих веточек **содержат в себе** витамины и минеральные вещества (И. Г. Иерусалимский, В. М. Антонов, Н. И. Епифановский. Певчие птицы и волнистые попугайчики (1977)).

Категория времени до сих пор **таит в себе** множество загадок... (В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995–2000)).

Похоже, брянская земля **хранит в себе** какую-то тайну («Криминальная хроника», 2003.06.24).

В СЕБЯ

включать в себя, вмещать в себя, вобрать в себя, впитать в себя:

Список **включает в себя** пять фамилий.

К концу 1980-х хардкор **вобрал в себя** разнообразные музыкальные стили, такие как фанк, хип-хоп, блюз, фри-джаз («Хулиган», 2004.06.15).

НА СЕБЕ

Тематика докладов **несёт на себе** некоторый отпечаток современного положения отечественной экономики («Наука в Сибири», 2001.03.07).

ЗА СОБОЙ

Термин «раса» **тянет за собой** длинный хвост негативных ассоциаций.

Процесс демократизации общества неизбежно **влечет за собой** серьезные судебные преобразования («Отечественные записки», 2003).

К СЕБЕ

Ожерелье **притягивает к себе** взгляды.

Экспонат **привлекает к себе** внимание посетителей.

СЕБЕ

Глагол **подчиняет себе** существительное.

ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Хитиновый панцирь всех членистоногих животных уже совершенно не способен **пропускать через себя** воздух (С. Рубашев. Биология (1925)).

Смальта **пропускает через себя** свет, но расположенные за ней предметы делает невидимыми («Наука и жизнь», 2007).

Из приведенных примеров видно, что тавтологический рефлексив является факультативным отнюдь не везде, – его можно опустить только в том случае, если он не является прямым дополнением; прямое дополнение синтаксически обязательно (**Тема исчерпала*; **Оборудование окупило*). Однако главный вопрос не в том, почему его можно опустить, а в том, почему его можно включить в предложение и в какое именно предложение? Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать случаи, когда ТР действительно можно опустить, но он тем не менее употребляется.

В агентивных предложениях подлежащему и рефлексиву соответствует один референт, но два разных актанта и две разных се-

мантических роли: *X [= агенс] уцупнул себя [= пациенс]*, т.е. рефлексиву соответствует отдельный участник ситуации. В неагентивных предложениях ситуация иная. Так, предложение

(а) *Глагол подчиняет себе существительное* – значит то же, что

(б) *Существительное подчиняется глаголу*

(в) *Существительное зависит от глагола*

(г) *Глагол доминирует над существительными*

(д) *Глагол управляет существительным*

В случаях (б)–(д) перед нами стативный двухместный предикат, описывающий отношение между глаголом и существительным. Никакого третьего актанта и третьей роли в таком стативном значении нет. Если предложение (а) *Глагол подчиняет себе существительное* синонимично остальным, то это тоже двухместное отношение, которое «не предусматривает» никакого отдельного актанта и отдельной семантической роли для рефлексива *себе*.

Возникает вопрос: если тавтологический рефлексив – совершенно фиктивный, «фантомный» член предложения, который ничего не добавляет ни в структуру предложения (он всегда устраним), ни в его семантику (он полностью дублирует подлежащее), тогда какую функцию он выполняет? Получается, что в русском языке существует уникальное и необъяснимое явление, не имеющее аналогов: элемент, который ни зачем не нужен и ничего не значит, регулярно появляется в определенном типе предложений. Если бы этот элемент был прикреплен к основе, как *-ся* у глаголов типа *казаться* или *смеяться*, тогда его появление было бы неизбежно. Но ТР (не в винительном падеже) – это свободный элемент, и говорящие употребляют

его совершенно «добровольно» и, по-видимому, целенаправленно.

Кроме того, если бы такой рефлексив действительно был совершенно избыточен, ничего не означал и полностью дублировал подлежащее, тогда его можно было бы вставить в любое предложение – и в любом падеже!

Однако, во-первых, его нельзя вставить в любое предложение, например, в предложение (г) *Глагол доминирует над существительным*, синонимичное предложению (а) *Глагол подчиняет себе существительное*, ТР вставить нельзя: **Глагол доминирует собой над существительным*.

А во-вторых, в тех предложениях, где ТР допустим, он стоит не в любом падеже, а в совершенно определенном.

Таким образом, существуют какие-то условия для появления ТР и, скорее всего, какие-то функции, которые ТР выполняет. О функциях будет сказано позже, а условия можно сформулировать уже сейчас. Анализ приведенных выше примеров показывает, что:

(1) ТР допустим при глаголах, которые употребляются в производных (неагентивных, интерпретационных) значениях;

(2) ТР употребляется

(а) при переходных глаголах, ср.: *Х исчерпывает собой что, Х заключает в себе что, Х пропускает через себя что*, и не употребляется при непереходных, ср.: **Х отвечает собой чему; *Х соответствует собой чему*;

(б) эти переходные глаголы имеют соотносительные непереходные (однокоренные или супплетивные): *исчерпывает собой – им исчерпывается; заключает в себе – в нем заключается, несет на себе – на нем лежит, тянет за собой – за ним тянется, пропускает через себя – через него проходит*.

Итак, важнейшие условия употребления ТР – (1) интерпретационность, (2) переходность и соотносительность. Ниже мы рассмотрим эти условия, а в пункте (3) попытаемся показать, в чем специфика и функция конструкций, допускающих ТР.

1. ИНТЕРПРЕТАЦИОННОСТЬ

Совершенно принципиально, что конструкции с ТР относятся к неагентивной, интерпретационной сфере, которая противопоставлена агентивной (и шире – сфере физических действий и процессов).

В агентивной сфере за ситуацию и за ее концептуализацию отвечает Агенса.

Агенса определяет, какова цель и достигнута ли она, какие участники входят в ситуацию и какие роли выполняют. Например, инструмент (*резать ножом*) и средство (*красить краской*) – импликации агенса. В неагентивных ситуациях те же самые предметы имеют другие семантические роли: если вы случайно порезались ножом, нож не инструмент, если случайно испачкались краской – краска не средство.

Интерпретационность противоположна агентивности. Интерпретировать можно самые разные ситуации – от физических до информационных, в том числе ситуации с личным (и даже агентивным) субъектом. Но описываются они не с точки зрения субъекта, а с точки зрения внешнего наблюдателя-интерпретатора, который ПРИПИСЫВАЕТ предикат субъекту, концептуализуя ситуацию так, а не иначе. Например, предложение *Петя огорчил маму двойкой* предполагает две разные ситуации, произошедшие в разное время: сначала Петя получил двойку, потом мама узнала и огорчилась. Но интерпретатор, во-первых, соединил эти две ситуации в одну, а во-вторых, сделал Петю главным участни-

ком, представив его как виновника события (ср. *Мама огорчилась из-за двойки*).

Интерпретационные предложения могут относиться и к агентивным ситуациям. Например, физическую ситуацию «Х вошел в дверь» интерпретатор может описать предложением *Х ошибся дверью*, если Х вошел не в ту дверь, в какую нужно. При этом Х даже не знает, что является участником ситуации «ошибся», – потому что если бы знал, то не вошел бы в эту дверь.

Признак отсутствия контроля над ситуацией со стороны референта подлежащего, о котором шла речь выше, является импликацией интерпретационности: в предложении сообщается не то, что «делает» субъект, а то, что видит или даже приписывает ему наблюдатель-интерпретатор.

В связи с этим в интерпретационных предложениях возникает парадокс.

С одной стороны, субъект исходной ситуации лишается «права голоса», выступает как пассивный объект описания по отношению к интерпретатору. С другой стороны, занимая позицию подлежащего – высшую в иерархии синтаксических позиций, – он становится своего рода контролером информационной ситуации, которая описана интерпретатором, ее главным участником, – во всяком случае, темой, т.е. главным в коммуникативной структуре, – т.к. эта информационная ситуация порождается им, происходит «из-за него».

Итак, первое условие употребления ТР – значение глагола должно относиться к неагентивной, информационной, интерпретационной сфере. Тот же глагол, описывающий физическую ситуацию, не допускает присоединения ТР, ср.:

Эта шкатулка хранит в себе много тайн / скрывает в себе много тайн / заключает в себе много тайн,

но: **Эта шкатулка хранит в себе много писем; *Коробка хранит [в себе] обувь.*

С предложением *В коробке хранится обувь* такая трансформация (**коробка хранит*) не удастся, т.к. в данном случае декаузатив (и соответствующая ситуация) сохраняет связь с агентивной сферой: это агент-контролер хранит обувь в коробке, хотя он не присутствует ни в синтаксической, ни даже в семантической структуре. (**В шкатулке хранятся тайны* тоже нельзя сказать, потому что это пассив – т.е. агент есть в семантической структуре; соответственно, *В шкатулке хранятся письма* сказать можно.)

2. ПЕРЕХОДНОСТЬ И СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Конструкции с ТР являются производными не только в плане семантики – т.е. в том смысле, что глагол употреблен в производном значении, – но и в плане синтаксиса. А именно: у них производное подлежащее. Поэтому их надо рассматривать в паре с теми конструкциями, с которыми они соотносятся, подобно тому как пассив рассматривается «в связке» с активом, а декаузатив – с каузативом:

- (а) *В овощах содержатся витамины* –
- (б) *Овощи содержат [в себе] витамины*

- (а) *Содержание символа не исчерпывается этими идеями* – (б) *Эти идеи не исчерпывают [собой] содержание символа*

- (а) *За термином «раса» тянется длинный хвост негативных ассоциаций* – (б) *Термин «раса» тянет [за собой] длинный хвост негативных ассоциаций*

- (а) *Ряд революционеров открывается декабристами* – (б) *Декабристы открывают [собой] длинный ряд русских революционеров-мучеников*

(а) *Все стороны жизни охватываются «Домостроем»* – (б) *«Домострой» охватывает [собой] все стороны жизни.*

Большинство глаголов, которые выступают в таких конструкциях, имеют исходные агентивные (каузативные) значения. Затем от них образуется декаузатив, который развивает разные неагентивные, в том числе стативные, значения. Этот процесс можно проиллюстрировать, например, глаголом *содержать*.

Сначала была агентивная переходная конструкция:

(а) *Смотритель содержит зверей в клетках*

На базе (а) образуется (б):

(б) *Звери содержатся в клетках*

– из ситуации устраняется агент (происходит понижающая деривация, см. [8]), т. е. глагол становится декаузативом. Значение предложения (б) локативное: ‘Звери находятся в клетках’.

Дальше декаузатив развивает значение, не связанное с агентивным *содержать*:

(с) *В овощах содержатся витамины*

– здесь *содержатся* – это практически другой глагол с другим значением – не локативным, а бытийным: ‘В овощах есть витамины’ [2].

От этого интерпретационного глагола (с) образуется производная переходная конструкция (d):

(d) *Овощи содержат витамины.*

Таким образом, если пары типа (а)→(б) иллюстрируют процесс интранзитивизации (образования непереходного глагола от переходного), то пары типа (с)→(d) иллюстрируют процесс транзитивизации – преобразования непереходной конструкции в переходную.

Образование непереходных глаголов от переходных широко представлено в русском языке.

В некоторых случаях глагол становится непереходным без возвратного показателя:

– глаголы движения: *Маленький автомобиль катил по обледеневшему асфальту* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)); *Куда ты погнал? Мчал на машине; Фонтан бьет*; это единичные случаи. Уже *Колесо катит* сказать нельзя, надо – *катится* (большой материал, касающийся лабильных глаголов в разных языках, в том числе в русском, представлен в книге [5], см., в частности, с. 185–187);

– глаголы болевых ощущений (они подробно описаны в работе [3, с. 8–65]): *Х колет Y игой → В боку колет*; аналогично *режет, тянет, жжёт* – это тоже небольшой семантический класс;

– конструкции, когда инструмент или средство агентивного глагола попадают в позицию подлежащего: *Нож режет, клей клеит* – здесь утрачивается актуальное значение и возникает значение свойства;

– образование значения свойства от значения действия, когда прямое дополнение утрачивается: *Ребенок уже читает.*

Все перечисленные типы переходов в значительной мере лексикализированы и имеют ограниченную сферу действия.

Наряду с этим есть массовый и относительно регулярный процесс превращения переходных глаголов в непереходные – это устранение агенса (или каузатора) и образование декаузативного глагола от каузативного (что маркируется возвратным показателем *-ся*) с продвижением пациенса в позицию подлежащего: *Форточка открылась; Суп сварился; Шарик закатился под диван.*

При этом противоположного массового процесса – превращения непереходных гла-

голов в переходные, т. е. ретранзитивизации (или просто транзитивизации), – в русском языке как будто бы нет. Есть только отдельные явления, например, переходность, связанная с приставкой: *ехать где – объехать что*; супплетивные пары, состоящие из непереходного глагола и переходного каузатива типа *идти-вести, лежать-класть, сидеть-сажать* и под. Но такие случаи единичны и относятся больше к лексической системе, чем к грамматической.

В действительности в русском языке представлен и массовый процесс образования переходных глаголов от непереходных. Но он остается в тени, поскольку соответствующий материал рассматривается обычно под другим углом зрения. Пары типа *Свод держится на колоннах – Колонны держат свод* и под. описываются, например, в рамках модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» как конверсивы (см. [1, с. 266–275]), которые считаются равнозначным преобразованием; пары типа *пропускать-проходить* (см. [1, с. 278]) считаются квазиконверсивами, поскольку глаголы типа *пропускать* каузативные, т.е. семантически более сложные, чем глаголы типа *проходить*; однако и в этих парах отношения рассматриваются скорее как ненаправленные, а в списках квазиконверсивов каузатив приводится первым (ср. *Ветер качает ветку – Ветка качается на ветру* [1, с. 277]). При этом природа и функции рефлексива в предложениях типа *Колонны держат на себе свод* в рамках указанного подхода не обсуждаются.

Между тем если, во-первых, предположить, что это преобразование имеет направление (от непереходного глагола – к переходному), и, во-вторых, признать, что производная конструкция является более сложной – хотя бы формально, за счет рефлексива, – то на соответствующие пары можно взглянуть иначе.

Сразу отметим, что процесс транзитивизации не следует понимать буквально – как превращение возвратного глагола в переходный за счет утраты *-ся*. Речь идет о корреляции непереходной и переходной конструкций. Такая корреляция не обязательно должна возникать между однокоренными глаголами, как в случаях *содержаться-содержать, подчиняться-подчинять, объединяться-объединять* и т.п., – просто однокоренные глаголы образуют «естественную» пару и лучше приспособлены для участия в процессе транзитивизации (в данном случае – ретранзитивизации). Но корреляцию могут образовывать и супплетивные пары – важно, чтобы между ними было определенное смысловое соотношение:

К нему тянутся люди – Он притягивает к себе людей.

За наводнением следует эпидемия – Наводнение влечет за собой эпидемию.

В мешок входит 50 кг – Мешок вмещает в себя 50 кг.

(впрочем, есть и: *В мешок вмещается 50 кг*).

Однако однокоренные пары возвратный-переходный более наглядны, поэтому мы и используем их для иллюстрации.

Наконец, есть случаи вообще без исходной конструкции:

*Экспонат привлекает к себе внимание – *внимание привлекается к экспонату* (но: *Внимание приковано к экспонату*).

ПРИМЕЧАНИЕ

Вообще, не для любой производной конструкции или единицы можно найти исходную, например, глагол *смеять* в русском языке не сохранился, тем не менее *смеяться, осмеять* и *высмеять* все равно можно рассматривать как производные (во всяком слу-

чае – членимые) единицы – в силу системных связей.

Теперь вернемся к вопросам, которые были сформулированы в самом начале:

Какова функция тавтологических рефлексивов в предложениях типа *Овощи содержат в себе витамины*; чем определяется выбор падежа ТК; соответствует ли такому рефлексиву отдельный актант со своей собственной семантической ролью, как, например, в случаях типа *уципнуть себя* (где рефлексив обозначает пациенса), или подлежащее и рефлексив – это не только один и тот же референт, но также один актант и одна роль?

Возможны разные варианты объяснения тавтологического рефлексива с привлечением разных аналогий.

Если считать, что в конструкциях с ТР подлежащему и ТР соответствует не только один референт, но и один актант, то в качестве аналогии можно привести расщепление валентности (о расщеплении валентностей см. [1, с. 153–155]: *Гладил голову ребенка – Гладил ребенку голову; Его лицо изменилось – Он изменился в лице; Выйти в тыл противника – Выйти противнику в тыл*.

Если считать, что ТР – особый актант, который обычно синтаксически не выражается, но может быть выражен, то в качестве аналогии можно привести экскорпориацию инкорпорированного актанта (об экскорпориации актантов см., например, [7]): *Видел своими глазами; Слышал своими ушами*.

Наконец, можно предположить, что ТР – это, так сказать, «фантомная» валентность агентивного значения, т.е. тавтологический рефлексив появляется в тех случаях, когда у глагола была соответствующая валентность в агентивном значении. На самом деле далеко не всегда у агентивного значения была такая

валентность (например, у агентивного значения *соединить* – *Монтер соединил два провода* – не было валентности «в чем», она появляется только в интерпретационном значении: *Писатель соединил в своем романе две линии* → *В романе соединяются две линии* → *Роман соединяет в себе две линии*), но во многих случаях валентность, выражаемая тем же падежом, что и ТР, у агентивного значения все-таки есть, хотя, естественно, с другим семантическим содержанием.

Мы не можем сейчас останавливаться на этих аналогиях – во-первых, они требуют подробного рассмотрения (и будут рассмотрены в другой работе), а во-вторых, дальше будет предложено другое объяснение, состоящее в том, что конструкции с ТР – результат повышающей деривации.

3. ПОВЫШАЮЩАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Механизм появления тавтологического рефлексива аналогичен механизму появления возвратного показателя -ся у переходных глаголов: и -ся, и ТР появляются в ходе актантной деривации (см. [8, с. 276–288]). Но содержание процессов появления -ся и ТР противоположно: если в случае образования декаузатива от переходного каузативного (агентивного) глагола имеет место понижающая деривация, то при транзитивизации – повышающая.

При понижающей декаузативной деривации глагол семантически утрачивает каузатор. В принципе, устранение каузатора может произойти и без присоединения показателя -ся: *Велосипед катится по дорожке – Велосипед катит по дорожке*, – но для русского языка это не характерно.

Более обычной и распространенной является декаузативная деривация типа *Форточка открылась*. Иерархически более низкий, чем Агенс, актант – Пациенс – продвига-

ется в позицию подлежащего агентивного (или просто каузативного) глагола. Однако это производное подлежащее, т. к. пациенс не может быть подлежащим агентивного переходного глагола. Глагол становится непереходным, что в русском языке маркируется возвратным показателем *-ся*, и из его семантической структуры устраняется агенс (каузатор).

Итак, *-ся* показывает, что реального каузатора нет и что форточка, хотя и стоит в позиции подлежащего, каузатором не является. Условно можно считать, что при понижающей актантной деривации происходит понижение ранга глагола – у декаузатива по сравнению с каузативом более бедная семантическая структура, меньше валентностей и синтаксических возможностей.

Однако у декаузативизации есть и обратная сторона: Пациенс, исходно более низ-

кий ранг в иерархии семантических и синтаксических ролей, повышается в ранге.

ПРИМЕЧАНИЕ. Иерархия семантических ролей и соответствующая им иерархия синтаксических позиций и падежей обсуждается в работах по типологии, см., например, [4, с. 121]. Вершиной этой иерархии является Агенс, который обычно имеет высший ранг в синтаксической иерархии – занимает позицию подлежащего – и кодируется независимым падежом – именительным (в тех языках, где есть падежи); за ним следует Пациенс – прямое дополнение, винительный беспредложный; затем – Экспериенцер (непрямое дополнение, дательный), инструмент или средство (косвенное дополнение, творительный) и место (предложная группа):

Агенс	Пациенс	Экспериенцер	Инструмент	Место
подлежащее	прям. доп.	непрям. доп.	косв. доп.	предл. группа

При этом пациенс повышается не только синтаксически (занимая позицию подлежащего) и коммуникативно (становясь темой) – как это ни парадоксально, повышается его акциональность, агентивность: он становится главным участником ситуации (в отсутствие других участников). Интересно, что именно в русском языке с его техникой кодирования непереходности показателем *-ся*, который исторически связан с возвратным местоимением *себя*, идея повышения значимости Пациенса в возвратной конструкции (по сравнению с переходной, где пациенс кодировался винительным падежом) выражена особенно

выпукло, т.к. *Форточка открылась* буквально значит «Форточка открыла себя». С помощью такой структуры в русском языке моделируется не только отсутствие реального каузатора, но и повышение ранга Пациенса.

Итак, в агентивной сфере, и шире – в сфере физической каузации, действует понижающая деривация, которая приводит к образованию декаузативов от каузативов, непереходных глаголов от переходных и к утрате актанта исходного глагола (причем главного актанта – агенса, каузатора). Существует и обратный процесс – повышающая деривация:

Петя ест кашу → *Мама кормит Петю кашей*;

Петя идет в детский сад → *Мама ведет Петю в детский сад*,

– когда прибавляется новый актанта, новая роль (каузатор) и новый референт.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь есть разные варианты: переходный → переходный глагол (*есть* → *кормить*); непереходный → переходный глагол (*идти* → *вести*); нас интересует второй случай.

В физической сфере повышающая деривация представлена слабо относительно немногочисленными супплетивными парами и скорее относится к лексической, а не к грамматической системе.

Однако в русском языке можно обнаружить достаточно массовый и регулярный процесс повышающей деривации, связанный с образованием ПЕРЕХОДНОГО глагола ОТ НЕПЕРЕХОДНОГО. Этот механизм действует в информационной сфере и представлен парами конструкций типа (а) *В овощах содержатся витамины* – (б) *Овощи содержат в себе витамины*. Пары типа (а)–(б) можно описывать, как уже отмечалось выше, в рамках конверсивов – предложная группа в (а) соответствует подлежащему в (б), а подлежащее в (а) – прямому дополнению в (б). Однако, на наш взгляд, конструкции типа *Овощи содержат в себе витамины* не являются равнозначным (конверсивным) преобразованием конструкций типа *В овощах содержатся витамины*, потому что в них появляется позиция для ТР. Предложения с ТР являются более сложными не только по форме, о чем сигнализирует рефлексив, но и по смыслу. По сравнению с исходной конструкцией у предложений с ТР меняется значение и прибавляется актанта со своей собственной

ролью, в чем и состоит повышающая деривация. При этом глагол становится переходным.

Что это за новое значение, которое появляется у производных переходных глаголов в информационной сфере? Это значение характеристики.

Предложение *Овощи содержат в себе витамины* не значит ‘овощи – это такой контейнер, где лежат витамины’, а значит ≈ ‘овощи имеют полезные свойства’, т. е. субъект здесь – носитель свойства: ‘овощи витаминны’; аналогично: *Письмо содержит в себе объяснение* ≈ ‘объясняющее письмо’; *Брянская земля хранит в себе какую-то тайну* ≈ ‘брянская земля таинственна’ и т. д.

То есть у подлежащего не та роль, которая была в непереходной конструкции (фрагмент мира), а другая семантическая роль – носитель свойства. Эту новую семантическую структуру с новой ролью можно передать таким толкованием:

Овощи содержат в себе витамины ≈ ‘овощи имеют свойство, такое, что В НИХ содержатся витамины’.

При этом глагол, конечно, семантически обесценивается, сдвигается в сторону полуслужебных, полужнаменательных связок. Тем не менее он еще не полностью превращается в связочный, а сохраняет остатки метафоричности и тем самым – память о той цепочке семантических переходов, которые связывают его с исходным агентивным значением. Попутно заметим, что глаголы, которые полностью утратили знаменательность и превратились в связку, в процессе повышающей деривации (даже интерпретационной) не участвуют, ср.: *Наша цель заключается в создании информационной системы* – **Создание информационной системы включает в себе нашу цель*.

Аналогично – с каузативными глаголами:

Термин «раса» **тянет за собой** длинный хвост негативных ассоциаций.

Здесь подлежащее – интерпретационный каузатор (такой роли у ИГ термин «раса» не было в непереходной конструкции *За термином «раса» тянется длинный хвост негативных ассоциаций*). Это преобразование похоже на обычную каузативную повышающую деривацию (*идет* → *ведет*), только в интерпретационной сфере. В действительности, с интерпретационным каузатором тоже связано значение свойства, характеристики: 'Термин «раса» имеет негативные ассоциации'.

Наконец, в конструкциях с ТР в винительном падеже прямого дополнения:

Новое оборудование окупилось через 3 года → *Новое оборудование окупило себя через три года*

– тоже происходит своего рода повышение: подлежащее непереходного глагола становится подлежащим переходного глагола, что можно считать повышением ранга как глагола, так и подлежащего.

А что такое ТР *в себе* (*за собой, собой, на себе* и т. д.) в переходной конструкции? Это актант исходной конструкции, которая оказалась полностью включена в производную вместе со своими валентностями, как это происходит при повышающей деривации и у глаголов физической сферы, когда исходная ситуация (например, *Петя ест; Петя идет*) целиком включается в производную (*Мама кормит Петю; Мама ведет Петю*).

В информационной сфере исходная ситуация тоже включается в производную, тоже прибавляется новая роль, а вот новый референт не прибавляется. Поэтому появляется кореферентность двух актантов, которая и выражается рефлексивом.

При этом рефлексив стоит в том же падеже, которым его референт кодировался в

непереходной конструкции. Т. е. ТР *собой, в себе, на себе, за собой* и т. д., помимо кореферентности с подлежащим, еще показывает, что подлежащее данной конструкции производное, так же как *-ся* показывает, что подлежащее декаузатива производное: и *-ся*, ТР показывают «прошрое» этой именной группы в исходной структуре. И, кроме того, ТР показывает роль и падеж (!) референта подлежащего в исходной структуре: *Эти идеи не исчерпывают СОБОЙ содержание символа* = 'идеи характеризуются тем, что ИМИ не исчерпывается содержание символа' – *ЭТИМИ ИДЕЯМИ не исчерпывается содержание символа*.

Включение исходной ситуации в производную можно представить, как подъем подчиненной, зависимой предикации в доминирующую, как, например, в случаях типа:

Он приказал, чтобы его похоронили в лесу → *Он приказал похоронить себя в лесу*.

В производной предикации нет связи *похоронить себя*, т. е. нет смысла, что кто-то похоронит сам себя, а сохраняется смысл 'кто-то похоронит его'. Но поскольку *его* кореферентно подлежащему доминирующего предиката *приказал*, происходит замена местоимения 3-го лица *его* на рефлексив *себя* – по общему правилу кореферентности с подлежащим.

Аналогичный процесс происходит в переходах типа *содержаться в чем – содержать в себе*: именная группа исходной конструкции – по общему правилу – заменяется на рефлексив. Именно потому, что вставленная пропозиция «забирает с собой» оба своих актанта, и именно потому, что переходная конструкция является производной, в любую такую конструкцию можно вставить рефлексив – потому что он там предусмотрен, для него там есть позиция.

Парадокс заключается в том, что никакого реального изменения в парах типа *содержаться в чем – содержать в себе*, разумеется, не происходит, и никакого реально нового участника здесь нет – это та же самая ситуация. Но концептуализована она иначе – как повышающая деривация с прибавлением дополнительного актанта. Таким образом, это все-таки другая ситуация, с другими участниками и ролями: в исходной конструкции *В овощах содержатся витамины* смысл ‘овощи полезны, «витаминны»’ тоже был, но в ранге импликации, а в производной конструкции *Овощи содержат витамины* этот смысл попадает в ассерцию.

В отличие от ситуаций реального мира типа *ест – кормит, идет – ведет*, где при повышающей деривации прибавляется актант, т. е. изменяется денотат, в информационном мире такая операция не влечет изменения денотата – это всего лишь изменение семантической модели, референт остается один и тот же (не забудем, однако, что и в реальном мире возможно референциальное

совпадение участников с разными ролями, ср. *уцелить себя*). Т. е. повышающая деривация в информационной сфере не совсем полноценная – поскольку при появлении новой роли не появляется отдельный новый референт. Это не удивительно – многие процессы в информационной сфере представляют собой неполное отражение процессов, происходящих в физическом мире. И все-таки такое преобразование выдвигает иерархически низкий актант в высокую позицию, делает его контролером дискурса, развертывания текста – это своего рода топикализация: *Овощи содержат витамины* – ‘Что касается овощей, то в них содержатся витамины’.

Рассмотренный материал – это иллюстрация того, что, во-первых, в русском языке, наряду с процессом интранзитивизации, действует относительно регулярный процесс транзитивизации и, во-вторых, что агентивная и интерпретационная сферы устроены по-разному, и это должно учитываться в лингвистическом описании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. **Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.** Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
3. **Концепт** боль в типологическом освещении / под ред. Е. В. Рахилиной и др. – Киев, 2009. – 417 с.
4. **Кибрик А. Е.** Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейя, 2003. – 719 с.
5. **Летучий А. Б.** Типология лабильных глаголов. – М.: ЯСК, 2014. – 384 с.
6. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 296 с.
7. **Падучева Е. В.** Семантико-синтаксический интерфейс: инкорпорированные актанты и экскорпорация // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2008. – № 8. – С. 21–25.
8. **Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М., 2011. – 672 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.12)

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philology Sciences, Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
E-mail: galinak03@gmail.com

CONSTRUCTIONS WITH REFLEXIVE PRONOUN AND AN INANIMATE SUBJECT

Abstract

In Article is devoted to constructions with reflexive pronoun and an inanimate subject, cf.: Eta fraza sodержit v sebe glubokij smysl. The constructions include a transitive verb and reflexive. Such reflexive constructions are the result of valence-increasing derivation. They correlate with intransitive constructions, such as V etoj fraze sodержitsia glubokij smysl. Such valence-increasing derivation occurs in the domain of non-agentive meanings. The process of valence-increasing derivation is compared with valence-decreasing derivation. Valence-decreasing derivation is considered on a material of de-causative constructions, cf.: Fortochka otkrylas'; Zveri sodержats'a v kletkah. Considered material illustrates that, first, in the Russian language, along with the process intranzitivation acts tranzitivization relatively regular process and, secondly, that agentive and interpretive spheres arranged in different ways, and this should be taken into account in the linguistic description.

Keywords

reflexive pronoun, valence-increasing derivation, valence-decreasing derivation, intransitive constructions, transitive constructions, de-causative.

REFERENCES

1. Apresjan Ju. D. *Lexical semantics*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p. (In Russian)
2. Harutiunova N. D., Shiriaev E. N. *Russian Sentence. Existential Type*. Moscow: Russian Language Publ., 1983. 198 p. (In Russian)
3. *Concept "pain" in typological aspect* (ed.) E. V. Rakhilina. Kiev, 2009. 417 p. (In Russian)
4. Kibric A. E. *Constants and Variables of Language*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2003. 719 p. (In Russian)
5. Letuchiy A. B. *Typology of labile verbs*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2013. 384 p. (In Russian)
6. Paducheva E. V. *Utterance and its relation to reality: Referential aspects of semantics of pronouns*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russian)
7. Paducheva E. V. Semantic-syntactic interface: incorporated arguments and excorporation. *Scientific and Technical Information. Series 2*, 2008, no. 8, pp. 21–25. (In Russian)
8. Plungyan V. A. *The Introduction Into Grammatical Semantics. Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow, 2011. 672 p. (In Russian)

© А. Никунласси, М. Копотев

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.13)

УДК 801.001

ФОРМАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТОЖДЕСТВИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫХ СКРЕП ТАКОЙ ЖЕ...ЧТО И, СТОЛЬКО ЖЕ...ЧТО И, ТАМ ЖЕ...ЧТО И И Т. П.

А. Никунласси, М. Копотев (Хельсинки, Финляндия)

Статья посвящена анализу одного класса скреп (типа такой же...что и, столько же...что и, там же...что и и т.п.) в русском языке. Их формальное единство основано на четырехкомпонентной структуре, включающей референтную группу (Т-местоимение + частица же) в главной клаузе и несклоняемой лексемы что с частицей и в подчиненной клаузе. Каждый компонент скрепы имеет самостоятельное значение, однако вместе они функционируют как маркер отождествительно-уподобительных синтаксических отношений. Подтипы изученных трех типов скреп сильно отличаются друг от друга по употребительности: в одном конце шкалы стоят скрепы с т-местоимением такой, а в другом – малоупотребительные скрепы с т-местоимениями потому и оттого. Во всех подтипах употребление в/о-местоимений всегда возможно, однако в скрепах с т-местоимениями такой и таков употребление в/о-местоимений какой и каков явно уступает не только употреблению союза как, но и союза что. Приведенные статистические данные показывают, что по сравнению с союзом как союз что обнаруживает более сильную тенденцию употребляться со всеми т-местоимениями, что в дальнейшем может обеспечить ему рост частотности в том классе аналитических скреп русского языка, который рассмотрен в настоящей статье.

Ключевые слова: *скрепы, сложное предложение, отождествительно-уподобительные отношения.*

Памяти М. И. Черемисиной

Общие принципы структурной классификации аналитических скреп современного русского языка были предложены в книге М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [10, с. 136–180]. В данной концепции понятие

аналитической скрепы (или функтива) охватывает все средства связи частей сложного предложения: от простых союзов и союзных слов до разнообразных комбинаций нескольких компонентов, регулярно воспроизводимых

Никунласси Ахти – доктор наук, профессор, Институт современных языков, Хельсинкский университет.

E-mail: ahiti.nikunlassi@helsinki.fi

Копотев Михаил – доктор наук, преподаватель, Институт современных языков, Хельсинкский университет.

E-mail: mihail.kopotev@helsinki.fi

в речи для выражения того или иного синтаксического отношения между частями сложного предложения. Еще остается ряд нерешенных теоретических проблем, связанных с проведением границ между составными скрепами как целыми единицами языка и разного рода сочетаниями скреп с частицами, местоимениями, модальными словами и т.п. (см. [11]). Тем не менее введение понятия аналитической скрепы как общего родового понятия является, по нашему мнению, плодотворным шагом, поскольку оно заставляет исследователей разных школ и направлений серьезно задуматься над вопросом о том, какие аналитические средства связи на самом деле существуют в русском языке. В сочетании с развитием новых методов корпусной лингвистики такой эмпирический сдвиг, несомненно, будет способствовать и решению многих теоретических проблем, связанных с синтаксисом и семантикой сложных предложений русского языка.

В настоящей статье рассматривается один из типов аналитических скреп, который не вошел в составленный М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой инвентарь аналитических скреп русского языка. Данный тип скрепы состоит из четырех компонентов, которые распределяются по главной и придаточной частям следующим образом: в главной части, которая обязательно предшествует придаточной, есть опорная группа, которая включает в себя т-местоимение (*тот, такой, так, там, столько* и т.п.) и примыкающую к нему частицу *же*; в придаточной части есть неизменяемое слово *что*, непосредственно после которого стоит частица *и*. Примеры¹:

- (1) Вот разве что японцы никогда не покупают четыре цветка – и то потому, что иероглиф «четыре» у них рисуется **так же, что и** «смерть».
- (2) Сейчас мы находимся **там же, что и** в начале XX века, когда Сербия имела шанс стать европейской страной.

Как будет показано ниже, каждому из четырех компонентов скрепы можно приписать отдельную от других функцию, однако вместе они составляют функциональное целое, выступающее в качестве средства выражения особого синтаксического отношения, которое можно охарактеризовать как отождествительно-уподобительное. Особенно ярко о спаянности компонентов говорит частица *и*: синтаксически и семантически она относится не к *что*, а к последующей составляющей, но тем не менее эту частицу можно считать компонентом скрепы на том основании, что возможность ее употребления в позиции после *что* обусловлена наличием в главной части т-местоимения с частицей *же* (ср. *...мы находимся, *что и* в начале XX века...; *...мы находимся *там, что и* в начале XX века...). Частицей *и*, в свою очередь, обусловлена регулярная эллиптичность придаточной части.

По нашим наблюдениям, как в устной, так и в письменной речи употребление указанного выше типа скрепы представляет собой достаточно распространенное явление, однако до сих пор оно ускользало от внимания ученых. Например, в детальном и глубоком анализе предложений с *такой же* О. Ю. Богуславская [2] приводит множество примеров со скрепами *такой же... как, такой же... какой*, в том числе и с частицей *и*, однако примеры с *что* отсутствуют. Единичные примеры, близкие к (1) и (2), можно найти в разделах грамматик и пособий, посвященных описанию относительных (или

¹ Здесь и далее, если не указано другое, используются примеры из корпуса информационного агентства «Интегрум» (www.integrum.ru). Орфография и пунктуация оригинала сохраняются.

атрибутивных, определительных) конструкций. Наряду со словами *который, какой, кто, где* и т.п. в качестве союзного средства при-субстантивно-относительных конструкций упоминается, как правило, «неизменяемое *что*», которое синтаксически относится к опорному слову существительному, но в отличие от заменяемого им относительного *который* (реже *какой*) оно может занимать лишь позиции, где предполагается употребление им. или вин. падежа. Если *что* занимает позицию подлежащего придаточной части, сказуемое обязательно должно согласоваться с опорным словом в роде, числе и лице. Примеры из академических грамматик:

- (3) На кровати, **что** стояла у стены, спали две девочки [4, с. 695].
- (4) Чужие письма. Кто знает теперь, где эти люди, **что** написали их? [5, с. 524].

Стилистически такое употребление слова *что* считается особенностью разговорной речи и просторечия, а также народно-поэтических текстов. На этом фоне любопытно утверждение «Русской грамматики» 1970 года [4, с. 697; 9, с. 85] о преимущественном употреблении *что* в тех случаях, когда при опорном слове существительном есть «выделительно-отождествительное сочетание» *тот же, всё тот же, тот самый*. Небезынтересно и то, что в обоих примерах, приведенных в «Русской грамматике», после *что* стоит частица *и*, то есть в них представлен как раз исследуемый нами тип аналитических скреп:

- (5) Они вошли в стандартный дом **того же** типа, **что и** все дома вокруг [4, с. 697].
- (6) Он учился в **той же** школе, **что и** я [4, с. 697].

Если такое употребление скрепы «*тот + же* N... *что + и*» действительно представляет собой распространенное явление и особой стилистической окраской не отличается, то можно выдвинуть гипотезу, что «*тот + же* (N)... *что + и*» является всего лишь частным случаем аналитической скрепы «местоимение + *же*... *что + и*», которая широко употребляется не только в предложениях типа (5) и (6), но и во множестве других конструкций. По нашим наблюдениям, в качестве опорной группы сочетание «*что + и*» допускает перед собой любую группу с местоимением, то есть не только именную группу, NP (5–7), но и адъективную группу, AP (8), адverbиальную группу, AdvP (9), кванторную группу, QR (10) и (11), и различные группы, которые можно считать аналогами предложных групп, PP (12–16):

- (7) В OS/2 возникла **та же** проблема, **что и** у компьютеров Everex и Micron, с установкой видеодрайвера.
- (8) Сейчас интеллект человека остается **таким же**, **что и** сто лет назад.
- (9) Вклад каждого члена будет рассматриваться и оцениваться ВШЭ точно **так же**, **что и** обычные павильоны на традиционных выставках.
- (10) Интересно, что новая камера Canon стоит примерно **столько же**, **что и** 2-мегапиксельные камеры год назад.
- (11) Энергетический национализм Кремля становится понятным, если вспомнить травму 1990-х гг., когда уровень жизни в стране упал примерно **на столько же**, **что и** в годы великой депрессии в Америке.
- (12) Третий гол Осинов забил практически **оттуда же**, **что и** Мамаев.
- (13) В послании Пушкина к Языкову, написанном примерно **тогда же**, **что и**

«Пророк», поэт предстает как «жаждою свободной/Открытый в наши времена».

(14) Временное правительство пало не потому, что «массы пошли за большевиками», а ровно **потому же, что и** правительство царское: у него не осталось защитников.

(15) В «Опыте описания» довольно изящных концепций — вроде заключающей главу «Дракула снова в России» мысли о том, что рост националистических и социалистических настроений происходит **тогда же и оттого же, что и** реанимация оккультизма.

(16) Орган в соборе нужен был примерно **затем же, что и** проповедник.

Приведенные выше примеры показывают, что по отношению к грамматическим формам организации опорной группы конструкции с аналитической скрепой «т-местоимение + *же*... *что* + *и*» мало чем отличаются от относительных конструкций в понимании [3], где к данным конструкциям отнесены не только присубстантивно-относительные, но и приместоименно-относительные конструкции со скрепами типа *тот... кто, такой... какой, там... где, столько... сколько* и т.п.² Действительно, скрепу «т-местоимение + *же*... *что* + *и*» почти всегда можно заменить скрепой, где вместо *что* используется вопросительно-относительное местоимение (далее в/о-местоимение). Ср., например, (8) с (17), (10) с (18), (13) с (19), (16) с (20):

(17) Весь порядок остался **таким же, каким и** был до нового Жилищного кодекса!

(18) Вот если бы Alero в России стоил **столько же, сколько и** у себя на родине — тысяч 7–8!

(19) Познакомилась я с Ульяновым **тогда же, когда и** с Наумовым, то есть сразу после выхода на экраны фильма «Бег», где он так замечательно сыграл Чарноту.

(20) ПВО Абрамовичу нужна **затем же, зачем и** унитаз.

Помимо «неизменяемого *что*» и в/о-местоимения в аналитических скрепах с т-местоимением и частицами *же* и *и* широко используется и союз *как*. В «Русской грамматике» 1980 г. [5, с. 496–499] предложения со скрепами типа «*такой + же*... *как и*» отнесены к категории предложений с качественно-характеризующим значением, представляющих собой разновидность определительных предложений с союзом *как*. По данным «Русской грамматики», в указанном типе предложений в главной части допускается употребление т-местоимений *тот, такой, таков, так* и *столько*. Примеры:

(21) Торговый сервис здесь **тот же, как и** в городе, разве нет тут такого универмага, как в райцентре, и книжного магазина.

(22) Да и отношение лондонских полицейских к гражданским остается **таким же, как и** всегда, — сдержанным и вежливым.

(23) Тем паче газированные напитки и пиво в баре «Хамелеона» стоят **столько же, как и** в близлежащем от школы ларьке.

² В русском синтаксисе приместоименно-относительные конструкции часто выделяются как особый тип нерасчлененных сложноподчиненных предложений, который принято называть местоименно-соотносительным [6, с. 23; 1, с. 125] или отождествительным [4, с. 685–687; 1, с. 846–859].

Использованные нами эмпирические материалы, однако, показывают, что в таких предложениях круг допустимых т-местоимений шире: из остальных т-

местоимений допустимы по крайней мере *там* (*туда*, *оттуда*), *тогда* и *потому*. Примеры:

(24) Но давайте посмотрим на карту, и мы увидим поразительную вещь – западная граница современной Российской Федерации проходит сегодня примерно **там же, как и** после польско-шведской интервенции XVII века, с той лишь разницей, что поляки, слава Богу, не в Смоленске.

(25) Идея самостоятельной его замены на двухклапанный «жигулевский» возникла уже давно – примерно **тогда же, как и** выражение тепло, как в «Жигулях».

(26) Как ты написала, речь идет об ошибке в выводах, которую делает человек. Почему? Да точно **потому же, как и** в других случаях, а не только в отношениях: <...>

В свете сказанного можно сделать вывод, что в русском языке существует три типа аналитических скреп с т-местоимением и частицами *же* и *и*, которые схематически можно изобразить в следующем виде:

Главная часть	Придаточная часть
т-местоимение <i>же</i>	в/о-местоимение <i>и</i>
т-местоимение <i>же</i>	<i>что</i> <i>и</i>
т-местоимение <i>же</i>	<i>как</i> <i>и</i>

По нашему мнению, в данных скрепах т-местоимения и частицы выполняют одни и те же функции. Т-местоимение выполняет функцию, которая в монографии А. Никунласси [3, с. 170–180] называется сигнальной: оно указывает на то, что говорящим выбран

номинат, например, лицо, предмет или качественный или количественный признак, однако дескриптивного значения опорной группы недостаточно для его идентификации – именно для этого необходима придаточная часть. Употребление т-местоимений в сигнальной функции характерно для целого ряда различных типов сложноподчиненных предложений [там же, с. 174]. В зависимости от характера номината частица *же*, примыкающая к т-местоимению, акцентирует значение референциального тождества лица, предмета, явления или т.п. или же значение сходства, совпадения признаков или разных степеней одного и того же признака. Т-местоимение и частица *же* обнаруживают высокую степень семантической спаянности, о чем говорит, в частности, то, что во многих языках их сочетанию соответствует одна лексема. В финском языке, например, это слова *sama* ‘тот же’ *samanlainen* ‘такой же’ и некоторые другие, а также слово *yhtä* ‘так же’, ‘такой же’, указывающее на совпадение степени качественного или количественного признака, выраженного прилагательным или наречием (напр., *yhtä kaunis* ‘такой же красивый’). Несмотря на раздельное написание, сочетания т-местоимений с частицей *же* иногда выделяются в качестве особого типа местоимений русского языка. Например, в книге М. А. Шелякина [12, с. 113] они отнесены к разряду отождествляющих местоимений, а в статье О. Ю. Богуславской [2] *такой же* рассматривается как отдельная от *такой* словарная статья.

Существенную роль в организации придаточной части играет частица *и*, которая синтаксически и семантически относится не к третьему компоненту скрепы, в/о-местоимению, *что* или *как*, а к последующей составляющей, выражая значение, сходное со значениями слов *тоже* и *также*. Именно нали-

чием частицы *и* обусловлена неполнота придаточной части, которая сближает эти предложения с компаративными, сочинительными и некоторыми другими конструкциями. Слегка модифицируя сказанное в «Русской грамматике» [5, с. 489] о сравнительных предложениях, можно констатировать, что в предложениях с рассматриваемыми скрепами не воспроизводятся те компоненты, которые являются основанием отождествления или уподобления и уже получили выражение в главной части; когда отождествлению или уподоблению подлежат не действия, а предметы, лица или их признаки, к не воспроизводящимся компонентам относится прежде всего сказуемое. Наиболее регулярно неполнота придаточной части наблюдается в скрепах, где позицию третьего компонента занимают слова *что* и *как*. Если же данную позицию занимает в/о-местоимение, в особенности местоимение-существительное, то придаточная часть может иметь свое сказуемое. Крайний случай представляет собой, по-видимому, в/о-местоимение *который*: как отмечает Н. И. Формановская [9, с. 85], в предложениях со скрепой «*тот же... что и*» типа (27), замена слова *что* в/о-местоимением *который* предполагает введение в придаточную часть сказуемого, повторяющего сказуемое главной части.³

(27) Мысли были все **те же, что и** в прошлую ночь, однообразные, ненужные (пример из [9, с. 85]).

³ Попутно хочется отметить, что сходное явление наблюдается и в употреблении других типов скреп. Например, для скрепы «*тот самый N... что и*» характерен эллипсис сказуемого придаточной части, между тем как в предложениях со скрепой «*тот самый N... который и*» сказуемое в придаточной части, как правило, есть, причем оно обычно не повторяет сказуемого главной части. О функциях скреп с «*тот самый*» см. [8].

Итак, основные различия в функциях и употреблении конструкций с указанными тремя скрепами должны быть связаны с различиями третьего компонента – в/о-местоимения, «неизменяемого *что*» и союза *как*. На основе приведенных выше фактических примеров употребления скрепы «т-местоимение + *же... что + и*» можно сделать вывод, что в составе данной скрепы *что* является не союзным словом, а скорее подчинительным союзом (комплементаризером), похожим на *как*.⁴ Например, в предложении (13) *что* не занимает позиции какого-нибудь члена предложения в той или иной падежной форме (...*написанном примерно тогда же, что и «Пророк»*). Сложнее вопрос о категориальной принадлежности слова *что* обстоит в присубстантивных конструкциях типа (3) и (4), в которых союзная скрепа состоит из одного только *что* (...*кровать, что стояла у стены; ...люди, что написали их*). В настоящей статье мы оставляем этот вопрос открытым. В русском языке его решение затрудняется, в частности, тем, что подчинительные союзы и союзные слова не могут быть одновременно использованы в инициальной позиции придаточной части. Однако это не значит, что данные разряды слов обязательно занимают одну и ту же синтаксическую позицию. Например, в финском языке при определенных условиях допускается употребление сравнительного союза *kuin* ‘как’, ‘чем’ в сочетании с в/о-местоимением *mikä* ‘что’, ‘какой’.⁵

⁴ В РГ-70 [4, с. 697] отмечается, что при выделительно-отождествительных антецедентах с сочетаниями *тот же, тот самый* слово *что* «может быть союзом».

⁵ В финском языке есть и другие типы придаточных частей, в которых допустимо одновременное употребление союза и в/о-местоимения. Пример с изъяснительной придаточной частью: *Tästä huomiosta kiihtyneenä aloin tivata vaimoltani, että minne hän oli jättänyt lapsen.* (http://www.sfcsaimaanseutu.com/files/norppa/Norppa_2_09_kasi_web.pdf)

(28) Minun edellinen kissa sai aina silloin tällöin **samaa** tonnikalaa **kuin mitä** minäkin söin <...>
(<http://whiskas.tietotalo.fi/forum/posts/list/0/2317.page>)

Время от времени моя бывшая кошка получала [в качестве еды] **того же** тунца, **что/как/какого и** я. (дословно: ...*тот же тунец, как что я-и ел*).

(29) Kyllä grafiikoiden teko oikeastaan kiinnostaa **yhtä paljon kuin mitä** ohjelmointikin <...>.
(<http://murobbs.plaza.fi/yleista-keskustelua/589629-peliala-kutsuu-mutta-outokumpuun-vai-kajaaniin-opiskelemaan.html>)

На самом деле графический дизайн интересуется **столько же, сколько и** программирование. (дословно: ...*интересует столько же, как что программирование-и*)

Существование таких предложений говорит, во-первых, о сходстве определенных типов сравнительно-уподобительных и относительных конструкций и, во-вторых, о том, что в начале придаточной части союзы и в/о-местоимения действительно могут занимать разные синтаксические позиции.⁶

Наконец, обратим внимание на два случая обязательного употребления союза или в/о-местоимения. Вообще говоря, употребление скреп с союзами *что* и *как* требует боль-

шей степени формальной параллельности главной и придаточной частей, чем употребление скрепы с в/о-местоимением. Об этом говорят примеры типа (30) и (31), в которых в/о-местоимение нельзя заменить союзами *что* и *как*:

(30) Семья Файзиевых оказалась **там же, откуда и** стартовала в трудный путь за достойным жильем.

(31) <...> в конце Фома уходит **туда же, откуда и** явился, в океан, символ вечности, и становится не только первым, но и последним человеком.

В данных примерах сказуемые главной и придаточной частей имеют как семантически, так и грамматически разнородные актанты, что и нарушает параллельность, характерную для употребления *что* или *как* в сочетании с частицей *и*. Такое же ограничение связано и с употреблением других, более элементарных типов скреп. В качестве примера можно привести присубстантивно-относительную конструкцию (32) со скрепой «*такой... какой*»:

(32) Такое состояние, в каком находится сейчас больной, не опасно [5, II, с. 517]

(33) *Такое состояние, как находится сейчас больной, не опасно [3, с. 65].

На данном этапе исследования удалось установить лишь один случай обязательного употребления скреп с союзом *что* или *как*. Это предложения, в которых придаточная часть примыкает к двум или нескольким опорным группам, соединенным сочинительной связью и представляющим собой семантически и грамматически разнородные актанты. Этот случай представлен в примере (15) выше, а также в примерах (34) и (35):

Взволнованный этим наблюдением, я стал настойчиво спрашивать жену, где она оставила ребенка (дословно: ...спрашивать жену, **что где** она оставила ребенка).

⁶ В генеративном синтаксисе в дереве составляющих придаточной части для союзов и в/о-местоимений обычно выделяются разные позиции [7, с. 571–572]. Кроме того, предполагается, что позиция в/о-местоимения линейно предшествует позиции союза и занимает иерархически более высокое положение, однако на фоне финских примеров данное положение кажется спорным.

(34) Высаживают рассаду из зеленых черенков в **те же** сроки и **так же, что и** рассаду ростков.

(35) Тем более что встречать его мы будем примерно с **теми же**, примерно **там же** и уж точно **тогда же, что и** год назад.

Существование такого рода конструкций можно использовать как аргумент в пользу того, что слово *что* является союзом, а не в/о-местоимением, выступающим в качестве члена придаточного предложения. Из рассматриваемых в настоящей статье трех скреп вариант с в/о-местоимением представляет собой одну из разновидностей скреп, используемых в относительных конструкциях. В монографии А. Никунласси [3, с. 267–268] констатируется, что в приместоименно-относительных, или отождествительных конструкциях использование в главной части нескольких опорных групп допустимо, но для этого нужно, чтобы в придаточной части было несколько соединенных сочинительной связью в/о-местоимений, находящихся в анафорической связи с соответствующими опорными группами. Данное утверждение подтверждается примерами, отобранными из базы данных «Интегрум»:

(36) Люди охотнее соглашались с **теми и тем, кто и что** положительно соотносится с их словами или действиями.

(37) Людям свойственно возвращаться **туда и к тем, где и с кем** им было хорошо.

(38) Неправда, она бывает такой только **там и тогда, когда и где** ей это позволяют.

Замена же примеров типа (34) и (35) относительной конструкцией невозможна:

(39)*Тем более что встречать его мы будем примерно с **теми же**, примерно **там же** и уж точно **тогда же, с кем, где и когда и** год назад.

Таким образом, скрепы «т-местоимение + *же*... *что и*» и «т-местоимение + *же*...*как и*» существенно расширяют возможности выражения отождествительно-уподобительных отношений.

Перейдем теперь к анализу соотношений интересующих нас скреп в свете данных корпусного исследования. Для статистического анализа соотношений трех типов скреп было решено использовать материалы информационного агентства «Интегрум», поскольку материалы других корпусов, включая «Национальный корпус русского языка», оказались недостаточно представительными. Это объясняется низкой частотностью некоторых подтипов анализируемых скреп. Выборка, созданная для поиска материала, включала все документы за все даты, начиная от 1980-х гг. до декабря 2009 г. из следующих тематических рубрик:

- СМИ (Центральная пресса; Центральные информагентства; Региональная пресса; Региональные информагентства; Пресса СНГ; Информагентства СНГ; ТВ и радио);
- законодательство;
- информация официальных учреждений.

Таким образом, приведенные ниже данные отражают прежде всего современную публицистику (в том числе устную журналистику) и тексты официально-делового стиля.

Для поиска использовался запрос вида 'X :0 же :0 Y :0 и', где ':0' – расстояние между словами, равное нулю; X – т-местоимение, а Y – в/о-местоимение, союз *как* или *что*. На

текущем этапе исследования конструкции с развернутыми опорными группами, включающими в себя знаменательное слово (напр., *та же проблема, столько же денег*), не изучались.

Из-за технических проблем, связанных с дизамбигуацией скреп с т-местоимением *тот* (*та, то, те*), данные скрепы не подвергались статистическому анализу. Предварительное сопоставление скреп «*тот же... кто и*» и «*тот же... что и*» позволяет, однако, выдвинуть гипотезу, что вариант с в/о-местоимением предпочитается в приместоименно-относительных конструкциях типа (40), в которых придаточная часть имеет свое сказуемое. Вариант с союзом *что* характерен для присубстантивных конструкций, в которых опорная группа занимает позицию сказуемого, а опорное слово существительное опущено в результате регулярного эллипсиса ((41) и (42); см. также пример (27) выше):

(40) Оказалось, что сочинил это все **тот же, кто и** ставил, он же исполнял и главную роль.

(41) Основная особенность EPIC **та же, что и** у VLIW, – распараллеливанием потока команд занимается компилятор, а не процессор.

(42) Мир его картин **тот же, что и** песен, как бы одно продлевается в другом, терпко, надрывно.

Из-за проблем дизамбигуации союза *как* и в/о-местоимения *как* вне статистического анализа были оставлены и скрепы с т-местоимением *так*. Процентное распределение трех типов скреп с т-местоимениями *такой, таков, столько, настолько, там, туда, оттуда, тогда, потому и оттого* дается в следующей таблице:

<i>такой же</i>	<i>какой и</i>	0,56	<i>как и</i>	94,74	<i>что и</i>	4,69	n=54 198
	<i>каков и</i>	0,01					
<i>таков же</i>	<i>какой и</i>	–	<i>как и</i>	91,14	<i>что и</i>	5,70	n=158
	<i>каков и</i>	3,16					
<i>насколько же</i>	<i>насколько и</i>	77,72	<i>как и</i>	21,29	<i>что и</i>	–	n=202
	<i>сколько и</i>	0,99					
<i>столько же</i>	<i>сколько и</i>	87,07	<i>как и</i>	8,27	<i>что и</i>	4,66	n=16 667
<i>там же</i>	<i>где и</i>	99,25	<i>как и</i>	–	<i>что и</i>	0,75	n=4929
<i>туда же</i>	<i>куда и</i>	96,87	<i>как и</i>	0,63	<i>что и</i>	2,50	n=639
<i>оттуда же</i>	<i>откуда и</i>	87,83	<i>как и</i>	–	<i>что и</i>	12,17	n=115
<i>тогда же</i>	<i>когда и</i>	95,15	<i>как и</i>	1,14	<i>что и</i>	3,71	n=701
<i>потому же</i>	<i>почему и</i>	64	<i>как и</i>	–	<i>что и</i>	36	n=75
<i>оттого же</i>	<i>отчего и</i>	50	<i>как и</i>	–	<i>что и</i>	50	n=4

С точки зрения соотношения употребительности в/о-местоимений и союзов изученные подтипы скреп делятся на две категории: в скрепах с т-местоимениями *такой* и *таков* союзы преобладают над в/о-местоимениями, между тем как в скрепах с т-местоимениями *столько*, *настолько*, *там*, *туда*, *оттуда*, *тогда* и *потому* в/о-местоимения обнаруживают бóльшую употребительность. Что же касается соотношения скреп с союзами *как* и *что*, то, по данным статистики, *что* имеет более широкую дистрибуцию: в скрепах с т-местоимениями *там*, *оттуда*, *потому* и *оттого* не было засвидетельствовано ни одного случая употребления союза *как*. С другой стороны, при т-местоимении *настолько* в изученном материале не было ни одного примера употребления союза *что*, между тем как примеров с союзом *как* было 43.⁷ В позиции после т-местоимений *такой* и *таков*, где союзы преобладают над в/о-местоимениями, союз *как* оказался более употребительным, чем союз *что*. При этом следует отметить, что при т-местоимениях *откуда*, *почему* и *отчего* союз *что* составляет статистически значимую конкуренцию с в/о-местоимениями.

В итоге можно сказать, что подтипы изученных трех типов скреп вообще сильно отличаются друг от друга по употребительности: в одном конце шкалы стоят скрепы с т-местоимением *такой*, а в другом – малоупотребительные скрепы с т-местоимениями *потому* и *оттого*. Во всех подтипах употребление в/о-местоимений возможно, однако в скрепах с т-местоимениями *такой* и *таков* употребление в/о-местоимений *какой* и *каков*

явно уступает не только употреблению союза *как*, но и союза *что*. Приведенные выше статистические данные показывают, что по сравнению с союзом *как* союз *что* обнаруживает более сильную тенденцию употребляться со всеми т-местоимениями, что в дальнейшем может обеспечить ему рост частотности в том классе аналитических скреп русского языка, который был рассмотрен в настоящей статье.

⁷ Отсутствие в ограниченных поиском материалах «Интегрума» примеров с теми или иными подтипами скреп не значит, что данные скрепы вообще не употребляются. Нетрудно найти примеры со скрепами «*настолько же... что и*» и «*потому же... как и*» (см. (11) и (26) выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). – М., 1967.
2. Богуславская О. Ю. Словарная статья местоимения *такой же*: анафорические лексемы в интегральном словаре // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – С. 44–61.
3. Никунласси А. Приместоименно-относительные конструкции в современном русском языке. – Helsinki, 2008. (=Slavica Helsingiensia 33).
4. РГ-70. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1970.
5. РГ-80 II. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1980.
6. Пospelов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // Вопросы языкознания. – 1959. – № 2. – С. 19–27.
7. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М., 2001.
8. Фигуровская Г. Д. Отношения идентификации в предложениях референциального тождества с определительной функцией придаточного // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. Д. Фигуровская. – Елец, 2002. – [Электронный ресурс]. – URL: www.russian.slavica.org/article59.html (дата обращения: 10.01.2014).
9. Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. – М., 1978.
10. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения / отв. ред. З. Д. Попова. – Новосибирск, 1987.
11. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 1987. – С. 11–25.
12. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. – М., Русский язык, 1993. – 355 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.13)

Ahti Nikunlassi, PhD, Professor (acting) of the Department of Modern Languages, University of Helsinki, Helsinki, Finland.

E-mail: ahti.nikunlassi@helsinki.fi

Mikhail Kopotev, PhD, Lecturer of the Department of Modern Languages, University of Helsinki, Helsinki, Finland.

E-mail: mihail.kopotev@helsinki.fi

FORMAL AND FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF IDENTIFYING-ASSIMILATING CORRELATIVE CONJUNCTIONS LIKE *TAKOI ZhE...ChTO I, STOL'KO ZhE...ChTO I, TAM ZhE...ChTO I, ETC.*

Abstract

The object of our research is a type of multi-word connectors (Russ. analiticheskaya skrepa), which consist of four components: in the main clause there is an antecedent phrase with a demonstrative pronoun (T-pronoun) and the particle ZhE, whereas the subordinate clause begins with the indeclinable ChTO followed by a phrase beginning with the particle I. It is shown, that each component has its own meaning, but together they combine to make a unit that functions as a marker of a specific type of syntactic relation, which is called equating-similizing relation. The T-pronoun in the antecedent phrase can belong to any POS, with the exception of verbs. The equating-similizing relation between the main and subordinate clauses can be expressed not only with the connectors in question, but also with connectors that have a wh-pronoun or complementizer KAK instead of the indeclinable ChTO. In many of the cases these variants are interchangeable. The absolute frequencies of "connectives" with different T-pronouns differ to a considerably extent (cf., for example, TAKOI vs. POTOMU and OTTOGO). In all types of "connectives" one can use a wh-pronoun, however, in the "connectives" with T-pronouns TAKOI and TAKOV wh-pronouns KAKOI and KAKOV are less frequent than the complementizers. The wider distribution of ChTO in comparison with KAK creates good prerequisites for its future development.

Keywords

multi-word connectors, subordinate sentence, equating-similizing relation.

REFERENCES

1. Beloshapkova V. A. *Complex sentence in modern Russian (some theoretical problems)*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 160 p. (In Russian)
2. Boguslavskaja O. Yu. 'Dictionary entry for TAKOI ZhE pronoun: anaphoric tokens in the integrated dictionary'. *Theoretical linguistics and lexicography: experiments systematic description of vocabulary*. (ed.) Yu. D. Apresian. Moscow: Russkie slovari Publ., 1995, pp. 44–61. (In Russian)
3. Nikunlassi A. *Pronoun-relative constructions in modern Russian*. Helsinki: Yliopistopaino Publ., 2008. (=Slavica Helsingiensia 33). 304 p. (In Russian)
4. *Modern Russian Grammar*. (ed.) N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka Publ., 1970. 768 p. (In Russian)

5. *Russian Grammar. Vol. II: Syntax.* (ed.) N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka Publ., 1980. 710 p. (In Russian)
6. Pospelov N. S. Complex sentence and its structural types. *Questions of linguistics*, 1959, no. 2, pp. 19–27. (In Russian)
7. Testeletz Ia. G. *Introduction in General Syntax.* Moscow: RGGU Publ., 2001. 800 p. (In Russian)
8. Figurovskaia G. D. *Identificational relationships in sentences of referential identity with attributive subordinate function.* Sentence. Text. (ed.) G. D. Figurovskaya. Elec: Elecky gosudarstvennyy universitet Publ., 2002. (In Russian) Available at: www.russian.slavica.org/article59.html. (accessed 10.01.2014)
9. Formanovskaia N. I. *Stylistics of complex sentence.* Moscow: Russkiy iazyk Publ., 1978. 240 p. (In Russian)
10. Cheremisina M. I., Kolosova, T. A. *Essays on the theory of a complex sentence.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 198 p. (In Russian)
11. Cheremisina M. I., Kolosova, T. A. *Some trends in filling the list of connectors.* Function words. (ed.) K. A. Timofeev. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet Publ., 1987, pp. 11–25. (In Russian)
12. Shelyakin M. A. *Handbook of Russian grammar.* Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1993. 355 p. (In Russian)

© С. Эрдэнэмаам

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14)

УДК 801.001

О ПОЛОЖЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛИИ И ОБ ИНТЕРФЕРЕНТНЫХ ОШИБКАХ, ДОПУСКАЕМЫХ СТУДЕНТАМИ-МОНГОЛАМИ

С. Эрдэнэмаам (Улан-Батор, Монголия)

В первой части статьи коротко рассматривается история изучения русского языка в Монголии, те позиции, которые он прочно занимал в обществе при социализме. Немного подробнее анализируется сегодняшнее положение русского языка в Монголии. При этом автором подчёркивается тот факт, что советско-монгольские отношения характеризовались целенаправленной политикой в сфере культурного сближения двух народов и отличались высоким уровнем интеграции, благодаря чему в тот период в Монголии сформировалась целая группа интеллектуалов, ориентированных на русский язык. Далее с некоторым сожалением отмечается о том, что в ходе демократических изменений конца XX века в стране изменилась языковая ситуация: на первый план выступил английский язык, считающийся международным средством общения, вследствие чего говорить о доминирующих позициях России в образовательном и культурном пространстве Монголии не приходится. Однако автор подчёркивает, что в настоящее время, по меткому определению академика В. Г. Костомарова, русский язык в Монголии занял своё достойное место наряду с другими иностранными языками. Во второй части статьи автор рассматривает вопросы, связанные с интерферентными ошибками, допускаемыми студентами-монголами при изучении русского языка, среди которых, по мнению автора, первое место занимают случаи употребления русского глагола.

Ключевые слова: положение русского языка в Монголии, идеологизация, политизация, достойное место среди других иностранных языков, доминирующая позиция русского языка, интерферентная ошибка, глагольное управление.

В настоящее время, по меткому определению академика В. Г. Костомарова, русский язык в Монголии занял своё достойное место наряду с другими иностранными языками. Почему он так охарактеризовал? Дело в том, что при социализме русский язык у нас был сверх идеологизирован, политизирован, вследствие чего он в

Монголии являлся единственным окном в мир. Другие иностранные языки вообще не изучались. Более того, без знания русского языка на работу не брали, знание русского языка являлось одним из основных критериев выдвижения по служебной лестнице. Именно поэтому некоторые наши исследователи, и даже ученые-русисты стали писать о том,

Эрдэнэмаам Сосорбарам – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Монгольский государственный университет образования.

E-mail: sermaam@inbox.ru

что «Монголия уже пережила период экспансии русского языка за прошедшие 70 лет после народной революции 1921 г., когда знание русского языка в Монголии было политической необходимостью, а его изучение – важным направлением в науке и образовании, вследствие чего русский язык был единственным обязательным предметом не только в учебных заведениях всех ступеней, но и в кружках, на курсах» [3].

В идеологическом плане русский язык и вправду имел большое значение, именно с него переводились наряду с классиками русской и мировой художественной литературы политическая и учебно-научная литература. Советско-монгольские отношения характеризовались целенаправленной политикой в сфере культурного сближения двух народов и отличались высоким уровнем интеграции. В тот период в Монголии сформировалась целая группа интеллектуалов, ориентированных на русский язык. Сейчас их же дети выбирают русский язык как первый иностранный в школах и вузах, а многие из них – и в качестве специальности. В ходе демократических изменений конца XX в. в стране изменилась языковая ситуация: на первый план выступил английский язык, считающийся международным средством общения. Принятый в Монголии в 1991 г. закон об английском языке как об основном и обязательном к изучению в школах иностранном языке положил начало трансформации языкового и культурного пространств Монголии. Это было естественным продолжением демократических процессов 90-х годов, т.к. Монголия действительно была отрезана от мира, от других культур в течение длительного времени.

Теперь же говорить о доминирующих позициях России в образовательном и культурном пространстве Монголии, к сожалению, не приходится. Однако и сегодня, когда

конкуренция за экономические ресурсы в Монголии сопровождается борьбой за языковое, культурное, образовательное пространства и религиозно-идеологическую сферу, в Монголии сохранилась целая сеть российских школ. Преемственность в преподавании русского языка, к счастью, окончательно еще не прервана. На уровне общего образования он изучается (240 часов) и в дальнейшем в старших классах вводится факультативное его изучение (2 раза в неделю). Монголия в региональном контексте имеет мощную базу для подготовки специалистов по русскому языку. За последние 30 лет в стране подготовлено около трех тысяч (2900) преподавателей русского языка, из которых 702 сейчас работает в сфере среднего образования. Хотя, по словам министра образования, на современном этапе значение русского языка в Монголии повышается, нас волнуют факты, свидетельствующие о том, что в последние годы наблюдается срыв в наборе на русское отделение филологических вузов страны, большинство преподавателей русского языка – это люди пенсионного или допенсионного возраста [4].

Тем не менее, не прерывается связь Монголии с российской культурой, русский язык по-прежнему признается как ценнейший источник получения информации о событиях как в России, так и во всем мире.

В настоящее время в Монголии сложилось представление о русском языке как средстве межкультурной коммуникации. Проводятся месячники монголо-русской дружбы, декады русского языка, а также отмечаются юбилеи, связанные с русской культурой. Проходит много культурных мероприятий, например, международный театральный фестиваль «А. П. Чехов – XXI век» и т.п., увеличиваются тиражи русскоязычных газет, поддерживаются русскоязычные телеканалы

(их 7), построена православная церковь, популярна и российская эстрада. По данным на 2009–2011 гг., около 70 % художественной и научной литературы переведено с русского или через него. К сожалению, за последний год картина изменилась на противоположную. Английский язык завоевывает его позицию. Издаются двуязычные и многоязычные словари, что очень своеобразно, с обязательным участием русского языка. В условиях равноправного сотрудничества между двумя странами сохраняются и личные контакты людей, адаптируясь, естественно, к создающимся ситуациям.

Теперь коротко по второй части заявленной темы. Как всем вам известно, термин «интерференция» заимствован из физики, изучающей явление наложения различных волн: звуковых, электромагнитных, оптических, радиоволн и др. Под интерференцией волн понимается «взаимное усиление или ослабление двух или нескольких волн при их наложении друг на друга при одновременном распространении в пространстве, вследствие чего образуется так называемая интерференционная картина. Интерференция имеет место для всех видов волн, независимо от их физической природы» [1, с. 285]. Явление интерференции распространено повсеместно и существует в разных областях: в физике, в химии и биологии и т.д. Не составляет исключения и лингвистическая интерференция. «Интерференционная картина» в лингвистическом понимании предстает перед нами в виде нарушений в русской речи иностранцев, иными словами, ошибка является продуктом интерференции, а интерференция – продуктом функционирования интерязыка. Ошибки образуют систему, соответствующую переходной компетенции. Результатом речевых ошибок является акцент, но не только как совокупность искажений, регистриру-

емых в речи на фонетическом уровне; понятие акцента охватывает все уровни функционирования языка, по-иному, акцент – это, прежде всего, подчинение чужой системы языка навыкам своего родного.

Принимая самое непосредственное участие в организации ежегодно проводимых Министерством образования и науки Монголии государственных конкурсов на лучшего учителя-русиста года, мы все больше и больше убеждаемся в том, что именно глагольное управление является доминирующей среди немногочисленных, но в то же время вызывающих уйму интерферентных ошибок у монголов языковых категорий. Анализ материалов, выполненных за последние 3 года учителями-участниками вышеназванных конкурсов, свидетельствует о том, что среди допускаемых ими грамматических ошибок 39,5 % занимают случаи неправильного употребления глагольного управления, 25,3 % – глагольного вида, 22,8 % – случаи, связанные с актуальным членением предложения, 12,4 % – другие.

Если при этом учесть тот факт, что в данных конкурсах принимают участие только лучшие учителя, победившие в аймачных и столичных олимпиадах, то вопрос улучшения качества обучения данным категориям русского языка является одной из самых актуальных и требующих своей разработки, вернее доработки, проблем в методике преподавания русского языка монголам вообще и будущим учителям-русистам, в частности. Допущение монголами ошибок, вызванных неправильным употреблением глагольного управления, вызвано, на наш взгляд, несколькими факторами: а) учитель не требует от своих учащихся, чтобы они с самого начала запоминали новый русский глагол вместе с его управлением; б) недостаточное количество времени и практических

упражнений уделяется усвоению управления того или иного глагола; в) при разработке домашнего задания учителем недостаточно учитывается работа над запоминанием глагольного управления; г) при обучении иностранному языку отсутствует опора на родной язык.

Из вышеперечисленных факторов последний, как показывает практика, самый важный. Именно он служит причиной появления многочисленных интерферентных ошибок в употреблении монголами русских глаголов. Ведь «...разнообразные применения русских переходных глаголов находят свои эквиваленты в монгольском языке по-разному». Дело в том, что в рассматриваемых языках есть глаголы, у которых управление совпадает, в силу чего не представляют никаких трудностей при изучении монголами русского языка. Так, например, русский глагол *читать–прочитать* кого? что?, управляет винительным падежом, монгольский глагол с тем же значением унших хэнийг? юуг? тоже требует того же падежа. Русский глагол *писать–написать*, монгольский его эквивалент бичих одинаково требуют после себя винительного падежа. Усвоение подобного рода русских глаголов у учащегося монгола особых затруднений не вызывает, следовательно, предложения типа *Ах ном уншиж байна. Эгч захиа бичиж байна* он легко и правильно может составить на русском языке: *Брат читает книгу. Сестра пишет письмо.*

Наряду с этим в рассматриваемых языках есть большое количество глаголов, у которых управление не совпадает, в силу чего они служат основной причиной допущения монголами моря интерферентных ошибок. Так, например, русский глагол *опаздывать* – *опоздать* куда? на что? – управляет винительным падежом с предлогом *на*. *Студент опоздал на первую лекцию.* Монгольский же эквивалент этого глагола “*хоцрох*” управляет так называемым исходным падежом: *хоцрох* от чего? От лекции, от поезда и т.д.

Под влиянием подобного расхождения учащийся – монгол допускает ошибки типа: *Студент опоздал от первой лекции.* Когда же ему говорят, что предложение неправильное, он тут же «исправляет»: *Студент опоздал из первой лекции. Студент опоздал с первой лекции.* То есть студент никак не может выйти из-под влияния родного языка, где соответствующий глагол управляет не винительным, как в русском, а исходным падежом [2].

Кстати, русский аспирант, изучающий монгольский язык, допускает ту же самую ошибку, но только в обратном порядке. Он пишет: *Оюутан галт тэрэг рүү хоцров*, вместо *Студент опоздал от поезда*. Так как он тоже находится под влиянием своего родного, русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / под ред. Ю. С. Осипов, С. Л. Кравец. – М.: Изд-во Большая российская энциклопедия, 2008. – т. 11. – 767 с.
2. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. – Улан-Батор, 1975. – Ч. I. – 233 с.

3. **Туяа Ш.** Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации в Монголии. – [электронный ресурс]. – URL: http://mesi.cliro.unibo.it/data_uploaded/file/papers/Shagdaryn.doc (дата обращения: 14.01.2014).
4. **Эрдэнэмаам С.** Русский язык в современной Монголии (2009). – [электронный ресурс]. – URL: www.slavistika.ru/pdf/1/erdenemaam.pdf (дата обращения: 10.01.2014)

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14)

Erdenemam Sosorbaram, Candidate of Philology Sciences, Professor
of the Department of Russian Language and Literature, Mongolian
State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.
E-mail: sermaam@inbox.ru

ABOUT THE STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN MONGOLIA AND AN INTERFERENTIAL MISTAKES MADE BY MONGOLIAN STUDENTS

Abstract

In the first part of the article examines the history of the study of the Russian language in Mongolia, the positions that it held in society under socialism, a little more analysis of the current state of the Russian language in Mongolia. In this case the author highlights the fact that the Soviet-Mongolian relations were characterized by a deliberate policy in the sphere of cultural rapprochement between the two nations and a high level of integration, so that in the period in Mongolia has formed a group of intellectuals focused on Russian language. Further notes with some regret that in the democratic changes of the late twentieth century. The country's linguistic situation changed: the fore made English, is considered an international means of communication, then what now we talk about Russia's dominant position in the educational and cultural space of Mongolia is not necessary. However, the author emphasizes that at the moment, in the apt definition V. G. Kostomarov Academician, Russian language in Mongolia take its rightful place alongside other foreign languages. In the second part of the article the author examines the issues related to "interference" mistakes made by students Mongols while studying Russian language, among which, according to the author, the first place is occupied by the Russian verb occurrences.

Keyword

ideologies, politicize, deliberate policy, cultural rapprochement, verbal control, transitive, neuter.

REFERENCES

1. *Great Russian encyclopedia*: in 30 vol. (ed.) Yu. S. Osipov, S. L. Kravets. Moscow: Publishing house of the Great Russian encyclopedia, 2008. Vol. 11, 767 p. (In Russian)
2. Galsan S. *Comparative Grammar of Russian and Mongolian*. Part I, Ulaanbaatar, 1975. 233 p.
3. Tuya Sh. *Learning Russian as an intercultural communication in Mongolia*. Available at: http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/papers/Shagdaryn.doc (accessed 14.01.2014).
4. Erdenemaam S. *Russian Language in Recent Mongolia*. Available at: www.slavistika.ru/pdf/1/erdenemaam.pdf. (accessed 14.01.2014).

© Ц. Сэрээнэн

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.15)

УДК 801.001

О РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Ц. Сэрээнэн (Улан-Батор, Монголия)

Чтобы с достаточной полнотой оценить динамику развития словарного состава русского и монгольского языков в последние годы в связи с появлением большого количества англицизмов, необходимо учитывать не только сами заимствования, но и те производные лексемы, которые возникли на базе этих заимствований. Участие англицизмов в словообразовательных процессах, обусловленное как экстралингвистическими, так и внутрилингвистическими факторами, ускоряет ассимиляцию англицизмов в заимствующих языках и раскрывает их деривационный потенциал.

Исследование реализации деривационного потенциала англицизмов в русском и монгольском языках, с одной стороны, помогает обнаружить в каждом языке специфические особенности пополнения словарного состава языка, с другой – помогает определить общие тенденции в динамике развития словарного состава различных языков.

Ключевые слова: Англицизмы, словообразовательный тип, словообразовательная категория, деривационный потенциал, дериваты.

Связь истории языка с историей общества – одна из фундаментальных проблем языкознания. Каждый этап в развитии общества оставляет следы в развитии языка. Словарный состав – самый подвижный элемент языка, поэтому изменения в общественной жизни народа отражаются прежде всего в нем. «Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком» [1, с. 3].

Чтобы с достаточной полнотой оценить динамику развития словарного состава русского и монгольского языков в последние годы в связи с появлением большого количества англицизмов, необходимо учитывать не только сами заимствования, но и те производные лексемы, которые возникли на базе этих заимствований. Участие англицизмов в словообразовательных процессах, обусловленное как экстралингвистическими, так и внутрилингвистическими факторами, ускоряет ассимиляцию англицизмов в заимствующих языках и раскрывает их деривационный потенциал.

Сэрээнэн Цэндсүрэн – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель, кафедра русского языка и литературы, Монгольский государственный университет образования.
E-mail: Tssernn@mail.ru

Описание производных слов многие исследователи обычно связывают с понятием словообразовательного типа (далее – СТ), которое является «одним из центральных понятий словообразования» [7]. В работах различных ученых (Е. С. Кубрякова, В. Н. Хохлачева, Б. Н. Головин, Н. С. Авилова, И. С. Улуханов, Е. А. Земская и др.) находим близкие друг другу определения данного понятия: «Словообразовательный тип – это схема (формула) строения производных слов, характеризующих общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т. е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса» [3, с. 188].

Следует отметить, что не все исследователи первый признак СТ признают в качестве обязательного на том основании, что можно обнаружить в русском языке достаточное количество производных слов, характеризующих общностью двух других признаков, но производимых от основ разных частей речи. Однако, на наш взгляд, неприятие первого признака влечет за собой неопределенность в содержании второго признака (семантического соотношения между производными и производящими), в формировании которого участвует и грамматическая семантика, присущая определенной части речи. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, словообразовательный формант (речь идет прежде всего об аффиксах) не может выступать в тождественном значении в сочетании со словами разных частей речи. Такое мнение затрагивает уже и третий признак СТ. Все это в конечном итоге ведет к разрушению пред-

ложенной схемы построения производных слов. В связи с этим мы придерживаемся понимания СТ в соответствии с приведенным выше определением.

Использование процедуры построения формулы (СТ) производного слова позволяет эксплицировать семантические отношения между производящим словом и дериватом и определить тем самым словообразовательное (деривационное) значение последнего, так как оно является общим для всех производных одного СТ. В настоящее время не существует единого определения словообразовательного значения, что связано с нерешенностью ряда проблем в словообразовании. Многие ученые (Е. С. Кубрякова, Р. С. Манучарян, И. С. Улуханов и др.) делают акценты на разных признаках словообразовательного значения. Так, например, Е. А. Земская, делая акцент на противопоставленности словообразовательного значения лексическому значению слова, пишет: «В семантике слова для словообразования важна не его конкретная лексическая индивидуальность, а то общее, что отражено в его строении. Это и есть словообразовательное значение» [3, с. 189].

Е. С. Кубрякова связывает словообразовательные значения с моделированием однотипных семантических отношений между производящими и производными, которые основываются на смысловых отношениях, возможных между двумя предметами, между предметом и процессом и т. д. «Констатируя определенный тип связи, словообразовательные значения тоже отражают наличие зависимости между двумя разнопорядковыми сущностями, а именно: между ономастическим базисом наименования (тем, что рассматривается в качестве основы обозначаемого) и его признаком, а соответственно, между отсылочной и формирующей частями производного, которые, впрочем, могут коррелиро-

вать с базисом и признаком не тождественным образом» [5, с. 108].

Словообразовательные значения соотносятся с определенным грамматическим классом слов и становятся носителем его общекатегориальной семантики, поэтому словообразовательные значения разных классов слов имеют специфические особенности. Так, по сравнению с существительными, отражающими более прямые связи с действительностью, прилагательные, как и глаголы, имеют более регулярные, более общие значения, число которых относительно невелико. Это положение вполне соотносится с новообразованиями, возникшими на базе англицизмов.

В качестве единицы описания производной лексики, возникшей на базе англицизмов в русском и монгольском языках, мы избрали единицу более высокой степени обобщенности – словообразовательную категорию (далее – СК), которая формируется на базе рассмотренных выше словообразовательных понятий: СТ и словообразовательного значения.

СК является важной классифицирующей единицей, хотя в настоящее время «внимание к словообразовательным категориям ослаблено... они принадлежат к числу незаслуженно забытых в теории словообразования» [2, с. 27].

В современной лингвистике нет еще общепринятых критериев для выделения СК. Существует две точки зрения по этому вопросу, которые расходятся по поводу отношения к словообразовательным формантам и способам образования слов, входящих в одну СК. Согласно одной точке зрения, СК рассматривается как совокупность СТ, объединенных общностью: а) словообразовательного значения; б) способа словообразования; в) части речи производящих основ; при этом СТ, образующие словообразовательную катего-

рию, различаются словообразовательными формантами [3, с. 241; 4, с. 112; 7, с. 130]. Вторая точка зрения представлена в работе Р. С. Манучаряна. Он считает, что СК не должна быть ограничена рамками определенного способа словообразования и, следовательно, наличием единого словообразовательного форманта. «Словообразовательная категория идентифицирует, таким образом, ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения» [6, с. 201]. Такое понимание СК расширяет ее границы, акцентируя внимание на семантике производного слова. Это делает возможным использование СК при сопоставительных исследованиях, так как семантические свойства языковых явлений носят более универсальный характер, нежели их формальные показатели. Поэтому мы исходили из такого понимания СК, включая на этом основании композиты различного рода вместе с аффиксальными новообразованиями в одну СК, если они объединены единством словообразовательного значения.

Слова, составляющие одну СК, могут делиться на подкатегории (далее – СПК) в зависимости от состава тождественных дополнительных компонентов в значении [7, с. 130]. Такая дополнительность в семантике производного иногда бывает обусловлена разницей в структуре СТ, входящих в СК.

Следует подчеркнуть, что обобщенное словообразовательное значение всегда соотносится с общекатегориальной семантикой слов, входящих в одну СК, так как каждый дериват включается в определенный грамматический класс слов. Поэтому при рассмотрении СК целесообразно исходить из принадлежности их к определенной части речи.

Словообразовательные категории имен существительных включают четыре СК.

Словообразовательная категория имен существительных со значением «носитель предметного признака». В настоящей СК мы выделяем две словообразовательные подкатегории (далее СПК): СПК существительных со значением «лицо – носитель предметного признака» и СПК существительных со значением «конкретный предмет – носитель предметного признака». Например, в русском языке: *бобслеист, боулингист, ваучерист, компьютерщик, ваучерник, пиарщик, попсовик, пиаровец, дискетница, оффшорка* (образованные путем суффиксации); в монгольском языке: *компьютерчин, бингочин* и др.

Скейтодром, маркетинг-директор, пиар-агент, шоу-бизнесмен ваучеродержатель, vip-гость, web-издатель, PR-менеджер, интернет-кафе, интернет-класс, интернет-магазин, интернет-реклама, интернет-рынок, интернет-страничка, интернет-сервис, маркетинг-клуб, пиар-компания, рейв-акция, рейв-клуб, скейт-клуб, фитнес-зал, фитнес-центр, шейпинг-зал, шейпинг-центр, шопинг-центр, шоу-бизнес (образованные путем сложения разного вида). Иногда *соединяется и три слова*: компакт-диск-плеер, компакт-диск-проигрыватель. В монгольском языке, например: интернет-кафе, интернет-клуб, интернет-уйлчилгээ (интернет-обслуживание) и др.

Хотя словообразовательные процессы, происходящие на основе англицизмов, связаны с традиционными способами словообразования и традиционными словообразовательными моделями, которые были продуктивны и раньше, обращает на себя внимание и активизация отдельных способов образования, не отличающихся ранее своей продук-

тивностью. Среди них выделяются прежде всего указанные сложные образования, занимающие промежуточную позицию между словом и словосочетанием, например: *имидж-центр, интернет-провайдер, интернет-сайт* и др. В монгольском языке, например: *интернет-кафе, интернет-клуб, интернет-уйлчилгээ* (интернет-обслуживание) и др. Подобные образования в научной литературе получили название – биномины (Бертагеев, Комарова). Можно выделить три структурных модели биноминов на основе позиции и функциональной значимости англицизма в сложном образовании.

I модель: англицизм является первым компонентом биномина, второй компонент представляет собой слово исконной лексики или заимствованное ранее из различных языков и уже ассимилированное. В таком случае англицизм выполняет обычно характеризующую функцию по отношению к реалии, обозначенной вторым компонентом, что находит отражение в толкованиях этих биноминов, где второй компонент повторяется при толковании, а первый, представленный англицизмом, заменяется другим элементом (чаще – словом), более привычным для заимствующего языка: **компакт-кассета** – кассета небольшого размера...; **топ-модель** – супермодель...; **шопинг-центр** – торговый центр...; **топ-класс** – высшего класса, высшего разряда...; **маркетинг-директор** – директор по маркетингу. В монгольском языке, например: *фэн-клуб, поп-хогжим* (поп-музыка), *топ-модель, интернет-кафе, бизнес-аялал* (бизнес-туризм).

II модель: англицизм является вторым компонентом сложного образования. В таком случае он несет основную смысловую нагрузку и требует поэтому более подробного толкования, например: **мини-компьютер** – миниатюрное электронное устройство. Сюда

же можно отнести мини-ноутбук, арт-шоу, видео-хит и др. В монгольском языке, например: мини-шоп, мини-компьютер, мини-ноутбук, мини-парламент.

III модель: оба компонента являются англицизмами. При этом в языке-источнике эти компоненты нередко являются словосочетаниями, что находит свое отражение в раздельном написании слов. В таком случае все сложное образование требует детального раскрытия содержания слова, например: **диск-жокей** [англ. disk jockey] – ведущий музыкальной программы (в баре, на радио, на телевидении); **ток-шоу** [англ. talk show] – телепередача в виде свободного обмена мнениями между участниками и ведущим, обычно посвященная какой-л. актуальной теме; **секонд-хэнд** [англ. second hand] – бывшие в употреблении подержанные, не новые вещи (обычно одежда). В монгольском языке, например: диск-жокей, тайм-аут [англ. time out], хит-парад [англ. hit parade], шоу-мен [англ. show man], шоу-бизнес [англ. show business].

Словообразовательная категория имен существительных со значением «отвлеченного непроцессуального признака»: в русском языке: *клипмейкерство, риэлтерство, спонсорство, хакерство, бартеризация, интернетизация, мультимедийность, хитовость, эксклюзивность; интернет-бизнес, интернет-конференция, кейс-метод, интернет-СМИ*; в монгольском языке: *бизнес-уулзалт, шоу-наадам, интернет-уйлчилгээ*.

Компоненты-англицизмы, входящие в состав композитов, обычно занимают препозицию по отношению к опорному слову, которое может относиться к исконной или заимствованной лексике. В анализируемых композитах компоненты вступают обычно в определительные отношения.

Словообразовательная категория имен существительных со значением «отвлеченного процессуального признака»: *зомбирование, сканирование, ваучеризация, компьютеризация; компьютержуулэлт*.

Словообразовательная категория имен существительных со значением «женскости»: *бизнесменша, бизнесменка*. В монгольском языке отсутствует СК со значением «женскости». Это объясняется тем, что в монгольском языке нет категории рода имен существительных.

Словообразовательные категории имен прилагательных

Англицизмы способны образовывать производные прилагательные, объединяемые в 2 СК.

Словообразовательная категория имен прилагательных со значением «отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным»: *спонсорный, фьючерсный, CD-ROMный; клиповый, лизинговый, дистрибьютерский, имиджмейкерский; интернетовский, пиаровский*;

При анализе СК прилагательных со значением «отнесенности к предмету, явлению» встречаются словообразовательные синонимы: *фанатовский и фанатский, панковский и панковый, факсный и факсовый, интернетный и интернетовский*. Иногда их появление связано с отнесенностью к разным референтам. Например, слово *интернетный* обычно является определением слов, обозначающих конкретные предметы или абстрактные понятия: *интернетное пространство, интернетный бизнес, интернетные возможности, интернетная программа, интернетная информация* и др. А прилагательное *интернетовский* может соединяться как с существительными, обозначающими конкретные предметы, так и с существительными, обозначающими лицо. Например, *интернетовский сервер, ин-*

тернетовское казино и интернетовский специалист.

Среди дериватов встречаются прилагательные, мотивированные аббревиатурами, имеющими свою специфику. Например, *CD-ROMный (CD-Romный)* образована от аббревиатуры *CD-ROM (CD-Rom)*, которая дана в толковом словаре Г. Н. Складневской латиницей.

Что касается монгольского языка, то словообразовательный потенциал указанной СК прилагательных не высок.

Словообразовательная категория имен прилагательных со значением «отнесенности к процессу (действию или процессуальному состоянию), названному мотивирующей основой»: *клонированный, компьютеризованный, спонсированный, зомбированный, ксерокопировальный*.

Словообразовательные категории глаголов

Производные глаголы, мотивированные англицизмами, объединяются в 2 СК и представляют собой небольшой объем.

Словообразовательная категория глаголов со значением «совершать действия, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным»: *ксерокопировать, тестировать, ваучеризировать, ксерить, сникерснуть; чатлах, канондах, лоббидох*.

В монгольском языке тоже возможны случаи словообразовательной синонимии: принтердэх – принтерлэх.

Словообразовательная категория глаголов со значением «совершать действия, свойственные тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным»: *спонсировать, панковать, спонсорлох, рэкетлэх, боссдох*. По данным нашего материала можно судить, что в монгольском языке словообразовательный потенциал англицизмов в большой сте-

пени направлен на образование глаголов, чем в русском языке.

В процессе анализа производных слов, возникших на базе англицизмов, установлено, что основная масса их распределяется по трем частям речи: существительное, прилагательное и глагол. При этом в русском языке больше всего образовано прилагательных, на втором месте – существительные, глаголы занимают третье место. Почти противоположная картина наблюдается в монгольском языке: больше всего среди производных глаголов, существительные тоже занимают второе место, а прилагательных всего несколько слов.

Соотнесение производных слов, возникших на базе англицизмов, со словообразовательными категориями выявило, с одной стороны, их семантическое разнообразие, а с другой – преобладание среди них отдельных семантических объединений. Основная масса производных слов, образованных на базе англицизмов, создана по типовым словообразовательным моделям, существующим в заимствующих языках. Наблюдается преобладание отдельных способов образования производных, что зависит от принадлежности их к определенной части речи.

Основная масса производных слов, образованных на базе англицизмов, создана по типовым словообразовательным моделям, существующим в заимствующих языках. Наблюдается преобладание отдельных способов образования производных, что зависит от принадлежности их к определенной части речи. При этом получается одинаковая картина как в русском, так и в монгольском языке: почти все прилагательные и глаголы образованы суффиксальным способом, а при образовании существительных преобладает сложение.

Следует отметить как в русском, так и в монгольском языке особые случаи образования производных от англицизмов, функционирующих в современных текстах и представленных в некоторых лексикографических источниках в написании преимущественно латиницей. Дериваты от таких англицизмов сохраняют в своем составе производящую основу в написании латиницей, а словообразующие элементы даются кириллицей. Такое комбинированное написание сохраняется у дериватов, образованных не только путем сложения (PR-бизнес, VIP-клиент, Web-сервер и др.; в монгольском языке: Web-хуудас, Web-сайт, VIP-зал, VIP-зочин и др.), но и путем суффиксации (PRщик, VIPовский и др.). Подобные англицизмы вместе со своими производными образуют словообразовательные гнезда нового типа. Количество дериватов в них может быть довольно велико (словообразовательное гнездо с исходным CD включает 9 производных слов). Такое же явление обнаруживаем и в монгольском языке, при этом дериваты комбинированного написания характерны только для существительных.

Характерной чертой заимствований из английского языка в конце XX и в начале

XXI вв. является то, что довольно распространены случаи перехода языковой границы одновременно двумя и более родственными словами. При этом в монгольском языке это явление наблюдается чаще, то есть монгольский язык заимствует чаще целые группы родственных англицизмов. Это приводит к более явной экспликации значимых частей слова, характерных для языка-источника. Подобные группы англицизмов сразу образуют новое гнездо слов, в котором располагаются в соответствии с формально-смысловыми признаками, характерными для заимствующих языков. Довольно большое количество англицизмов включается в уже существующие словообразовательные гнезда с исходными словами, заимствованными в более ранний период.

Таким образом, исследование реализации деривационного потенциала англицизмов в русском и монгольском языках, с одной стороны, помогает обнаружить в каждом языке специфические особенности пополнения словарного состава языка, с другой – помогает определить общие тенденции в динамике развития словарного состава различных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
2. **Земская Е. А.** Активные процессы современного словопроизводства. – М.: Высшая школа, 1996. – 141 с.
3. **Земская Е. А.** Словообразование. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Языки русской культуры, 1989. – 304 с.
4. **Зенков Г. Н.** Вопросы теории словообразования. – Фрунзе: Киргизский государственный университет, 1969. – 165 с.
5. **Кубрякова Е. С.** Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
6. **Манучарян Р. С.** Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.
7. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Sereenen Tsendsuren, Candidate of Philology Sciences, Associate
Professor, Lecturer at Institute of Foreign Language, Mongolian
State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.
E-mail: Tssernn@mail.ru

ABOUT THE REALISATION OF DERIVATIONAL POTENTIALS OF ANGLICISMS IN RUSSIAN AND MONGOLIAN LANGUAGES

Abstract

In order to assess the dynamics of the vocabulary of Russian and Mongolian languages with sufficient detail, due to the emergence of a large number of anglicisms in recent years, we should consider not only the borrowing itself, but also those derived lexemes that have emerged on the basis of the borrowing. Participation of anglicisms in the process of word-formation, due to both extralinguistic and intralinguistic factors, accelerates the assimilation of anglicisms in borrowing languages and reveals the derivational potential.

Investigation of implementation of the diversion capacity of “anglicisms” in Russian and Mongolian languages, on the one hand, helps to detect each language specific replenishment vocabulary of the language, on the other - helps determine the general trend in the vocabulary of the different languages.

Keywords

anglicisms, word-formation type, category of word formation, derivational potential, derivatives.

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Active processes in the modern Russian language*. Moscow: Logos Publ., 2001. 304 p. (In Russian)
2. Zemskaya E. A. *Active processes in the modern word derivation*. Moscow: The higher school Publ., 1996. 141 p. (In Russian)
3. Zemskaya E. A. *Derivation. Modern Russian*. (Ed.) V. A. Beloshapkova. Moscow: Codes of Russian culture Publ., 1989. 304 p. (In Russian)
4. Zenkov G. N. *Problems in the theory of word formation*. Frunze: KSU Publ., 1969. 165 p.
5. Kubryakova E. S. *The human factor in the language. Language and speech production*. Moscow: Nauka Publ., 1991. 240 p. (In Russian)
6. Manucharyan R. S. *Derivational meaning and form in the Russian and Armenian languages*. Yerevan: Luis Publ., 1981. 314 p.
7. Uluhanov I. S. *Derivational semantics in the Russian language and the principles of its description*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 256 p. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Формирование и взаимодействие институциональных
дискурсов разных типов: вариативность и деривационные
процессы в системе речевых жанров
и функциональных стилей русской речи**

**Formation and interaction of institutional discourses
of various types: variability and derivational processes
in the system of speech genres and the functional styles
of Russian speech**

© И. Ташдемир, Е. В. Скворецкая

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.16)

УДК 882(092)-31

ТРОПЫ И РЕАЛИИ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЭСТЕТИЧЕСКИМ ЗНАКОМ

И. Ташдемир (Стамбул, Турция), Е. В. Скворецкая (Новосибирск, Россия)

Авторы статьи опираются на идею В. В. Виноградова и Д. С. Лихачева об одной важной закономерности литературного произведения – возможности мотивации тропов предметным миром текста. Авторы развивают положение Н. А. Кожевниковой о том, что связи метафор и сравнений с названиями реалий актуализируют эмоционально-образный потенциал художественного произведения, и расширяет представление о разнообразии способов выражения указанного соотношения, а также соединяет это явление с понятиями «эстетический знак», «художественный квазипредмет».

Анализируются фрагменты из литературных произведений XIX–XX веков, особое внимание уделяется рассказам Т. Толстой. Рассматриваются варианты представленности в тексте реалий, соотношенных с тропами и дополняется представление о разновидностях тропов: участвуют не только метафора и сравнение, но и метонимия и метабола. Указано на связь с реалиями в художественном произведении метафоро-метонимических образов, что нередко проявляется в заглавиях («Вешние воды», «Овраг», «Котлован», «Собачье сердце»). Обращается внимание на периферийные проявления описываемого явления, а также на то, что механизм соотношения тропа и реалии в тексте аналогичен узальной лексической деривации, результатом которой являются вторичные значения слов и словообразовательно производные слова, что соответствует «эпидигматическому измерению лексики» (Д. Н. Шмелев) и связано с лексико-семантической и словообразовательной внутренней формой слова.

Ключевые слова: метафора, метабола, сравнение, метонимия, реалия, внутренняя форма слова, лексическая деривация, поэтический язык, эстетический знак, художественный квазипредмет.

На соотношение метафор и сравнений с номинациями реалий в литературном произведении обратила внимание Н. А. Кожевникова [4, с. 37–63]. Эта связь обусловлена од-

ной из важных закономерностей художественного языка [2, с. 467; 4, с. 144] – возможной мотивацией тропов предметным миром текста, его темой и микротемами.

Ташдемир Исмаил – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Университет Фатих (Турция).

E-mail: itasdemir@fatih.edu.tr

Скворецкая Елена Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: skvor@gmail.com

Примерами простого, ничем не осложненного соотношения тропа и реалии в художественном тексте можно считать те случаи, когда предмет (реалия) как элемент содержания произведения представлен эксплицитно и его номинация используется (на небольшом текстовом расстоянии) или в качестве образа сравнения, или в переносно-метафорическом значении. Так, в повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» несколько раз говорится о *бричке*, а потом это слово используется как образ сравнения: *Иван Федорович увидел Ивана Ивановича в домопомом сюртуке с огромным стоячим воротником, закрывшим весь его затылок, так что голова его сидела в воротнике, будто в бричке*. Примечательно, что в этом фрагменте, кроме соотношения *бричка* (реалия) / *как в бричке* (сравнение), имплицитно представлена (через общий признак сходства *сидела*) связь реалии *воротник* с потенциальной метафорой *в воротнике* (= *в бричке*).

Соотношение микротемы и соответствующей метафоры находим в одном из рассказов Т. Толстой: маленький мальчик Петя сначала узнает историю об утонувшей *Атлантиде*, а потом тающее масло в тарелке с горячей кашей представляет себе как *гибнущую Атлантиду*. Участие собственного имени (*Атлантида*) в описываемом явлении можно считать особым случаем, потому что оно индивидуализирует обозначаемый предмет, то есть не отражает понятия. Но присутствие характеризующего определения (*гибнущая*) позволяет ему через скрытое сравнение (*как Атлантида*) метафоризоваться, тем самым приблизиться к нарицательному имени. Движение собственного имени к нарицательному более заметно, когда имя литературного героя уже намекает на определенный тип человека, например, в ситуации восприятия Собакевича Чичиковым: *У Собакевича*

дрозд, очень похожий на Собакевича... Каждый предмет, каждый стул, казалось, тоже говорил: «И я тоже Собакевич!». Но необычным может показаться следующий пример тропеизации собственного имени персонажа, которое не намекает на определенный тип обозначаемого лица: *Нянька Власьева храпит и задыхается. А ночь хмурая старой нянькой Власьевной глядит на них...* (А. Ремизов. Посолонь). Можно сказать, что характеризующие определения (*старая, хмурая*) способствуют появлению в этом высказывании творительного уподобления.

Реалия, естественно, называется именем существительным, но иногда – опосредованно – может указывать на нее и *производное* прилагательное. Например, в повести И. Шмелева «Лето Господне» герой-рассказчик вспоминает один из праздников своего детства, когда был построен *Ледяной Дом-Дворец*. В этом словосочетании прилагательное использовано в прямом номинативном значении. Но в радостном рассказе маленького героя об этом удивительном празднике и *ледяном дворце* часто присутствуют однокоренные признаковые слова (*льди́сто, льди́стый*); *смутно ловлю из далей ускользающий свет... хрустальный, льди́стый; слепящие льди́стые шары; выблискывая льди́сто из черноты; льди́сто пылающие вазы. Льди́стый* в данном контексте – это не только ‘насыщенный льдом’, что выражено суффиксом *-ист-* (Ср.: *камени́стый, мяси́стый*), но и ‘как лед, сияющий, сверкающий’. Семантика образного уподобления проявляется и в окказиональном наречии *льди́сто*. Таким образом, рассматривая соответствующее явление, можно обратить внимание не только на существительные, так как прежде всего они номинируют реалию, но и на относительное

прилагательное, образованное от существительного.

Особым случаем связи тропа и реалии в художественном пространстве можно считать наличие местоименного звена между ними. Так, *парус* в одноименном стихотворении М. Ю. Лермонтова воспринимается и как реальный предмет (*Белеет парус одинокий...; И мачта рвется и скрипит...*), и метафорически – как живое существо (*одинокий*), как символ вечного искания (*Что ищет он в стране далекой...*), как символ мятежности (*А он, мятежный, просит бури...*). Для анафорического местоимения *он* antecedентами являются и название реалии (*парус*), и указанные тропеические структуры. Местоимение, не способное само по себе развивать метафорическое значение, включено в метафорический контекст.

К тропам, как известно, относится и метонимия. Если метафора или образ сравнения могут предшествовать прямому названию реалии, то соотнесенный с реалией метонимический перенос обычно занимает постпозицию по отношению к номинации реалии. Приведем пример из рассказа Т. Толстой «Милая Шура»: *Наконец она (Александра Эрнестовна) закружилась в потоке огнедышащих машин у Никитских ворот, заметалась, теряя направление, вцепилась в мою руку и выплыла на другой берег, на всю жизнь потеряв уважение дипломатического негра, залегающего за зеленым стеклом блестящего автомобиля, и его хороших кудрявых детишек. Негр взревел, пахнул синим дымком и умчался в сторону консерватории, а Александра Эрнестовна, дрожащая, перепуганная, выпученная, повисла на мне.* Здесь можно говорить об индивидуально-авторском метонимическом образе (перенос наименования на основании пространственной смежности): *негр*, человек, управляющий автомобилем, и

негр – метонимическое обозначение автомобиля (*Негр взревел...*).

Метонимический перенос может быть переходной ступенькой от номинации реалии к метафорическому тропу; например, в одном из стихотворений А. Фета находим:

Звезды на небе

Звезды на море,

Звезды и в сердце моем.

В рассказе Т. Толстой «Вышел месяц из тумана» реалия *футбол* соотносится с юмористической лексиколизацией формы множественного числа при помощи метонимического переноса – *футболы* – в значении ‘телевизионные передачи о футболе, когда судья свистит, болельщики кричат, страсти накаляются’... *Вечерами за чужими дверьми свистят, пыхают синим светом футболов, громко спорят чужие мужья.*

Нередко мотивированный текстовой реалией троп отражается в заглавии литературного произведения, однако в предварительном читательском восприятии заглавия типа «Гроза», «В овраге», «Лес» обычно имеют номинативное, предметно-вещественное значение. Концептуальная природа заголовочного слова, обусловленная в таких случаях совмещением прямого и переносного значения, осознается только после внимательного прочтения произведения. Восприятие заглавия художественного текста может обнаруживать комплексный перенос наименования – метафоро-метонимический, например: «Вешние воды» И. С. Тургенева, «Обрыв» И. А. Гончарова, «Гроза» А. Н. Островского, «Холодный дом» Ч. Диккенса, «Котлован» А. Платонова. Основанием тропеического значения подобных названий является не только пространственная и/или временная смежность, но и аксиологически окрашенная, образно-уподобительная семантика (преобладает отрицательная оценка).

Связь номинации реалии, фигурирующей в содержании текста, с мотивируемым ею составным тропом в таких заглавиях, как «*На ножжах*» (Н. С. Лесков), «*Солнечный удар*» (И. А. Бунин), «*Собачье сердце*» (М. А. Булгаков), выявляется путем сложных доказательств, которые требуют применения методов компонентного и контекстного анализ. Но есть заглавия художественного произведения, в содержании которых реалия соотносится только с одним переносом наименования, например, с метафорой («*Бесы*» Ф. М. Достоевского) или с метонимией («*Сирень*» Ю. Нагибина). В повести Ю. Нагибина рассказывается о первой любви Сережи Рахманинова: влюбленные встречались в зарослях цветущей *сирени*. И для каждого на всю жизнь осталось ставшее строчкой романа: *Мое счастье в сирени живет...*

Подчеркнем, что связь актуальной для текста реалии и тропа может проявляться не только в художественной речи, но и в разговорной (– *Наш ежик под диваном спрятался, такой же ежик у моего Митеньки на макушке*), и в публицистической, и в устном научном общении (– *Готовилась по ксероксу...*). Механизм этой речевой операции аналогичен узуальной лексической деривации, результатом которой являются вторичные значения слов и словообразовательно производные слова, что соответствует «эпидигматическому измерению лексики» [9] и связано с лексико-семантической и словообразовательной внутренней формой слова.

Однако соотношение тропа и реалии в художественном тексте если и соотносится с актуализацией внутренней формы в содержании тропической структуры, то эта «внутренняя форма» обычно не узуальна. Поэтому соотношение тропа и реалии в художественном тексте часто соответствует такому понятию, как «эстетический знак», и рассматрива-

ется как факт поэтического языка, противопоставленного «практическому языку» [4, с. 356–358]. Данное противопоставление заложено в работах А. А. Потебни и актуализировано в первые десятилетия XX в. представителями ОПОЯЗа (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Р. О. Якобсон, Я. Мукаряжовский и др.). Если основной функцией практического языка является коммуникативная, то в поэтическом языке доминирует эстетическая функция, а именно внимание сосредоточивается на самих языковых представлениях – фонетических, ритмических, структурных и *образно-семантических*.

Эстетический знак, выраженный тропом, связан с номинацией реального предмета и тем самым обозначает эстетически моделируемый объект, образное представление, которое можно интерпретировать как «квазипредмет» [4]. Возьмем известный пример из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Слово *тройка* сначала соотносится с соответствующим предметом 'упряжка в три лошади'. Это значение становится основой эстетического знака, в содержании которого последовательно наслаиваются два символических тропа: сначала – метафора *птица-тройка*, а затем – образ сравнения (*Не так ли и ты, Русь, что бойкая, неогонимая тройка несешься?..*). И особенность в том, что эти два образа **не отменяют** первое представление, связанное с номинативным смыслом: «*Селифан только помахивал, да покрикивал: «Эх! Эх! Эх! – плавно подсакивая на козлах, по мере того как **тройка** то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка»...* Эстетический знак имеет подвижный смысл. Художественное совмещение представлений о реальном и «квазипредмете» не сводится к простой зрительной наглядности: «оно живет в смене ракурсов изображения, «наплыве»

разных смыслов, причудливо сменяющихся и «проступающих» один в другом» [6, с. 357].

Семантическая мультимедийность эстетического знака, совмещение в его содержании прямого и переносного значения сближает его с таким явлением, как метабола – поэтическая фигура, «близкая к тому, что древние называли «метаморфозой»: одна вещь не просто уподобляется и или соответствует другой, а становится ею» [7, с. 199]. Так, в рассказе Т. Толстой «Йорик» соотношение номинации реалии (*ножная швейная машинка «Зингер»*) и метафоры (*девушка-машинка*) представлено *метаболой*. По законам метабола, образ переходит из одного семантического плана в другой (из прямого значения – в переносное и наоборот): *черная* (машинка) *с упоительно тонкой талией* (девушка), *с четко-золотым сфинксом* (машинка), *напечатанном на плече* (девушка). Максимальная антропоморфность проявляется во фразе: «*А была красавица!*» [6, с. 151].

В пределах эстетического знака находятся некоторые периферийные случаи описываемого явления – это опосредованное выражение реалии, которая мотивирует в художественном тексте троп. «В подавляющем большинстве, – пишет Н. А. Кожевникова, – троп и реалия связаны лексическим повтором. Однако это не обязательно: между соотнесенными словами могут быть отношения *рода и вида*». Например: *Хорошо сидеть на краю снежного поля, слушая, как в хрустальной тишине морозного дня щебечут птицы, а где-то далеко поет колокольчик проезжей тройки, грустный жаворонок русской зимы* (М. Горький. Детство) [4, с. 44].

Между номинациями соотносящихся тропа и реалии могут также проявиться отношения «*целое-часть*»: реалия называется внутри сравнительного оборота, который, в свою очередь, как бы поясняет появление со-

ответствующей метафоры. Например, в рассказе Т. Толстой «Свидание с птицей» находим: *На блюдечках – веер сыра, веер докторской колбасы, колесики лимона – будто разломали маленький желтый велосипед*.

В пределах образа сравнения (*будто разломали маленький желтый велосипед*) называется предмет, но реалией, мотивирующей троп *колесики*, является часть этого предмета. Правда, для представления реалии важны и такие признаковые характеристики, как *маленький, желтый* (велосипед). Наблюдается метафорическая замена названий пищевых продуктов сугубо непищевыми, происходит материализация метафорического представления [8, с. 150].

У Н. В. Гоголя можно видеть обратное явление – метафоризуется название пищевого продукта и тоже ситуация связана со средством передвижения: *...Весьма старинный экипаж. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза затворились плохо <...>. Арбуз был набит ситцевыми подушками...* Если в предыдущем контексте можно наблюдать движение от метафоры (*колесики лимона*) к сравнению с целой ситуацией (*будто разломали...*), то у Гоголя видим постепенное движение от образа сравнения – к метафоре. В текстовом фрагменте нет слова *арбуз*, которое бы называло реалию. *Арбуз* как образ сравнения (*похож на...*) – это мыслимое представление, используемое автором для сопоставительной характеристики экипажа. Данное представление становится основой последующей метафоры и сливается с представлением об *экипаже* (но изображенном автором приблизительно: *не похож ни на тарантас, ни на коляску*). Один образ воспринимается через призму другого, и происходит это *ступенчато*: сначала повозка

мысленно превращается в *арбуз*, затем метафоризация подтверждается указательным местоимением: *тот арбуз*, то есть не реальный *арбуз*, а воображаемый *экипаж-арбуз*. И третье употребление лексемы *арбуз* (*Арбуз был набит ситцевыми подушками*) уже полностью является метафорическим.

Описанное движение от сравнения к метафоре осложнено включением в него шутливого образа *толстощекого* арбуза. Здесь отношение между прямым значением слова (*щеки*) и метафорическим (*щеки – дверцы кареты*) осложнено словообразовательно: прилагательное *толстощекий* образовано от прямого значения слова *щеки* и как бы частично олицетворяет *арбуз*. Замысловатый гоголевский образ *толстощекого арбуза-экипажа* напоминает образ *кареы-тыквы*, в которой Золушка отправляется на бал. Но в сказочном пространстве и сама *тыква*, и *тыква-карея* являются *реалиями*. Таким образом, в какой-то мере можно говорить о межтекстовом соотношении тропа и реалии.

Эффект воздействия описываемого приема усиливается, когда одно сравнение, опосредованно обозначающее реалию, соотносится с двумя разными (но по смыслу близкими) метафорами (*луч*, *игла*), например, в строчках А. Блока, создающих тропеический образ шпилья Петропавловской крепости:

Луч вонзился

В прожженное сердце стекла,

Как игла – Золотая игла!

Исполинским лучом пораженная мгла...

Образ сравнения включает слово *игла* в прямом значении, но оно не обозначает реалию как предмет описания (*шпиль*), а дает ей тропеическое представление, подготавливающее метафору *золотая игла*. Предшествующее сравнению метафорическое предложение (*Луч вонзился*) содержательно его подготавливает, а развернутая метафора в четвер-

той строчке вбирает в себя смысловые компоненты всех предшествующих тропов: значение текстового синонимического пучка, объединенного по сходству формы (*шпиль/игла/луч*), свето-цветовой признак, компонент интенсивности (*вонзился*, *прожженное*, *исполинский*, *пораженная*).

Итак, возможная связь тропа и реалии обусловлена одной из важных закономерностей художественного текста, изображаемый предметный мир которого может мотивировать не только сравнение и метафору, но и метонимию, метаболу, то есть текстовая реальность может стать источником тропа. Соотношению тропа и реалии в литературном произведении может сопутствовать окказиональный переход собственного имени в нарицательное, словообразовательная мотивация, что соответствует «эпидигматическому измерению лексики» (Д. Н. Шмелев); между номинацией реалии и тропеическими структурами может возникнуть анафорическое местоименное звено. Мотивированный номинацией реалии троп нередко бывает комбинированным – метафоро-метонимическим, что особенно ярко проявляется в заглавиях типа «*Обрыв*», «*Котлован*», «*Собачье сердце*».

Мотивация тропа текстовой реальностью является одной из главных разновидностей эстетического знака (знака поэтического языка), соотносящегося с художественным «квазипредметом». Семантическая подвижность эстетического знака сближает его с метаболой – когда один предмет «не просто уподобляется другому, а становится им» [10], что можно интерпретировать как ирреальное превращение (*швейная машинка-девушка*).

Периферией описываемого явления (но это не выходит за рамки эстетического знака) является опосредованное выражение реалии – в рамках сравнительного оборота (*экипаж похож на толстощекий арбуз*; *шпиль на*

Петропавловской крепости *как игла*). В образе сравнения, в метафоре может отражаться не вся называемая реалья, акцентируются

только значимые для сопоставления признаки, могут проявляться отношения «род – вид», «целое – часть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аругюнова Н. Д.** Метонимия // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Дрофа, 1997. – С. 236–237.
2. **Виноградов В. В.** О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
3. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
4. **Кожевникова Н. А.** О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика, 1988–1990. – М.: Наука, 1990. – С. 37–63.
5. **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. – Ленинград: Наука, 1967. – 372 с.
6. **Новиков Л. А.** Поэтический язык // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия – Дрофа. 1997. – С. 356–358.
7. **Новикова Э. Г.** Малая проза Татьяны Толстой в лингвопоэтическом аспекте: дисс. ... докт. филол. наук. – Томск, 2013. – 240 с.
8. **Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
9. **Шмелев Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
10. **Эпштейн М.** Концепты... Метаболы... О новых течениях в поэзии // «Октябрь». – 1988. – № 4. – С. 194–203.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.16)

Tashdemir Ismail, Assistant Professor of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Science and Letters, Fatih University, Buyukcekmece, Istanbul, Turkey.

E-mail: itasdemir@fatih.edu.tr

Skvoretskaya Elena Viktorovna, Candidate of Philology Sciences, professor of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: skvor@gmail.com

TROPES AND REALIA IN THE LANGUAGE OF ART WORKS IN THE CORRELATION WITH AESTHETIC SIGN

Abstract

The article "Tropes and realia in the language of art works in the correlation with aesthetic sign" is based on the idea of V. V. Vinogradov (1959) and D. S. Likhachev (1967) of one important law of the literary work – the possibilities of tropes to be motivated by objective world of the text. The author develops the position of N. A. Kozhevnikova (1991) that the connections of metaphors and comparisons with names of realia actualize emotionally-shaped potential of the artwork, and expands the idea of the diversity of ways of expressing this relationship, but also connects this phenomenon with the concepts of "aesthetic sign", "artistic kvazisubject".

Fragments of literary works of XIX–XX are under analysis, main attention is given to T. Tolstaya artworks. The variants of representation of realia correlated with tropes are analyzed, and the idea the of tropes` varieties is complemented: not only metaphor and simile but metonymy and metabola can be found. The connection metaphor-metonymy images with the realia is specified. The phenomenon is often manifested in titles: "Spring Water", "Ravine", "Excavation", "Heart of a Dog". The attention is drawn to the peripheral manifestations of the phenomena, as well as the fact that the relations of tropes and realia in the text are similar to the common usage of lexical derivation, the results of which are secondary meanings of words and word-formation derived words, corresponding to "epidigmatic measurement of vocabulary" (D. N. Shmelev) and is associated with lexical-semantic and derivational inner form of the word.

Keywords

metaphor, metabolum, comparison, metonymy, reality, the internal form of words, lexical derivation, poetic language, an aesthetic sign, an artistic object.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metonymy. *Russian language: Encyclopedia*. (Ed.) Y. N. Karaulova. Moscow: Drofa Publ., 1997. pp. 236–237. (In Russian)
2. Vinogradov V. V. *On the language of fiction*. Moscow: Goslitizdat Publ., 1959. 655 p. (In Russian)
3. Galperin I. R. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka Publ., 1981. 140 p. (In Russian)

4. Kozhevnikova N. A. On the relation between tropes and realia of the artistic text. *Poetics and stylistics*. 1989–1990. Moscow, 1991, pp. 37–63. (In Russian)
5. Likhachev D. S. *Poetics of Old Russian literature*. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 373 p. (In Russian)
6. Novikov L. A. Poetic language. *Russian language: Encyclopedia*. (Ed.) Y. N. Karaulova. Moscow, 1997, pp. 356–358. (In Russian)
7. Novikova E. G. *Small prose of T. Tolstaya in lingvopoetic aspect*: cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk. 2013. 240 p. (In Russian)
8. Sklyarevskaya G. N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 152 p. (In Russian)
9. Shmelev D. N. *Problem of the semantic analysis of vocabulary*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p. (In Russian)
10. Epstein M. Concepts ... metabola. *October*, 1988, no. 4, pp. 191–199. (In Russian)

© И. В. Столярова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.17](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.17)

УДК 81.42 + 801.7

МНОГОЗНАЧНОСТЬ «СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ» ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т. ТОЛСТОЙ)

И. В. Столярова (Санкт-Петербург, Россия)

На материале рассказов Т. Толстой «Легкие миры» и «Петерс» анализируется многозначность «сильных позиций» текста – заглавия, начала, конца. Наряду с номинативной, информативной, прогностической, выявляются интригующая и метафорическая функции смысловых доминант текста. Рассматривается «двойное кодирование» как прием коммуникативной стратегии. Предлагаются возможности различной интерпретации текста. На входе в текст читатель воспринимает заглавие как имя текста, т. е. в его номинативной функции, а также в его информативной и проспективной (прогностической) функциях. По мере прочтения текста значение заглавия обогащается дополнительным смыслом и рядом коннотаций. Читатель осваивает «двойное кодирование». Постепенно становится ясным символический, метафорический смысл заглавия. На выходе из текста читатель обладает всем комплексом семантической и эстетической информации, смысл заглавия реализуется максимально. Возможность различного восприятия и различной интерпретации текста читателями, несмотря на наличие «сильных позиций», позволяет говорить о полисемантичности художественного текста как об одном из его свойств. По устоявшемуся мнению лингвистов, любой художественный текст, при всей его возможной полисемантичности, имеет свое инвариантное ядро, которое не допускает диаметрально противоположных толкований текста. Однако с последним положением приходится не согласиться. Каждый акт чтения представляет собой сложную транзакцию между компетенцией читателя и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, в чем и проявляется прием «двойного кодирования».

Ключевые слова: текст, интерпретация, сильная позиция, полисемантичность, «двойное кодирование», метафора.

Текст написан, и он порождает собственные смыслы. Художественный текст, по устоявшемуся мнению, устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и

такую информацию, которую читатель должен извлечь, пройдя через цепочку умозаключений. Эта неэксплицитность составляет художественный прием.

Столярова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: stolirina@gmail.com

Адекватная интерпретация художественного текста опирается на определенные композиционные и семантические доминанты. Смысловые доминанты осуществляют прагматическое фокусирование на важнейших частях текстовой информации. Особое значение приобретают так называемые «сильные позиции», то есть помещение важных для смысла текста компонентов «на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» [1, с. 46]. К сильным позициям текста обычно относят начало, конец текста, заглавие. Как отмечает В. В. Степанова, «заглавие текста в аспекте литературной коммуникации — это словесный знак, авторская номинация, собственное имя для результата творческого воображения создателя текста, это символическое словесное выражение того, чему служит произведение в целом» [2, с. 72]. Начальная и конечная позиции любого текста играют значительную роль в определении его когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей, так как именно они словесно «очерчивают» границы «мира» текста, а также начинают и завершают процесс общения его автора с читателем [3, с. 92].

К важным функциям «начала» можно отнести интригующую функцию — функцию привлечения внимания читателя, которая возникает в так называемых необычных началах. Среди «необычных начал» можно назвать начало «с середины», к его лингвистическим маркерам относятся прежде всего используемые в нестандартной для них позиции личные местоимения, указательные местоимения, диалогические реплики. Рассказ Т. Толстой «Легкие миры» начинается так: — *И вы понимаете, не правда ли, что с этого момента все права, обязанности и проблемы, связанные с этим имуществом, становятся вашими, — терпеливо повторил адвокат.* —

Это уже будет ответственность не Дэвида и Барбары, а ваша.

На первый взгляд, рассказ «Легкие миры» — о покупке и затем продаже автором американского дома. На этом строится сюжет, опирающийся на автобиографический материал. Автор-повествователь описывает свое пребывание в Америке в начале 1990-х гг., работу в колледже, сравнивает американский и русский менталитет, образ жизни, особенности преподавания. Но почему название всему этому — «Легкие миры»?

Вводя понятие «двойного кодирования» по отношению к художественному произведению, Умберто Эко определяет его как одновременное использование интертекстуальной иронии и скрытого метанарративного обращения: «Используя в произведении технику двойного кодирования, автор тем самым вступает в некий необъявленный сговор с искушенным читателем, тогда как массовая аудитория, не уловив львиную долю присутствующих в тексте культурных аллюзий, чувствует, что важная часть произведения «прошла стороной» [4, с. 50].

Как начало связано с названием рассказа? Заглавие взаимодействует со всем текстом как на содержательном, так и на композиционно-языковом уровне. Заглавие выполняет номинативную функцию, которая дает возможность идентифицировать текст; информативная функция, скорее, отсутствует, чем информирует читателя о теме, идее и об основном содержании произведения; прогностическая функция здесь также не действует, так как читатель не может прогнозировать, о чем пойдет речь в рассказе. На этапе входа в текст реализуется в первую очередь интригующая функция заглавия и начала произведения. Таким образом, читательское восприятие получает уже на входе в текст определенную перспективу, возникают ассоциации между

идейно-тематическим содержанием уже известной, прецедентной ситуации, и нового текста. Двойное кодирование в художественных текстах входит в систему коммуникативной стратегии писателя и занимает важное место в диалоге автора и читателя [5, с. 143]. На передний план выходит не предмет высказывания (мир), а именно «точка зрения», важны не факты, а отношение к ним. Жизнь автора-повествователя не строится в строго линейном порядке, основана не столько на взаимодействии с бытовой реальностью, сколько на взаимодействии с вечными ценностями. Биография выстраивается от столкновения с событиями реальности до необходимости осознания базовых жизненных ценностей: *Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи*, – так заканчивается рассказ.

Как представляется, метафорическое название «Легкие миры» – это неизъяснимая творческая энергия, не поддающееся описанию и анализу состояние, которое можно поймать в совершенно неожиданном месте и встретить в абсолютно неподходящих условиях. Топос в тексте одновременно служит «в качестве языка для выражения других, пространственных отношений» [6, с. 280]. Он способен метафорически принимать на себя моделирование разных связей мира и человека (социальных, этических, личностных) и в некоторых случаях стать существенной смысловой доминантой, или, как пишет Г. В. Степанов, «конденсатом образа» [7, с. 26]. Способность топоса стать «конденсатом образа» может реализовываться широкими описательными контекстами, в которых топонимические детали входят в разветвленные семантические отношения с иными текстовыми элементами (обозначениями предметов и вещей, оценочными предикатами и др.) и увеличивают тем самым смысловую емкость

изображаемого, проекцию непосредственно выраженного содержания на глубокие пласты художественного смысла текста.

Америка, с ее формализмом, непререкаемостью установок, жесткостью законов, вызывает у автора-повествователя удивление и иронию: *Вот сейчас я поставлю на американской бумажке свою нечитаемую закорючку, и один акр Соединенных Штатов Америки перейдет в мои частные руки. Стоит – а вернее, течет, хлещет и бурлит – 1992 год, и я приехала из России, где все развалилось на части и непонятно, где чье, но уж точно не твое, и где земля уходит из-под ног, – зато тут я сейчас куплю себе зеленый квадрат надежной заокеанской территории и буду им владеть, как ничем и никем никогда не владела. А если кто сунется ко мне в дом без спросу – имею право застрелить. Впрочем, надо уточнить, какие права у воров и грабителей, потому что на них тоже распространяется действие Конституции.*

Определение «американский» в контексте Т. Толстой, условно говоря, превращается из относительного прилагательного в качественное, со значением большой интенсивности признака: *1. Проворный американский паук изготавливает высококачественную паутину за ночь. 2. Когда я вырвала гигантские американские сорняки и вырубил чудовищные американские колючки ... обнаружили вполне себе прекрасные белые розы, и, в общем, они даже пахли, хотя в Америке цветы не пахнут, овощи не имеют вкуса, и вообще, запахи в целом в здешней культуре не приветствуются.*

Автор-повествователь постоянно возвращается мыслями в Россию, не идеализируя бестолковость и парадоксальность русской жизни. Однако все это близкое, свое, во многом раздражающее и необъяснимое, но родное, родное... Т. Толстая стремится пока-

зять жизнь во всем ее противоречивом многообразии, не предлагая читателю готовых рецептов, часто используя в структуре своих высказываний метатекстовые средства, подчеркивающие субъективное отношение к происходящему [8, с. 134].

Как метафора воспринимается такой фрагмент текста: *Весна в Америке, на Восточном побережье, совсем сумасшедшая... Вишневые деревца стоят на зеленых лужайках как розовые фонтаны... Грушевые деревья – о боже мой, я не выдерживаю такой красоты. Потом распускается магнолия, но это уже слишком, простому сердцу такой пышности не надо. Цветы должны быть мятыми, рванными, растрепанными, как, например, пионы. Избыточность «красоты по-американски» чужда «простому сердцу».*

Русский и американский менталитет, образ жизни сопоставляются и на бытовом уровне: *А вот американский плотник был не народ; он не спал днем в ватнике с открытым ртом, не предавался буйным утехам на рабочем месте, не пробивался в легкие миры с помощью портвейна с плавленым сырком «Дружба»... потому и построил он террасу тупо и точно...*

А. Генис отмечает, что рассказы Т. Толстой густо населены, видя в этом связь с Гоголем [9, с. 87]. Из небольшого второстепенного отступления вполне может вырасти самостоятельный сюжет. Таких «боковых линий», мини-историй в рассказе много, в результате одной из них возникает вывод: *«Мне приятно было, что американцы тоже тырят: не все ж мы одни».*

Ироничное описание учебного процесса в колледже, где автор-повествователь преподает курс писательского мастерства, также подчеркивает различие двух культур: *Культура, провозгласившая: «нет – это значит нет, а да – это значит да», да и вообще ориенти-*

рованная на протестантскую этику, совсем не считает метафору, боится игры, бежит даже нарисованных пороков... Еще желателен отказ от собственного интеллекта: интеллект раздражает. И словарь попроще, а то они уже жаловались, что я употребляю непонятные им слова.

Автор-повествователь называет здешний мир тяжелым и душным, а «нелепая, чудесная постройка, эта воздушная, прозрачная коробка» – «волшебная комната» со стеклянными дверями – недостроенная терраса в купленном доме – обещала выход в «легкие миры»: *1. Человеку открывается легкий мир. Да, я тоже хожу туда, но с трудом, и недалеко, и без озарений, и без судорог, а ключ к этим дверям – слезы. Ну, иногда любовь. 2. Я сплю в волшебной комнате... отсюда есть ход в легкие миры. 3. Всего за время работы в Америке я внимательно прочитала пятьсот сорок текстов. И еще перечитала их. Не знаю, как я не сошла с ума. К концу моего тюремного срока все тонкие каналы, связывавшие меня с легкими мирами, были забиты пластиковым, плохо разлагающимся мусором. 4. При этом работа в колледже убивала меня. Еще несколько лет назад я умела видеть сквозь вещи, а теперь на меня надвигалась умственная глаукома, темная вода. В то же время автор готов щедро одарить всякого, в ком чувствовала хоть малейшую мечту, малейшую робость перед жизненной тьмой – салют, братья! – малейшее желание встать на цыпочки и заглянуть через изгородь. Встретив талантливого студента, автор-повествователь чувствует себя счастливым.*

Желание неизъяснимого, стремление к «легким мирам» расцветает в душе. *Да, девушка, вот такой финал: стоишь ты себе одна-одинешенька посреди американского континента, без гроша в кармане... Голым*

приходишь ты в этот мир, голым и уходи. Существенно только то, что внутри нас.

На входе в текст читатель воспринимает заглавие как имя текста, то есть в его номинативной функции, а также в его информативной и перспективной (прогностической) функциях. По мере прочтения текста значение заглавия обогащается дополнительным смыслом и рядом коннотаций. Читатель осваивает «двойное кодирование». Постепенно становится ясным символический, метафорический смысл заглавия. На выходе из текста читатель обладает всем комплексом семантической и эстетической информации, смысл заглавия реализуется максимально. Говоря о концептуальной основе заглавия, В. В. Степанова имеет в виду сложный, многомерный по своим составляющим концепт, закрепленный в своем выражении текстом, его линейным развертыванием. «Заглавие дает лишь исходную информацию о тексте. В тексте же «лингвистически» эксплицирована эстетическая, образная, иначе – художественная информация во всей совокупности ее характеристик. Специфика лингвистической экспликации создается нежесткостью организации художественного текста, свободой в выборе средств выражения этой информации» [2, с. 72].

Заглавие рассказа Т. Толстой «Петерс» не вызывает разночтений. Загадочность этого произведения в его финале. Концовка словесно завершает композицию произведения. Обычно «открытая» концовка возникает, если текст заканчивается вопросительным предложением, прямой речью, предложениями, содержащими лексико-грамматические средства выражения будущего и др. С помощью «открытого» конца автор создает дополнительные опоры для развития читательской фантазии и в определенном смысле продлевает «жизнь» своего произведения, так как дает

импульс интерпретациям предполагаемого продолжения художественного действия. Возможность различного восприятия и различной интерпретации текста читателями, несмотря на наличие «сильных позиций», позволяет говорить о полисемантности художественного текста как об одном из его свойств. Полисемантность может быть результатом авторского замысла (так называемый открытый конец), автор предоставляет возможность читателю решить, чем закончилась рассказанная история, какой может быть дальнейшая судьба персонажей, а также делать свои оценки и выводы. По устоявшемуся мнению лингвистов, любой художественный текст, при всей его возможной полисемантности, имеет свое инвариантное ядро, которое не допускает диаметрально противоположных толкований текста [3, с. 62]. Однако с последним положением приходится не соглашаться.

В рассказе «Петерс» финал представляется неопределенным. Именно не открытым, когда судьба героя может в дальнейшем повернуться по-разному, а неопределенным, то есть судьба уже решена в финале: герой или кончает жизнь самоубийством, или примиряется с жизнью и приветствует ее такой, какая она есть. Возможно, такая неопределенность трактовки была заложена автором. Опрос около сорока читателей-студентов свидетельствует о том, что двадцать человек восприняли финал оптимистически, десять допускают двойственность, остальные поняли конец рассказа как трагический. Каждая из этих позиций может быть обоснована и подтверждена лингвистическим анализом текста [10, с. 315].

«Петерс» — рассказ о несложившейся, бестолковой, вызывающей сочувствие жизни Петерса – мальчика, молодого и потом уже немолодого мужчины. Из неуклюжего ребен-

ка, оберегаемого от жизни бабушкой, он превратился в «дюдю», «эндокринологического дундука», как назвала его обожаемая им женщина. С ним, как и в детстве, «никто не хочет играть». Жизнь Петерса – приливы и отливы вспыхивающей надежды и решимости, а потом глубочайшего разочарования и отчаяния. Он уже однажды пытался покончить с собой, но самоубийство не состоялось: жалко было распахивать хорошо заклеенное на зиму окно, а газ, как выяснилось, в тот день отключили.

Иногда, особенно весной, Петерс ощущает, что «жизнь прекрасна», но тут же приходит понимание, что это «чужая, счастливая и живая жизнь». Густонаселенный деталями текст Т. Толстой содержит множество потенциальных сюжетов, и печальный рассказ о трагической судьбе «не познавшего ни любви, ни воли куриного юноши», которого приносит из магазина и разделявает Петерс, может быть воспринят как метафора жизни самого Петерса.

В очередной раз приходит весна. «Старый Петерс толкнул оконную раму – зазвенело синее стекло... И ничего не желая, ни о чем не жалея, Петерс благодарно улыбнулся жизни – бегущей мимо, равнодушной, неблагодарной, обманной, насмешливой, бессмысленной, чужой – прекрасной, прекрасной, прекрасной». Это финал рассказа. Говорит ли он о смерти героя, делает ли тот последний шаг?

Ощущение трагизма финала может быть подтверждено мнением А. Гениса, который отмечает, что обычно романтический конфликт мечты с действительностью завершается трагически. Возникает противоречие между внешнесобытийным и внутриличностным сюжетными рядами. Обманувшиеся герои встречаются во всех рассказах Толстой. «Смерть почти всегда подстерегает героя в

финале рассказа. Новеллы Толстой посвящены не эпизоду, а всей судьбе человека – от начала до конца» [9, с. 84]. К ощущению свершившегося трагического события склоняют и литературные ассоциации: так же бьется стекло в сцене самоубийства Лужина у В. Набокова.

По глубокому убеждению Умберто Эко, литература должна воодушевлять и провоцировать на повторное или даже многократное прочтение одного и того же текста, чтобы лучше понять его. «Таким образом, двойное кодирование – не аристократическая придурь, а способ проявить уважение к доброй воле и умственным способностям читателя» [4, с. 50–51].

Напрашивается парадоксальный вывод: восприятие финала с самоубийством героя опирается на читательский опыт; сознание, в значительной степени свободное от такого опыта (большинство опрошенных студентов), понимает финал как оптимистический. Что же имела в виду сама Т. Толстая? Однозначного ответа нет.

Как отмечает Умберто Эко, «те, кого называют «авторами художественной литературы», никогда, ни в коем случае не должны объяснять смысл ими написанного» [4, с. 57]. Толстая пишет для своего читателя, пытающегося постичь «двойное кодирование». «Автор художественного текста, будучи по совместительству здравомыслящим читателем собственного произведения, обладает безусловным правом оспорить любые надуманные интерпретации. Однако, как правило, писатель должен уважать своих читателей, ибо он, выражаясь фигурально, швыряет текст в мир, словно послание в бутылке» [4, с. 14–15]. Каждый акт чтения представляет собою сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный

текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым «экономичным» образом – так, чтобы интерпретация строилась на макси-

мальном понимании написанного и поддерживалась контекстом [4, с. 68–69].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арнольд И. В.** Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
2. **Степанова В. В.** Лексическая структура текста и его заглавие // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013г. / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: САГА. 2013. – С. 67–73.
3. **Гончарова Е. А., Шишкина И. П.** Интерпретация текста: учебное пособие по немецкому языку. – М., Высшая школа, 2005. – 368 с.
4. **Эко У.** Откровения молодого романиста / пер. с англ. А. Климина. – М.: АСТ: Corpus, 2013. – 200 с.
5. **Столярова И. В.** «Двойное кодирование» Т. Толстой в рассказе «Легкие миры» // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013г. / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: САГА. 2013. – С. 141–147.
6. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
7. **Степанов Г. В.** О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. – М.: Наука, 1982. – 367 с.
8. **Столярова И. В.** Модальная характеристика вводного компонента в современном русском литературном языке: дисс. канд. филол. наук. – Ленинград, 1985. – 195 с.
9. **Генис А. А.** Рисунки на полях: Татьяна Толстая // Избранное в 3-х т. – М.: Подкова, 2002. – Т. 2: Расследования–2. – 492 с.
10. **Столярова И. В.** А было ли событие? (Рассказ Т. Толстой «Петерс») // Русский язык и литература в современном гуманитарном образовательном пространстве: Матер. докладов и сообщений XV междунар. науч-метод. конф. – СПб.: СПГУТД, 2010. – С. 313–316.

Stoliarova Irina Vitalievna, Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: stolirina@gmail.com

POLYSEMY OF “STRONG POSITIONS” OF THE TEXT (BASED ON THE STORIES BY T. TOLSTAYA)

Abstract

Polysemy of “strong position” of the text – the title, beginning, end – analyses in Tatiyana Tolstaya's stories “Light worlds” and “Peters”. Semantic dominants reveal not only the nominative, informative, predictive, but intriguing and metaphorical functions. “Double code” is considered as a method of communication strategies. The possibility of different interpretations of the text have been offered. At the entrance to the text the reader perceives the title as the name of the text, that is, in its nominative function, as well as his informative and prospective (predictive) features. The title is enriched with additional sense and close connotations. The reader develops a “double coding”. Gradually it becomes clear symbolic, metaphorical title. At the exit the reader has all the complex semantic and aesthetic information from the text, the meaning of the title realized mostly. The possibility of different perceptions and different interpretations of the text by readers, despite the presence of a “strong position”, let's talk about the polysemous of literary text as one of its properties. According to popular belief linguists, any literary text, with all its possible polysemous has its invariant core, which does not allow diametrically opposite interpretations of the text. However, it is difficult to agree with the latter provision. Every act of reading represents a complex transaction between the competence of the reader and the type of competence that this text postulates. What is manifested by method “double coding”.

Keywords

text, interpretation, strong position, polysemy, double code, metaphor.

REFERENCES

1. Arnold I. V. *The style of modern English*. Moscow: Education Publ., 1990. 300 p. (In Russian)
2. Stepanova V. V. Lexical structure of the text and its title. *Word. Dictionary. Literature: Communication. Text. Syntax (on the 90th anniversary of S. G. Ilyenko). Materials of the Scientific Conference*. (Ed.) V. D. Chernyak. St. Petersburg: SAGA Publ., 2013, pp. 67–73. (In Russian)
3. Goncharova E. A., Shishkina I. P. *Interpretation of the text: Textbook on the German language*. Moscow: Graduate School Publ., 2005. 368 p. (In Russian)
4. Eko Umberto. *Revelations of the young novelist*. (Ed.) A. Klimina. Moscow: AST : Corpus Publ., 2013. 200 p. (In Russian)
5. Stoliarova I. V. “Double code” by T. Tolstaya in “The Light Worlds”. *Word. Dictionary. Literature : Communication. Text. Syntax (on the 90th anniversary of S. G. Ilenko) . Materials of the Scientific Conference*. (Ed.) V. D. Chernyak. St. Petersburg: SAGA Publ., 2013, pp. 141–147. (In Russian)
6. Lotman Y. M. *The structure of the artistic text*. Moscow: Art Publ., 1970. 384 p. (In Russian)

7. Stepanov G. V. About the limits of linguistic and literary analysis of literary text. *Theory of literary styles Modern aspects of the study*. Moscow: Nauka Publ., 1982. 367 p. (In Russian)
8. Stoliarova I. V. *Modal characteristic introductory component in modern Russian literary language*. Cand. philol. Sci. Diss. Leningrad, 1985. 195 p. (In Russian)
9. Genis A. A. Crop pictures: Tatyana Tolstaya. *Selected 3 vol.* Moscow: Horseshoe Publ., 2002. Vol. 2: Investigations–2, 492 p. (In Russian)
10. Stoliarova I. V. And if the event was? (Story by T. Tolstaya “Peters”). *Russian language and literature in modern humanitarian educational space: Mater. Reports and communications XV Intern. Scientific method. Conf. St. Petersburg: SPGUTD Publ., 2010, pp. 313–316. (In Russian)*

© А. Е. Козлов

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.18](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.18)

УДК 821.161.1 + 821.0

ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО И ПИСАНИЕ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СЮЖЕТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА*

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена анализу семантики мотивов чтения, письма и писания в провинциальном сюжете русской литературы XIX века. Исследуемые мотивы играют в сюжетной структуре роль тематического дифференциала. На фабульном уровне провинция предстает алексичным и аграфичным пространством, где чтение заменяется карточной игрой или иным неинтеллектуальным времяпровождением. Письму и писанию как актам творчества и создания противопоставляется служебное письмо и писание канцелярских бумаг. В статье анализируются варианты, связанные с профанацией и деструкцией архаической модели «мир-книга». Большинство текстов, в которых реализуется такая семантика, типологически относятся к массовой литературе и беллетристике (П. В. Засодимский, М. Н. Альбов, Д. В. Григорovich и пр.). В произведениях классической русской литературы, текстах И. А. Гончарова и Н. С. Лескова данным мотивам сообщается качественно иной смысл: губернскому чтению, служебному и частному письму противопоставлены Творчество и Писание.

Ключевые слова: провинциальный сюжет, мотивы, письмо и чтение, классическая русская литература.

Представляя вариативный сюжетно-мотивный комплекс, обусловленный особым типом модальности [12], провинциальный сюжет использует в своей основе небольшой набор повторяемых и легко опознаваемых фабульных схем. Регулярность их использо-

вания в русской литературе XIX в. свидетельствует о том, что наряду с типическим, бриколажным изображением провинциального города [25] развивался такой же схематический сюжет, идентифицируемый усредненным читательским сознанием. На уровне авторской

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.; конкурс молодых ученых.

Козлов Алексей Евгеньевич – старший преподаватель, кафедра русской литературы и теории литературы, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

рефлексии это провоцировало ряд устойчивых маркеров: провинциальные истории назывались обыкновенными, тривиальными, безыскусными¹.

Так, например, Д. В. Григорович, называя «Проселочные дороги» *романом без интриги*, писал: «Я готов поручиться чем угодно, что если какому-нибудь наблюдателю вздумалось заглянуть по прошествии этого года в Горшковский уезд, и затем явилось бы желание передать свои впечатления, ему неизбежно пришлось бы повторить историю проселочных дорог, чего я от души не желаю ни ему, ни читателю» [9, с. 186]. Отказываясь от продолжения, Григорович фактически завершает некоторый сюжетный цикл, возобновление которого может привести лишь к повторению написанного, сказанного ранее. Подводя читателя к такому выводу, Григорович демонстрирует пределы своего генерирующего сюжетного пространства. Аналогичным образом М. Е. Салтыков-Щедрин, воспроизводя цикличность и неизбывность провинциальной жизни в цикле «Помпадуры и помпадурши», показывает, что не только действия, но и слова персонажей лишены оригинальности и самостоятельности. В первом рассказе, открывающем цикл, речь идет о прощальном обеде, который устраивает губернатор для своих подчиненных. Каждый из чиновников, изъясняя свою приязнь, повторяет одну и ту же сентенцию: «Timeo Danaos et dona ferentes!» [19]; эта двусмысленная сентенция образует диссонанс, тем не менее, уровень образова-

ния провинциального общества не позволяет каким-либо образом отличиться, заявить о себе и выйти за пределы очерченного круга. Тривиальное мышление персонажей наряду с тривиальными условиями жизни делают провинциальный сюжет одним из главных репрезентантов повседневности и обыденности.

В то же время провинциальный сюжет является своеобразным «консерватором», запечатлевающим состояние литературной эпохи в своих семантических структурах. Два свойства – *осознанная вторичность* и *внешняя бессобытийность* (при внутреннем событийном напряжении) – позволяют провести необходимую демаркацию и выявить провинциальный сюжет в ряду прочих сюжетных групп.

Используя общие для русской литературы мотивы, провинциальный сюжет значительно трансформирует их. В этом отношении особого внимания заслуживают мотивы чтения и письма, которые, с одной стороны, на уровне культурного архетипа восходят к представлению *мир-книга*, и, с другой – способствуют развитию художественного метатекста. Описывая суть метатекста в художественном произведении, В. Киселев поясняет: «...за сферой творчества утверждается особая функция – создавать мир, параллельный реальному, не избавленный от его противоречий, но открывающийся как бы с точки зрения отчужденного сознания» [11, с. 161]. Учитывая сказанное выше, логично предположить, что данная модель значительным образом изменяется в провинциальном контексте.

Изначально мотивы чтения и письма реализуются на фабульном уровне, где образуют опознаваемые варианты, которые свойственны не только провинциальному контексту, но и значительной части русской литературы. Исходное представление о провинции

¹ Предположительно, называя свой петербургский роман «Обыкновенной историей», И. А. Гончаров полемировал с этой установкой, показывая, что события обусловлены не пространством, а внутренними отношениями. Эта же мысль эксплицирована в «Обрыве»: петербургский опыт Райского во многом тривиален, чего нельзя сказать о жизни художника в провинции.

амбивалентно: с одной стороны, это мир усердных читателей, которые часто оказываются во власти прочитанного произведения, с другой – алексичное и аграфичное пространство.

Первый вариант имеет непосредственное отношение к наследию позднего сентиментализма и романтизма: уездные Вертеры, Жил Блазы, Дон Кихоты не только копируют оригинальные модели поведения, но неминуемо, сами не отдавая себе в том отчета, пародируют их. Наиболее ярко это представлено в произведениях О. М. Сомова: герой повести «Матушка и сынок», отправляясь из Закурихина в безымянный губернский город, воображает себя сентиментальным путешественником, а повествователь «Романа в двух письмах» – автором, талант которого ничем не уступает гению Пушкина. Довольно часто провинциальные герои не идентифицируют себя с книжными типами: Вертер у М. В. Сушкова, Чистяков и Артамон у В. Т. Нарезного, Роланд у А. Ф. Вельтмана – все они, сами того не ведая, берут за основу поведение литературного персонажа. Неслучайно во всех этих произведениях значительное внимание уделяется уездному чтению, а «книжным» поступкам традиционно противопоставляются действия «естественных» героев, которые выстраивают свою жизнь вне книги и чтения². В общем, оппозиция книжное/действительное, характерная для многих отечественных романтических произведений, впоследствии (в ироническом модусе) сохраняется в провинциальном сюжете.

² Исключение в этом ряду составляет наименование оценочного характера: после разговора с безвестным помещиком повествователь называет его Гамлетом Щигровского уезда (о книгах и чтении которого в очерке не сообщается); «с чьего-то легкого слова» [16, с. 96] названа Леди Макбет Мценского уезд Катерина Измайлова – героиня, которая принципиально не читает книг.

Знаменательно, что это соотношение актуализируется в 1860-е годы: тогда, дезавуируя социальные искания позитивистов и нигилистов, многие писатели противопоставляли книжный мир миру реальной (или квазиреальной) провинции. По этому принципу организована первая часть полемического романа Н. С. Лескова «Некуда». Лиза Бахарева в начале произведения погружена в чтение: сюда входят и романы, и труды по естественным наукам. Женни Гловацкая, представляющая очевидный антипод Бахаревой, напротив, отрешена от книги и обращена к действительности. Своеобразно использование этого мотива в «Трудном времени» В. А. Слепцова. Главный герой – разночинец Рязанов – предпочитает практической деятельности чтение книг, он неоднократно ведет разговоры, параллельно читая книги. Обращаясь к журналам и книгам, герой буквально *поверяет* написанным происходящее, а в моменты душевного волнения он, наоборот, отбрасывает (буквально – *швыряет*) читаемые журналы и книги³. Несмотря на такой жест радикального отказа от книги (в том числе, и от «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, на что указывает У. Брумфилд [3]), в одном из душевных разговоров с Щетининой Рязанов подчеркивает: «Остается выдумать, создать новую жизнь, а до тех пор...» [20, с. 336]. В общем контексте романа такие слова можно назвать полемическими: обыденность провинциальной жизни буквально поверяет грандиозную

³ В отличие от Щетинина Рязанов является «книжным» героем: он постоянно *пишет, читает, сличает*. Такие действия героя часто не находят дальнейших пояснений в романе: «...он развернул новую книжку журнала, порывшись в бумагах, отыскал какую-то черновую тетрадь и долго сличал ее с книжкою, пощипывая бороду одной рукой, а другою водя по строкам; потом захлопнул книжку, вместе с тетрадью швырнул ее на окно и задумался» [20, с. 196].

утопию в духе Чернышевского и демонстрирует невозможность рационального достижения новых идеалов. Этот боваризм, утопический, а не эротический⁴, впоследствии трансформируется во многих произведениях писателей чеховского круга и самого А. П. Чехова. В частности, героиня рассказа «Верочка», мечтающая о «...больших сырых домах» [23, с. 70], предстает всего лишь восторженной читательницей, на которую повлиял не действительный жизненный опыт, а сочинения А. И. Левитова, Н. Н. Златовратского, П. В. Засодимского и пр. Собеседник Верочки – семинарист Огнев, несущий связку книг, – также следует канону, обозначенному в статье Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»: «Ему хотелось найти причину своей холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная холодность, которую так часто хващают умные люди, не холодность себялюбивого глупца, а просто бессилие души, неспособность воспринимать глубоко красоту, ранняя старость, приобретенная путем воспитания, беспорядочной борьбы из-за куса хлеба, номерной бессемейной жизни» [23, с. 80]. Непонимание героев, образующее сюжет рассказа, таким образом, может быть объяснено возникающим конфликтом интерпретаций. Другой типичный пример книжного поведения представлен в характеристике либерала Власича: «...он кладет на ночной столик Писарева или Дарвина. Если скажешь, что я это уже читал, то он выйдет и принесет Добролюбова» [24, с. 64]. Очевидное заимствование чужих мыслей, преклонение перед

авторитетом превращают описанный в рассказе роман в фарс, разыгранный героем-неудачником. Говоря об этом варианте, следует отметить, что читающий провинциальный герой уподобляется писателю-эпигону, при этом граница между книгой и действительностью оказывается стертой.

Второй вариант определяется «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя: из романа убраны все возможные упоминания читаемых книг, а сам акт чтения профанируется через фигуру Петрушки. Читательские пристрастия губернского общества, описанные в VIII главе, оставляют впечатления механической работы, лишенной духовного содержания: «Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть “Людмилу” Жуковского <...> и мастерски читал многие места, особенно: “Бор заснул, долина спит”, и слово: “чу!” так, что в самом деле виделось, как будто долина спит; для большего сходства он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдавался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы “Ночи” и “Ключ к тайнам натуры” Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. <...> Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто “Московские Ведомости”...» [6, с. 156–157]. Показательно, что любое упоминание читаемой книги сопровождается комментарием, задача которого, предположительно, заключается не в актуализации метатекста, а напротив – разрушении метатекстуальной иллюзии. Соблазн идентифицировать председателя палаты с автором-романтиком, а почтмейстера – с философом-сентименталистом исключается из-за двусмысленных пояснений, в результате кото-

⁴ Строго говоря, два этих вида боваризма не существуют независимо друг от друга: Мария Щетинина и Верочка Кузнецова, говоря о социальных преобразованиях, в большей мере обеспокоены своей, частной жизнью.

рых профанируется чтение как процесс и читаемое как знание⁵. Неслучайно последнее предложение цитируемого фрагмента завершается словами «...кто даже и совсем ничего не читал» [6, с. 157]. Находясь в конце высказывания, это предложение фактически обесценивает представленную ранее информацию: чтение и не-чтение становятся явлениями общего порядка. В этом отношении «Повесть о капитане Копейкине» представляет профанный рассказ, в котором соединяются откровенное подражание романтической повести и собственная робкая попытка творчества, изобличающая не только незнание общих законов поэтики, но и беспомощность почтмейстера как автора. Эти же мотивы впоследствии развивает Д. В. Григорович. Описывая «Непризнанную индейку» – роман приживальщика Дрянковского – Григорович показывает естественную реакцию читателей: большинство из них засыпает, не успев прочесть первой страницы произведения. Как и в «Мертвых душах», книги преимущественно упоминаются здесь как предметы быта, маркеры определенного финансового состояния. Естественно, будучи закрытой, книга лишена возможности генерировать метасюжеты: она составляет часть вещного мира, входит в общий материальный круг.

Лакуна, образованная отсутствием книги и чтения, заполняется *игрой*, «вистом и бостончиком», или *чтением* служебных книг и *описанием* деловых бумаг. Так, в романе И. А. Салова «Ольшанский молодой барин» сравнивается служебная деятельность и игра в карты: «...за карточными столами, шел шум

и гам, но, несмотря на это, в ушах Бориса Дмитриевича все еще раздавался скрип перьев, даже сами картежники казались ему не картежниками, а чиновниками, находившимися при отправлении своих служебных обязанностей» [18, с. 206]. Мотив скрипящих перьев неоднократно повторяется в романе: «Громаднейшая комната была заставлена столами и шкафами, и за столами этими сидели десятки людей. Все эти люди <...> занимались графлением, писанием и щелканием по счетам. Изогнувшись над бумагой и чуть не касаясь до нее левыми скулами, они строчили предписания, отношения, сообщения, предложения, и скрип перьев наполнял комнату. Люди исписались до того, что ни на одном из них не было живого лица» [18, с. 199]. Несмотря на используемые глаголы, представленное письмо не является актом творчества: пишущие становятся заложниками существующих канцелярских форм.

Неслучайно в сюжетном пространстве второй половины XIX в. работа в «Губернских ведомостях» ассоциируется со службой. «Отечественные записки», «Русский вестник», «Искра» демонстрируют множество трагикомических ситуаций, в которых отношения между начальником и подчиненным без изменений транслируются в плоскость издатель – писатель. Демонстрируя повседневные занятия чиновника провинциальной канцелярии, фельетонист «Искры», используя обертоты поэзии Н. А. Некрасова, писал:

«Знай, что пиши набело отношения;
Скучно писать да писать...
В жизнь не сказал своего я суждения –
Нам не велят рассуждать»⁶
[26, с. 131]

⁵ Как отмечает Л. Ю. Фуксон, «...именно образ человека представляет собой то единство бытия и смысла, которое присуще художественному произведению» [21, с. 103]. Следовательно, травестированный герой-читатель представляет профанную модель бытия и смысла.

⁶ Как и многие материалы «Искры», данный текст анонимен. См.: Н. Искорки. Новый год в провинции // Искра. – СПб., 1862. – № 9. – С. 131–134.

Действительно, служебное письмо выступает как значимая альтернатива, вытесняющая творчество. Так, в «Записках одного молодого человека», описывая тетради со сланного чиновника, повествователь замечает: «...вся третья тетрадь состоит из расходной книги, формулярного списка и двух доверенностей, засвидетельствованных в гражданской палате» [5, с. 284]. Таким образом, творчество и поэзия жизни растворяются в прозе службы: это и становится финалом художественного текста. Мотив служебного письма своеобразно развивается в «Былом и думах» Герцена: пытаюсь избавиться от «барщины переписывания бумаг», молодой писатель создает статистический отчет «...с иностранными словами, с цитатами и поразительными выводами» [4, с. 247]. Это парадоксальное совмещение писательских амбиций и читательского труда представляется мотивированным семантикой данных мотивов в провинциальном сюжете.

В результате продолжительных трансформаций сформировался устойчивый вариант сюжета, объединивший две установки: чтение книг и подражание им в жизни, с одной стороны, и писание служебных канцелярских бумаг, с другой, – объединились в общей фабуле *обличение в провинции*. В подавляющем большинстве художественных текстов второй половины XIX в. провинциальные обличители, как правило, являются посредственными авторами, которые, обращаясь к стилизации повестей сентиментализма или романтизма, придают вечным темам злободневный смысл, тем самым понижая и редуцируя их в сравнении с оригиналом. С конца 1950-х годов губернские обличители, следующие примеру Щедрина, а *proci* становятся его эпигонами. Эти мотивы объединяют роман С. И. Федорова «Бес в Холопске», сатирический роман М. П. Стопановского «Об-

личители» и антинигилистический роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море». Сюжет об обличителях равным образом разрушает метатекстуальную идею творчества как создания: он связан не только с писателем-эпигоном, но и актом «писательства» как заимствования определенных идей. Показательно использование этого мотива в романе А. М. Горького «Фома Гордеев». Исповедуясь перед Фомой, несостоявшийся революционер, фельетонист Ежов восклицает: «И вот с той поры прошло около двадцати лет – разночинцы выросли, но ума не вынесли и света в жизнь не внесли. <...> Мой учитель, повторяю, – лакей, безличное и безмолвное существо, которому городской голова приказывает, а я – паяц на службе обществу» [8, с. 167]. Так, через частную ситуацию, получившую разработку в литературном процессе, А. М. Горький показывает несостоятельность социальных идей и общую неустроенность в жизни. Мнимому письменному обличению Ежова противопоставлено устное *пророческое обличение* Фомы Гордеева.

Писательство и письмо на фабульном уровне провинциального сюжета не всегда связано с социальным вариантом сюжета *об обличителях*. Несоответствие аграфичного мира уездов, губерний и творимого художественного текста делает авторов самостоятельных произведений изгоями и отшельниками. Часто, если произведение написано, оно остается неизданным и неизвестным, буквально похороненным под спудом иных бумаг. Так, в цикле Г. И. Успенского «Разоренье», описывая бумаги умершего от чахотки героя, повествователь замечает: «Но содержание этих лоскутков было почти одинаково. Рассказ прерывался. За ним следовал другой с описанием июньского вечера; но во всех их на трех строках описание красот при-

роды уступало место описанию какой-нибудь мерзости, которую откалывали перед “одним человеком” либо барышня, либо барчук. По черк последних строк каждого лоскутка ясно говорил о том, что мерзостей и гадостей сделано автору в тысячу раз больше, нежели было красот во все августовские, майские и другие вечера в мире» [21, с. 48]. Данные тексты, по-видимому, обреченные на забвение, отражают следование определенным литературным шаблонам. Подобным образом завершает свой рассказ М. Н. Альбов «На точке». Отказавшись от общественных дел и давно унытожив свои художественные произведения⁷, Филипп Караваев пишет монографию «Происхождение и органический род идеала». В темной комнате свидетелями трудов Филипповича становятся безмолвные портреты: «...кутила-красавец Шекспир, и застывший в меланхолической думе юноша Шиллер, и горбоносый, с лицом угрюмой старухи, увенчанный лаврами “божественный” Дант»⁸ [1, с. 306–307]. Судьба трактата, который создается на протяжении нескольких лет в городе Пыльске, предопределена общим ходом провинциальной жизни.

Чтение и письмо, образуя на фабульном уровне ограниченный ряд вариантов, обуславливают формирование оригинальной семантики на уровне сюжетной и метасюжетной событийности. Учитывая неразрывную

связь провинциального сюжета (и шире – провинциального текста) с «пространством смысла» прозы Н. В. Гоголя [13], отметим, что открытый характер «Мертвых душ», развернутый перспективный план фактически обусловили дальнейшее развитие метатекста. В этом отношении представляется значимым рассмотреть два метасюжетных варианта, типологически связанных с фабульными схемами, описанными выше. Следует оговориться, что это соотношение обусловлено типологией иного порядка и во многом связано с трансляцией мотивов и сюжетов в беллетристических и классических текстах.

Первый вариант получил активное развитие в беллетристике Н. Д. Ахшарумова. В его повести «Натурщица» (провинция как место действия упомянута один раз) сюжетная схема супружеской измены становится нерелевантной из-за появления автора (фиктивно-го) произведения. Федор Чуйкин, будучи автором творимого им сюжета, «владеет» героиней. Попытка юридического решения вопроса приводит к собственно эстетическому парадоксу: автор как высшая инстанция не может быть наказан своим героем: «Я думаю, всякий из вас согласится, что не будь госпожи Алищевой здесь перед вами и, стало быть, вне романа, не существуя она независимо от фантазии автора, написавшего этот роман, не было бы и иска, потому что вымышленное лицо не может действовать иначе, как в границах вымысла, которые явно не могут вместить протеста против самих себя» [2, с. 227]. Такая игровая форма (в свое время осужденная всеми современниками Ахшарумова, посчитавшими повесть слабой, а героев – ходульными), тем не менее, определяла существование некоторой мембраны, возникающей между фикцией и квазиреальностью. Предположительно, именно такой вариант

⁷ В середине своей жизни герой Альбова понимает, что он исключительно воспроизводит существующие образцы: «Все, что когда-либо им было прочитано у известных писателей и произвело впечатление, оказывалось воспроизведенным на этих страницах, в другой только форме... Вот, почти целиком, глава из “Тражины” Мицкевича, вот тут похоже на “Демона” Лермонтова, дальше не обошлось даже без Кукольника... В повести “Недолгое счастье” Гоголь и Диккенс выглядели из каждой строки...» [1, 296].

⁸ Описание, данное с точки зрения героя, представляет травестированную картину мировой литературы.

был взят за основу И. А. Гончаровым⁹. На первый взгляд, фабула романа «Обрыв» представляет историю о художнике-дилетанте, художнике-неудачнике. Весь ход романного действия подтверждает эту мысль, поскольку Райский не создает ни одного произведения, находясь в непрерывном и часто лихорадочном поиске. Однако весь малиновский эпизод его жизни становится не только материалом для никогда не написанного романа, но и бытием, составляющим романное действие. Соотнося губернский город с безгласным, мифологическим чудовищем, Гончаров показывает чудо его оживления. На этом уровне переживания Райского становятся художественными мотивами, его собеседники – персонажами, а жизнь – непосредственным актом творчества, в котором он становится автором, всеведущим повествователем (проникающим в таинство Веры и Марка) и героем.

Роман «Обрыв» не только связан с сюжетом о творчестве, но, по сути, представляет один из первых в русской литературе «романов творения». В связи с этим вопрос вызывает фактичность и результативность происходящих событий, поскольку большинство из них опосредуется сознанием Райского. Творческая неудача Райского относится к фабульному уровню, в то время как наблюдаемые явления составляют сюжет, который концептуализируется в сюжете творчества. Никогда не написанный роман Райского ценен имманентно как бытие («Роман есть жизнь» [7, с. 52], – утверждает Борис Райский); такая точка зрения показывает уникальность мета-

литературной событийности в произведении И. А. Гончарова. Сюжет письма (как не-письма) образует сюжет творчества как Творения.

Второй онтологический вариант, значимый в метасюжетном отношении, связан с моделью *мир-Книга*. При этом творчеству и активному участию созидающего автора здесь противопоставлено сказанное, единжды данное Слово. Трагическое несоответствие мира и Книги показано в романе П. В. Засодимского «Темные силы». В финале романа реальности страшного болотнинского мира, принимающего страдание и смерть детей Никиты Петрова, противопоставлено раскольничье писание. Мир абсолютной справедливости, бесконечно оторванный как от «хрустальных дворцов», так и «земного рая», обретается в книге, уничтожая неприглядную действительность. Иоанн Мудрый рассказывает Никите: «А чудовища того трехглавого уничтожили... Все и бесы его исчезли с лица земли... Теперь уже царствие божие наступило...» [10, с. 426]. Пробуждение, наступающее после видения, еще больше ожесточает героя, демонстрируя пределы его существования. Эта форма взята за основу в «Соборях» Н. С. Лескова¹⁰. Называя свое произведение романической хроникой, Лесков выстраивает несколько временных рядов, где время повседневности – циклическое, завершенное в себе и представляющее дурную бесконечность, – противопоставлено времени экзистенциальному. Трансформация времени осуществляется в пределах дневника Савелия Туберозова – его демикотоновой книге. Несмотря на то, что текст Туберозова носит характер дневниковых записей, его воспроизведение отсылает

⁹ Ср.: «Роман – это сфера, для которой не существует границ, которая может все подчинить себе, все поглотить» [2, с. 282] и. «В роман все уходит – это не то, что драма или комедия – это, как океан: берегов нет, или не видать; не тесно, все уместится там» [7, с. 305].

¹⁰ Ранее та же модель использована в «Леди Макбет Мценского уезда»: читая житие Федора Стратилата, мученик Федя Лямин уподобляется этому святому.

читателя к представлениям о сакральном тексте. Вполне возможно, на фоне «страшной провинции», открытой еще текстами Аввакума [17], писания Туберозова представляют значимое противопоставление; бытие, противное обывательской повседневности.

Обращая читателя к демикотоновой книге, Лесков далее не возвращается к этой повествовательной раме. Тем не менее, в произведении неоднократно упоминаются писания Туберозова, связанные с его книгой. По всей видимости, в данном случае жизнь органически сливается с письмом; неслучайно, прощаясь с Натальей Николаевной, Савелий Туберозов говорит: «Жизнь уже кончена. Теперь начинается “житие”» [15, с. 520]. Здесь манифестируется отказ от частного, биографического личного и провозглашается ценность вселенского, обозначается движение к трансцендентному. В эпизоде покаяния Туберозова провинция как бы ступевывается, уходит на дальний план по сравнению с происходящими событиями.

Развитие этого события находит свое развитие в заключительной части хроники. Так, оставаясь в одиночестве с телом Туберозова, Ахилла предается сомнениям: «“Чего это я ищущ?” – подумал он отуманенною головой и развернул безотчетно книгу (псалтирь. – А. К.) в другом месте. Здесь стояло: “И возрят нань его же прободоша”. Но в то время, как Ахилла хотел перевернуть еще страницу, он замечает, что ему непомерно тяжело и что его держит кто-то за руки. “А что же мне нужно? и что это такое я отыскиваю?.. Какое зачалю? Какой ныне день?” – соображает Ахилла и никак не добьется этого, потому что он восхищен отсюда... В ярко освещенном храме, за престолом, в светлой праздничной ризе и в высокой фиолетовой камилавке стоит Савелий и круглым полным голосом, выпуская как шар каждое слово, чи-

тает: “В начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово”. – “Что это, господи! А мне казалось, что умер отец Савелий. Я проспал пир веры!.. я пропустил святую заутреню”» [15, с. 567]. Здесь сюжет воскресения соединен с мотивом слова Божьего. Произнося слова из Евангелия от Иоанна, Туберозов становится для Ахиллы равноапостольным, отсюда значение, связанное с пиром веры.

В обоих рассмотренных вариантах «онтология» метасюжета, по сути, разрушает однообразие провинциальной жизни. Именно на этом уровне актуализируются мотивы проповеди, воскресения, жизни-творения. Несмотря на то, что в большинстве случаев изображение провинциальной жизни подразумевает присутствие обязательных отрицательных коннотаций, творчество и покаяние, противопоставленное этой жизни, позволяют повествователям выйти на новый семантический уровень.

Таким образом, сводя данные варианты к дуальной модели, отметим: губернскому чтению, служебному и частному письму противопоставлены Творчество и Писание. Развитие этих мотивов разрушает линейность фабулы: используя шаблонные и стереотипные изображения провинции (Гончаров – безымянного губернского города близ Малиновки, Лесков – Страгорода), писатели выстраивают на этом материале оригинальные художественные миры, связанные как с религиозной онтологией, так и неклассической модернистской парадигмой мышления.

Исследование данных мотивов позволяет сделать некоторые выводы о семантике провинциального сюжета. Художественный мир провинциального города, определенный и заверченный в своем изображении, генерирует конечный набор повторяемых и опознаваемых фабульных схем. Чтение и писание, определяющие развитие литературы Нового

времени, в провинциальном сюжете обретают обратную семантику, представляя экспликацию мотивов эпигонства, плагиата, творческого бессилия. Многие беллетристы, воспроизводя эти мотивы, фактически отказывали провинции в каком-либо наполнении и содержании, разрушали саму возможность метатекста. Однако со времени «Мертвых душ» значимый перевес рассказывания над рассказываемым представил провинциальный мир как потенциальный источник новых форм сюжета, бесконечное и беспредельное пространство смысла.

Обобщая наблюдения над повествовательной структурой «Мертвых душ», В. Ш. Кривонос указывает: «Изображая читателя с его реакцией, автор обыгрывает удвоенную темпоральность метаповествования, где события в мире творчества имманентны событиям в изображаемом мире. <...> Возможность того или иного восприятия и про-

чтения пишущегося произведения осуществляется в метаповествовании именно как возможность, которая, однако, является здесь и особого рода реальностью – реальностью акта творчества» [14, с. 42].

Семантическое наполнение рассмотренных мотивов в литературе второй половины XIX в. оказалось связанным с фигурами художника и праведника. В этом отношении использованные мотивы, в соединении с мотивами творчества и духовного подвига, становятся центральными, определяющими модальность и событийность произведения, завершая его в эстетическом и этическом смыслах.

В заключение отметим, что мотивы чтения, писания и письма являются значимыми контрапунктами, которые способствуют созданию неповторимого семантического ореола провинциального сюжета русской литературы XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Альбов М. Н.** На точке // Писатели чеховской поры. – М., 1982. – С. 244–309.
2. **Ахшарумов Н. Д.** Натурщица // Отечественные записки. – 1855. – Т. 164. – С. 105–227.
3. **Брумфилд У.** Социальный проект в русской литературе XIX века. – М.: Три квадрата, 2009. – 272 с.
4. **Герцен А. И.** Былое и Думы // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1956. – Т. 8. – 510 с.
5. **Герцен А. И.** Записки одного молодого человека // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1954. – Т. 1. – 572 с.
6. **Гоголь Н. В.** Мертвые души // Полн. собр. соч.: в 14 т. – М., Л.: АН СССР, 1938. – Т. 6. – 923 с.
7. **Гончаров И. А.** Обрыв // Полн. собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 7. – 776 с.
8. **Горький А. М.** Фома Гордеев // Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1949. – Т. 4. – С. 5–207.
9. **Григорович Д. В.** Проселочные дороги. Роман без интриги. Часть шестая и последняя // Отечественные записки. – 1852. – Т. 87. – С. 15–205.
10. **Засодимский П. В.** Темные силы // Русские повести XIX века 60-х годов: в 2 т. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 2. – С. 345–435.
11. **Киселев В. С.** Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – 544 с.
12. **Козлов А. Е.** Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: основные принципы типологии // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 100–115.

13. **Кривонос В. Ш.** «Мертвые души» Гоголя: Пространство смысла. Самара, 2012. – 311 с.
14. **Кривонос В. Ш.** Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. – Самара, 2009. – 419 с.
15. **Лесков Н. С.** Соборяне // Собр. соч.: в 11 т. – М.: Художественная литература, 1957. – Т. 4. – С. 5–384.
16. **Лесков Н. С.** Леди Макбет Мценского уезда // Собр. соч.: в 11 т. – М.: Художественная литература, 1956. – Т. 1. – С. 96–144.
17. **Одесский М. П.** Страшная провинция в житии протопопа Аввакума // Russian Literature. Provincija. Special issue. Amsterdam, 2003. LIII-II/III. – P. 245–255.
18. **Салов И. А.** Ольшанский, молодой барин. – СПб.: Товарищество М. О. Вольфа, 1886. – 450 с.
19. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Помпадур и помпадурши. История одного города // Собр. соч.: в 20 т. – М.: Художественная литература, 1969. – Т. 8. – С. 7–264.
20. **Слепцов В. А.** Трудное время // Русские повести 60-х годов XIX века. – М.: ГИХЛ, 1956. – Т. 1. – С. 211–349.
21. **Успенский Г. И.** Разоренье. Очерки провинциальной жизни // Собр. соч.: в 9 т. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 2. – 583 с.
22. **Фуксон Л. Ю.** Чтение. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 227 с.
23. **Чехов А. П.** Верочка // Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 6. – С. 69–81.
24. **Чехов А. П.** Соседи // Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 8. – С. 54–71.
25. **Эртнер Е. Н.** Феноменология русской провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. – 221 с.

Kozlov Alexey Evgenevich, Senior Lector of the Department of Russian Literature and Theory of Literature, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

THE CONCEPTS “READING” AND “WRITING” IN THE PROVINCIAL PLOT OF THE RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY

Abstract

The article is devoted to analysis of semantic of concepts “reading” and “writing” in the semantic structure of the provincial plot of Russian literature XIX century. These concepts make thematic differences between different groups of the plots. In the story-telling level province also presents a-lexical and a-graphical world, where reading is replaced by a card game or other un-intellectual pastime. Writing as creative act is compared with writing as work with business papers. In the article variants, connected with destruction of archaic model “the world as book”, are analyzed. This semantic is determined of typological peculiarities of fiction (P. Zasodimsky, M. Al’bov, D. V. Grigorovich and other). These concepts are changed in the masterpieces of the Russian literature (N. Leskov, I. Goncharov, A. Chekhov). Here, reading and writing (as “pisanie”) are contrasted with Creative and New Testament (“Pisanie”).

Keywords

provincial plot, concepts, reading and writing, Russian literature.

REFERENCES

1. Al’bov M. N. At the breaking point. *Writers of the Chekhov’s circle*, Moscow, 1982, pp. 244–309. (In Russian)
2. Akhsharumov N. D. The model. *Native stories*, 1855, vol. 164, pp. 105–227. (In Russian)
3. Brumfield W. *Social project in the Russian literature of XIX century*. Moscow: Three squares Publ., 2009. 272 p. (In Russian)
4. Herzen A. I. Past and Thoughts. *Full the collected works: in 30 vol.* Moscow: Science Publ., 1954. Vol. 8, 510 p. (In Russian)
5. Herzen A. I. Notes of one young man. *Full the collected works: in 30 vol.* Moscow: Science Publ., 1954. Vol. 1, 572 p. (In Russian)
6. Gogol N. V. Dead souls. *Full the collected works: in 14 vol.* Moscow: AS USSR Publ., 1938. Vol. 6, 923 p. (In Russian)
7. Goncharov I. A. Precipice. *Full the collected works: in 20 vol.* SPb.: Nauka Publ., 2004. Vol. 7, 776 p. (In Russian)
8. Gor’ky A. M. Foma Gordeev. *Collected works: in 30 vol.* Moscow: SPAL Publ., 1949. Vol. 4, pp. 5–207. (In Russian)
9. Grigorovich D.V. Country roads. Novel without intrigue. *Native stories*, 1852. Vol. 87, pp. 15–205. (In Russian)
10. Zasodimsky P. V. Dark power. *Russian novels of the 60th: in 2 vol.* Moscow: SPAL Publ., 1956. Vol. 2, pp. 345–435. (In Russian)

11. Kiselev V. S. *Metatextual narrative structures of Russian prose of the end of XVIII – the first third of XIX*. Tomsk: TSU Publ., 2006. 544 p. (In Russian)
12. Kozlov A. E. “Provincial stories” in Russian Literature of XIX century: the general principles of typology. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 1, pp. 100–115. (In Russian)
13. Krivonos V. S. *Dead souls: semantic space*. Samara, 2012. 311 p. (In Russian)
14. Krivonos V. S. *Gogol: problems of interpretation*. Samara, 2009. 419 p. (In Russian)
15. Leskov N. S. Soboryane. *Collected works: in 11 vol.* Moscow: Imaginative literature Publ., 1957. Vol. 4, pp. 5–384. (In Russian)
16. Leskov N. S. Lady Macbeth of Mtsensk. *Collected works: in 11 vol.* Moscow: Imaginative literature Publ., 1956. Vol. 1, pp. 96–144. (In Russian)
17. Odessky M. P. Terrible province in the Avvakum notes. *Russian Literature. Provinciia. Special issue*, Amsterdam, 2003. LIII-II/III, pp. 245–255. (In Russian)
18. Salov I. A. *Ol’shansky, young dandy*. SPb., 1886, 450 p. (In Russian)
19. Saltykov-Schedrin M. E. History of the one town. *Collected works: in 20 vol.* Moscow: Imaginative literature Publ., 1969. Vol. 8, pp. 7–264. (In Russian)
20. Sleptsov V. A. Difficult period. *Russian novels of the 60th: in 2 vol.* Moscow: SPAL, 1956. Vol. 1. pp. 211–349. (In Russian)
21. Uspensky G. I. Desolation. *Collected works: in 9 vol.*, Moscow: SPAL Publ., 1955. Vol. 2, 583 p. (In Russian)
22. Fukson L. J. *Reading*. Kemerovo: KSU Publ., 2007. 227 p. (In Russian)
23. Chekhov A. P. Verochka. *Full the collected works: in 30 vol.* Moscow: Nauka Publ., 1976, vol. 6, pp. 69–81. (In Russian)
24. Chekhov A. P. Neighbors. *Full the collected works: in 30 vol.* Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 8, pp. 54–71. (In Russian)
25. Erther E. N. *Phenomenology of Russian province in Russian prose of ending XIX century – beginning XX century*. Tumen: TumSU Publ., 2006. 221 p. (In Russian)

© Н. В. Орлова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.19)

УДК 811.161.38

ДОСТУПНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Н. В. Орлова (Омск, Россия)

Статья посвящена письменной официально-деловой коммуникации. Цель статьи – выявить стилевые тенденции, значимые в аспекте коммуникативной категории доступности. Исследование проведено на материале документов с разными типами адресатов (адресатом-«работником» и адресатом-«населением»). Сопоставление данных видов документов по критериям трудности текста показало отсутствие существенных различий между ними. К наиболее системным стилевым тенденциям, затрудняющим понимание, относятся усиление нелинейного характера текста, переход общелитературных слов в разряд терминов, повышение уровня абстрактности имен и глаголов. Описаны конкретные проявления отхода документов от «общего» русского языка в сфере грамматики. Показано, что в документе, создаваемом по прецеденту, игнорируются правила оформления лексико-грамматических связей. Сделан вывод о том, что предметная область документа прямо не определяет степень его доступности для понимания адресатом. Адресат-«население» обнаруживает барьеры понимания в текстах на близкие для него темы. Адресат-работник, кроме своей предметной области, должен знать предметную область делопроизводства, т. е. овладеть вторым профессиональным языком. Современный документ превращается в текст, отражающий две специальные области знаний.

Ключевые слова: категория доступности, официально-деловой документ, трудность текста, адресат-население, адресат-работник, предметная область документа.

Исходным моментом исследования является широкая трактовка текста: «Текст – это результат человеческой деятельности, который можно определить, как такое единство предложений, которое направлено на выполнение стратегических и тактических задач

общения в широком смысле» [2, с. 113]. Текст, понимаемый в широком смысле, – явление одновременно лингвистическое и экстралингвистическое. Двойственная природа текста естественным образом проецируется на различные его стороны, и в том числе

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00219 «Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа».

Орлова Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: nvorl@rambler.com

на коммуникативную категорию доступности.

С одной стороны, степень доступности определяется объективной «трудностью текста», которая традиционно определяется в собственно лингвистических параметрах свернутости/развернутости информации, удельного веса абстрактной лексики, длины предложения и других. С другой стороны, понятие доступности текста лежит в плоскости адресанта и адресата. Адресант может напечатать часть текста столь мелкими буквами, что трудность возникнет на этапе восприятия и до понимания дело не дойдет. В фигуре адресата значимы знания о мире, языковая и коммуникативная компетенции. Прагматической переменной, важной в аспекте доступности текстов, является понятие «среднего читателя» [1]. Текст будет понятен реципиенту, который соответствует авторскому представлению о среднем читателе или обладает более высоким уровнем знаний и компетенций.

В случае официально-деловых текстов об ориентации автора на «среднего читателя» приходится говорить с большими оговорками. В одном варианте адресат – работник определенного предприятия, учреждения, отрасли. Таковы приказы, уставы и т.д. Множество других документов адресовано «населению» – адресату предельно широкому, не определенному персонально и социально. Примерами являются налоговая декларация, соглашение о кредитовании, различного рода «памятки» и «письма-напоминания».

Материалом настоящего исследования послужили официально-деловые тексты, адресованные обоим типам адресатов. Это приказы 2011–2013 гг. по Омскому государственному университету, проект Министерства образования и науки РФ «Рекомендации по изменению подходов к публикации основ-

ных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени (дорожная карта)» (2013), а также документы для «населения»: предлагаемые Альфа-Банком «Уведомление об индивидуальных условиях кредитования» и «Анкета-заявление на получение кредитной карты», «Памятка собственникам индивидуальных жилых домов и лицам, проживающим в индивидуальных жилых домах» (г. Омск, 2013), письмо-напоминание абонентам от ЗАО «Газпром межрегионгаз Омск».

В исследовании применялись традиционные методики семантико-стилистического анализа высказывания. Использовались количественные подсчеты. На материале одного из текстов был проведен эксперимент, направленный на выяснение результатов его восприятия и понимания. Решались следующие задачи:

1) охарактеризовать документы обоих видов адресованности по известным критериям трудности текста [3; 5–6].

2) выявить современные стилевые тенденции в сфере официально-делового текста, значимые для обсуждаемой проблематики;

3) проверить гипотезу В.Г. Костомарова об «отходе, некоем отстранении от общего языка» [4, с. 68];

4) рассмотреть отношение адресат документа – предметная область документа с точки зрения категории доступности.

Были получены следующие результаты.

1. Тип адресата не коррелирует с трудностью текста. Тексты, адресованные «населению» и «работникам», в целом не имеют специфики по таким признакам, как плотность абстрактной лексики, плотность терминов, степень свернутости информации, длина предложения. Во всех текстах функционируют многословные описательные номинации-термины. В состав таких номинаций входят имена-гиперонимы и глаголы с абстрактной

семантикой. Отражаемая денотативная ситуация представляется как в высшей степени обобщенная.

В качестве примера «трудного текста» приведем фрагмент письма-напоминания «населению» – абонентам компании ЗАО «Газпром межрегионгаз Омск». В своей основной части письмо является дословной цитацией двух нормативных документов – *Правил поставки газа...*, утвержденных Постановлением Правительства РФ; *статьи 155 Жилищного кодекса РФ*. В письме 399 слов, включая служебные; из них 37 словоупотреблений приходится на специальную лексику (технические, экономические термины, терминологические именованные субъекты деловых отношений). Всего в письме 7 предложений, так что средняя длина предложения составляет 57 слов. Высокая степень свернуто-сти информации (как следствие – информационная насыщенность текста) достигается за счет предикативных компонентов разного синтаксического ранга: глаголов в функции сказуемого, причастий, отглагольных существительных. Термины не разъясняются в границах текста. Один из абзацев письма-напоминания выглядит следующим образом: «В соответствии с п. 26 Правил объем потребленного газа по показаниям прибора учета газа, не имеющего температурной компенсации, определяется как разность показаний прибора учета газа на начало и конец отчетного периода, умноженная на температурный коэффициент (коэффициент приведения к стандартным условиям), утвержденный для таких типов приборов учета газа Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии».

Текст, фрагмент которого приведен выше, был проанализирован на восприятие реальными адресатами, заинтересованными в усвоении информации. Эксперимент показал

эмоциональное отторжение, нежелание читать, непонимание [8].

2. К современным стилевым тенденциям в сфере ОДТ относятся усиление нелинейного характера текста и терминологизация лексики.

Наиболее тривиальное проявление нелинейности текста – проспективные отсылки к сокращенным обозначениям с маркером «далее» в скобках. За счет них информация свертывается, а восприятие усложняется необходимостью возвращения к условно обозначенному объекту. См. в приказе *Национальный календарь профилактических прививок (далее НКПП)*; в уведомлении – *полная стоимость Кредита (далее ПСК)*, в письме-напоминании *Правила поставки газа...*, утвержденные *Постановлением Правительства (далее Правила)*. Другой вид отсылок, а именно внутритекстовые отсылки к другим документам, не только усиливает нелинейный характер текста, но и размывает границы документа. Так, значительная часть современных приказов имеет приложения (*Регламент, Порядок* и др.). Размер приложения, в отличие от размера основного текста, не ограничен, что повышает сложность восприятия. Не менее интертекстуальны по структуре и не менее гипертекстуальны по предполагаемой процедуре знакомства с ними документы, адресованные «населению». В тексте «Анкеты-заявления на получение кредитной карты» (1 стр.) упоминается 9 документов, в числе которых 2 федеральных закона и 7 документов, исполненных банком. В двух случаях адресата предупреждают, чтобы он обращался к той редакции документа, которая действует на момент подписания анкеты. Документы, на которые ссылаются составители анкеты, автоматически не прикладываются к ней, а должны быть специально истребованы у адресанта или самостоятельно найдены в

Интернете. Нетрудно предположить, что на практике они не дочитываются, а анкета недопонимается.

Тенденция к терминированию лексики выражается в новых формах.

Во-первых, как особые значения, близкие к терминологическим, подаются актуальные смыслы общеупотребительных слов. На поверхностно-речевом уровне это выражается в некодифицированном написании нарицательных существительных с прописной буквы. Как известно, изначально процесс ономизации апеллятивов затрагивал неличные обозначения субъектов типовой ситуации (например, *именуемые в дальнейшем Заказчик и Исполнитель* в договоре об оказании услуг). В современных документах, особенно банковских, наблюдается экспансия этого приема. В тексте «Уведомления об индивидуальных условиях кредитования» не в начале предложения читаем: *Клиент, Счет, Кредитная карта, Карта, Кредит, Общие условия кредитования, Банк, Минимальный платеж, Дата, Платежный период, Тарифы, Уведомление, Соглашение, Согласие, Партнерская карта, Указание банка России*. В случаях, когда перечисленные слова образуют словосочетания, каждое из них пишется с большой буквы: *Тарифы Банка, Счет Кредитной карты* и т.д. Прием подчеркивает конкретную референцию имен: *Банк* – не любой, а этот; *Дата* – именно та, что указана в документе, и т.д. С одной стороны, необычный графический облик слова призван конкретизировать его значение и в этом смысле облегчить понимание текста. С другой стороны, создается эффект удвоения семантики лексической единицы (общеупотребительное и терминологическое одновременно), что может вызвать когнитивное напряжение.

Во-вторых, терминирование лексики подчеркивается ее разъяснениями. Сравнение

приказов по университету разных лет показало их отсутствие в текстах, созданных относительно недавно [7]. В разножанровых документах 2011–2013 гг. разъяснение термина выражается как в канонической форме дефинитивного высказывания, так и в свернутой форме – вставной конструкцией в скобках; сопровождается либо не сопровождается метаязыковыми маркерами. См.: *печать* – ..., *штамп* – ..., *клише печати* – ..., *оттиск печати* – ... («Регламент использования, учета, хранения, обеспечения изготовления и уничтожения печатей в ОмГУ»; *Лимит кредитования (максимально допустимая сумма задолженности по Кредиту)* («Уведомление...»); *Под приказами ректора и проректоров <...> понимаются...* (Приказ о порядке доведения до сведения и вступления в силу правовых актов ректора и проректоров); *Термины, используемые в настоящем уведомлении, определены в соответствии с...* («Уведомление...»). Интересно, что в исследуемом материале разъясняются не только понятия, имеющие основания рассматриваться как агнонимы, но и общеизвестные. В «Памятке собственникам и лицам, проживающим в индивидуальных жилых домах» разъясняется понятие уборки территории: «*Уборка территорий – комплекс технологических операций, включающих сбор, вывоз в специально отведенные места отходов производства и потребления, другого мусора, снега, а также иные мероприятия, направленные на обеспечение экологического и санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охрану окружающей среды*». В результате довольно сложной дефиниции привычного для адресата действия фрагмент документа становится не столько более понятным, сколько более «правильным», а именно таким, в котором ключевые понятия должны функционировать как термины. Таким обра-

зом, разъясняющие дефиниции имеют противоположные импульсы: надо преодолеть растущую трудность текста (и потому разъяснять); надо заменять обычные словоупотребления терминологическими (а это усиливает трудность текста). Заканчивая разговор о дефинициях, скажем, что в исследуемом материале они сопровождают далеко не все агнонимы. Для адресата-«населения» проблема непонятого слова стоит особенно остро.

3. Показанные выше стилевые тенденции свидетельствуют об «отходе документа от общерусского языка». Еще одним проявлением данного процесса является нарушение языковых норм литературного языка. В русле сильной тенденции к унификации и стандартизации официально-делового текста, в условиях, когда он создаётся по образцу, по прецеденту, игнорируются правила оформления лексико-грамматических связей в тексте. Такая ситуация регулярно возникает, когда в списке, который является типичным структурным компонентом документа, оказывается один человек. См. в приказе: «*I. Зачислить <...> следующих граждан: I. ФИО <...>. II. Вышеперечисленным лицам оформить и выдать зачетные книжки <...>»*. Клише «*вышеперечисленным лицам*» используется в контексте отсутствия «лиц» (во множественном числе) и «перечисления».

Документы не свободны от асистемных отступлений от языковой нормы. Не всегда понятно, являются ли они ошибкой или сознательным шагом. В грамотных в целом текстах приказов ректора разработчики системно пишут «*ропись*» вместо «*подпись*» в повторяющемся коммуникативном фрагменте (ознакомление ... *под роспись*). В труднейших для понимания банковских документах, связанных с кредитованием, «заклинанием» звучат фразы: *Я понимаю и соглашаюсь с тем, что...; Я понимаю и соглашаюсь с правом*

банка ... (далее идет речь о работе с персональными данными клиента и о взыскании просроченной задолженности. – Н.О.). Прагматический интерес составителей состоит в том, чтобы предугадать и отклонить претензию клиента к сложному изложению, «непонятности» информации о неблагоприятных последствиях кредитного соглашения. Прагматика преодолевает требование писать правильно по-русски. Валентность «Я понимаю – что?» остается без заполнения.

4. Предметная область документа прямо не определяет его доступность / недоступность для понимания адресатом.

Адресат-«население» обнаруживает непреодолимые смысловые барьеры в текстах на близкие для него бытовые темы (см. выше текст об оплате потребленного газа). В относительно простом тексте на понятную тему «Памятка о содержании жилых домов» фактором трудности становится то, что известные слова не имеют для адресата конкретной референции: *запрещается... производить сброс снежных масс в неустановленных для этих целей местах города Омска*. Адресату не хватает информации о том, где около его дома расположены «установленные места». И это типичный пример: слова понятны, но они не помогают. В этом смысле хрестоматийный случай – выражение *в установленном порядке*, зафиксированное в научной и учебной литературе как единица «со стертым, неопределенным значением» [9, с. 162].

Документы, предназначенные для «работников», не всегда тематически совпадают со специальностью работника. См. приказ по университету о прививках, где использована медицинская терминология (*вакцинация, ревакцинация, иммунизация*). В документе Минобрнауки «Рекомендации по изменению подходов к публикации основных научных результатов диссертаций на соискание уче-

ной степени (дорожная карта)» разграничено *достаточное условие* и *необходимые условия*. Словарные толкования не дают удовлетворительного ответа на вопрос, зачем была нужна такая дифференциация, и только обращение к терминологии математической логики (!) как-то проясняет ситуацию.

Более общий вывод из анализа документов «для работников» состоит в том, что каждый из работников должен, помимо «своей» предметной области, освоить предметную область делопроизводства, по сути – терминологию «второго профессионального языка». За последние несколько десятилетий официально-деловой документ окончательно превратился в текст, отражающий две специальные области знаний. Одна из них, как и прежде, связана с предметной областью документа, вторая – документоведение, буквально на глазах становящееся теоретической и методической основой для коммуникации «посвященных».

Итак, составители официально-деловых текстов не моделируют «среднего читателя». Официально-деловые тексты, составляемые

компаниями для адресата-населения, и тексты «для работников» принципиально не различаются по степени сложности. Новейшими факторами трудности текста становится рост количества отсылок (к словам и другим документам), стремление к терминированности документа, повышение уровня абстрактности номинаций.

На наш взгляд, лингвисты могут обсуждать два пути собственного участия в решении проблемы, а именно: 1) искусственно сдерживать текущий процесс «отхода от общего языка»: экспертировать документные тексты на этапе их подготовки, обучать составителей документов, акцентируя требование ясности; 2) оказывать лингвистическую помощь гражданам, нуждающимся в усвоении содержания непонятного документа: создавать адаптированные тексты, «прикладываемые» к оригиналам в качестве перевода с «русского официально-делового» на «общий русский». Но в этом случае параллельно должен решаться вопрос о правовом статусе таких текстов, не обсуждаемый в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Валгина Н. С.** Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
2. **Демьянков В. З.** Интерпретация текста и страгемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). – М.: АН СССР, 1979. – С. 109–116.
3. **Зимняя И. А.** Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2001.
4. **Костомаров В. Г.** Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005.
5. **Микк Я. А.** Оптимизация сложности учебного текста: в помощь авторам и редакторам. – М.: Знание, 1981.
6. **Москальчук Г. Г.** Размер предложения и абзаца как фактор структурной гармонии текста // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск: Бийский педагогический государственный университет им. В. М. Шукшина, 1998. – Т. 2. – С. 27–37.

7. **Орлова Н. В.** О некоторых ресурсах доступности распорядительного документа // Коммуникация. Мышление. Личность: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. – Саратов: Центр «Наука», 2012. – С. 442–448.
8. **Орлова Н. В.** Русскоязычный официально-деловой документ в восприятии адресата-неспециалиста // Вестник Сургутского педагогического университета. – 2013. – № 5 (26). – С. 31–36.
9. **Русский язык и культура речи:** учебник для бакалавров / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. – М.: Юрайт, 2012.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.19)

Orlova Natalia Vasilyevna, Doctor of Philology Sciences, Professor of Russian, Slavic and Classical linguistics Department, F.M.Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
E-mail: nvorl@rambler.com

ACCESSIBILITY OF A CONTEMPORARY OFFICIAL DOCUMENT: LINGVOPRAGMATIC ASPECTS

Abstract

The article is devoted to written official business communication. The purpose of the article is to identify the stylistic trends, significant in the aspect of the communicative category of accessibility. The study was conducted on the material of the documents with different types of recipients (the "employee"-addressee and the "population"-addressee). The comparison of these types of documents based on the criteria of text difficulty showed no significant differences between them. The most systematic stylistic trends that hamper understanding include strengthening the nonlinear nature of the text, the transition of common word in terms, the increase of abstraction of names and verbs. The specific manifestations of documents departing from the "common" Russian language in the area of grammar are described. It is shown that in the document written by precedent the rules of registration of lexical and grammatical relations are ignored. It is concluded that the subject area of the document does not directly determine its accessibility for understanding by the addressee. The "population"-addressee reveals the barriers to understanding the texts on topics close to them. The "employee"-addressee, in addition to their domain, should know the subject area of office work, that is to master a second professional language. A modern document is converted into a text reflecting two special areas of knowledge.

Keywords

accessibility category, official and business document, text difficulty, addressee-populace, addressee-employee, subject area of a document.

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Text theory*. Textbook. Moscow: Logos Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
2. Demyankov V. Z. Interpretation of the text and stratagems of the behavior. *The semantics of linguistic units and text (linguistic and psycholinguistic research)*. Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1979, pp. 109–116. (In Russian)
3. Zimnyaya I. A. *Lingvopsychology of the speech activity*. Moscow: Moscow psycho-social institution Publ., 2001. 432 p. (In Russian)
4. Kostomarov V. G. *Our language in action: Essays on modern Russian style*. Moscow: Gardariki Publ., 2005. 287 p. (In Russian)
5. Mikk Y. A. *Optimization complexity of the educational text: to help writers and editors*. Moscow: Education Publ., 1981. 119 p. (In Russian)
6. Moskalchuk G. G. Size sentences and paragraphs as a factor in structural harmony of the text. *Language picture of the world: linguistic and cultural aspects*. Biysk, 1998, Vol. 2, pp. 27–37. (In Russian)

7. Orlova N. V. Some resources of the administrative document availability. *Communication. Thinking. Personality: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor I. N. Gorelov and Professor K. F. Sedov*. Saratov: Centre "Science" Publ., 2012, pp. 442–448. (In Russian)
8. Orlova N. V. Russian-speaking official business document addresses the perception-layman. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2013, no. 5 (26), pp. 31–36. (In Russian)
9. *Russian language and culture of speech: a textbook for bachelor*. (Ed.) V. I. Maksinov, A. V. Golubeva. Moscow: Yurait Publ., 2012. 358 p. (In Russian)

© А. В. Курьянович

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.20)

УДК 81.38

ЭПИСТОЛЯРИЙ В СФЕРЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ: К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ЖАНРА

А. В. Курьянович (Томск, Россия)

Статья посвящена жанрово-стилистическому анализу современных эпистолярных текстов, вовлеченных в сферу коммерческой, социальной и политической рекламы. Цель статьи – раскрыть свойство универсальности эпистолярного жанра, способного в силу полидискурсивности и полифункциональности переходить из одной сферы коммуникации в другую, из одного стиля в другой. В русле обозначенного подхода выделяются аутентичные (принадлежащие генетически исходной разговорной коммуникации) и неаутентичные (функционирующие в других областях межличностного взаимодействия) эпистолярные тексты. Рекламные произведения, имеющие формат письма, обладают специфичными структурными, типологическими, функциональными и прагматическими свойствами, появление которых обусловлено объединением в стилистической организации текстов нескольких стилевых начал. Письмо квалифицируется как устойчивая функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра, поддающаяся стилистическим модификациям, но сохраняющая при этом свои инвариантные признаки.

Ключевые слова: *текст, эпистолярный текст, рекламный текст, сфера коммуникации, жанр, стиль, дискурс.*

Эпистолярный является разновидностью коммуникативно-речевой практики, имеющей в истории межличностных взаимодействий прочную традицию. Зародившись в глубокой древности (о чем свидетельствуют новгородские грамоты XI в.), речевые произведения в формате письма всегда были востребованы в социуме. Не теряют они своей актуальности и сегодня. Изменившиеся социальные условия, культурный контекст, система мировоззрен-

ческих, этических, психологических установок, характерных для современного межличностного взаимодействия в разных сферах, обусловили трансформацию эпистолярных текстов (далее – ЭТ) на всех уровнях, включая стилистический. В задачи статьи входит рассмотрение стилистического варьирования жанрового канона, возникающего в результате попадания ЭТ в сферу рекламной коммуникации.

Курьянович Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра современного русского языка и стилистики, историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет.

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

С позиций функциональной и коммуникативной стилистики современный эпистолярный квалифицируется в качестве особого рода дискурсивной практики, обладающей ключевыми свойствами *полифункциональности* и *полидискурсивности*. Характеризуясь изначальной принадлежностью сфере разговорной коммуникации, эпистолярный дискурс (далее – ЭД) проявляет способность к потенциальному переходу из одной дискурсивной ситуации в другую при условии сохранения жанровой идентичности. В результате чего наблюдается расширение спектра реализуемых функций. Письма (релевантный для эпистолярного жанра тип текста) начинают выполнять, помимо основной коммуникативной, целый ряд функций: информативную, референциальную, воздействующую, регулятивную, кумулятивно-трансляционную, когнитивную, самопрезентации и др. В связи с этим выделяются стилистически *аутентичные* (принадлежащие разговорному дискурсу) и *неаутентичные* (дискурсивно производные) ЭТ. Стилистически трансформированный ЭТ характеризуется *стилевым синкретизмом* – объединением в своей стилистической организации нескольких стилевых начал (аутентичного и одного/нескольких неаутентичных). Стилиевой синкретизм в ЭТ имеет экстралингвистическую обусловленность: его характер зависит от целевой установки адресанта, тематико-ситуативного контекста эпистолярного взаимодействия, личностных свойств коммуникантов, их возрастного, профессионального, гендерного, национального, социального статуса и пр.

По нашему мнению, эпистолярный имеет стилистическую организацию в виде поля. *Полевый принцип стилистической организации эпистолярного жанра* углубляет представление об эпистолярном жанре как имеющем в основе (в «ядре») разговорную, аутентичную, со-

ставляющую, а в качестве дополнительных – дискурсивно обусловленные стилевые составляющие («периферию»). Основными средствами репрезентации стилевого синкретизма выступают *речевые* (в первую очередь – лексические и синтаксические) текстовые единицы [1].

Представляется целесообразным рассматривать письмо как устойчивый узуальный жанр, функционирующий в разных сферах бытования языка и сохраняющий при этом свои инвариантные признаки. Стилиевая «гибкость», с одной стороны, и дискурсивная «гибридность», с другой, позволяют письму быть вовлеченным в сферы *межличностной (разговорной), массовой (политической, рекламной, PR, публицистической), эстетической (литературно-художественной) и официально-деловой* коммуникации.

В сфере рекламной коммуникации основу ЭД составляет неаутентичный, стилистически модифицированный вариант текста. Он реализует волюнтаристическую (воздействующую, суггестивную, манипулятивную, регулятивную) коммуникативную стратегию, выступающую в качестве ключевой в сфере рекламы вообще. В данном случае объектом рассмотрения являются тексты *коммерческой, политической и социальной рекламы*, имеющие формат *электронных* или *печатных писем*. Жанрово-стилевой особенностью такого рода текстов выступает высокая степень их прагматического потенциала, обусловленная коммуникативной установкой автора – пробудить интерес, вызвать доверие, заставить приобрести рекламируемый товар или воспользоваться рекламируемой услугой.

Реклама сегодня активно востребована обществом, но еще не получила окончательного определения своего стилистического статуса (Л. Ю. Гермогенова, Е. С. Карамурза, Х. Кафтанджиев, Н. Н. Кохтев,

В. Ю. Липатова, Г. Г. Почепцов, Н. В. Старых, В. В. Ученова, Л. Г. Фещенко и др.) [2–6]. Нами предпринята попытка анализа рекламного эпистолярия в синхронном срезе, в результате которого были получены некоторые результаты относительно структурно-типологических, функционально-прагматических и языковых особенностей текстов подобного рода.

Коммерческий рекламный текст, имеющий эпистолярную форму, чрезвычайно распространен сегодня и неуклонно приобретает все большую популярность у копирайтеров – составителей рекламной текстовой продукции. Его использование обусловлено принципами коммуникативной целесообразности и эффективности. Например, *«Друзья! Рады сообщить Вам о том, что вышел в свет новый зимний каталог «Триал-Спорт» ... Вы традиционно сможете воспользоваться специальными предложениями и скидками на различные группы товаров, а также принять участие в конкурсе... Приглашаем Вас посетить любой ближайший к Вам магазин «Триал-Спорт», где Вы сможете получить наш каталог и познакомиться с новой зимней коллекцией. С нетерпением ждем, всегда Ваш «Триал-Спорт»* (в этом и во всех приводимых ниже текстах писем сохраняется авторская орфография, пунктуация и графика. – А.К.). Данное рекламное сообщение пришло по почте и было вложено в конверт, на котором значились почтовые адреса отправителя (129110, г.Москва, а/я Триал-Спорт) и получателя, единый справочный телефон в Москве (495-933-40-60), в С.-Петербурге (812-644-44-00), адрес в Интернете (www.trial-sport.ru), почтовые штампы об отправлении и получении корреспонденции. Следует упомянуть, что бумага, на которой было отпечатано и собственно рекламное сообщение, и конверт, – отличного качества, а

текстовая информация сопровождается красочными иллюстрациями. Все перечисленное вызывает несомненный интерес и любопытство со стороны получателя, подсознательно формирует определенную установку на восприятие и интерпретацию данной корреспонденции.

Особую группу рекламно-эпистолярных текстов составляют так называемые «деловые предложения», получаемые по почте в конвертах на имя конкретного получателя. Часто данные послания отражают деятельность весьма сомнительных финансовых пирамид и коммерческих предприятий с установкой на скорейшее материальное обогащение. Так, целый пакет рекламной продукции фирмы «На дом» помещен в конверт, на котором имеется ряд замечаний, выполняющих «особое» коммуникативное задание по «заманиванию» потребителя: *«Важное административное сообщение», «Письмо высокой степени важности – обязательно вручить победителю, чье имя указано на обороте», «Вниманию получателя! Если Вы не являетесь победителем или по каким-либо причинам не хотите получить 1 500 000 рублей, просьба вернуть письмо, не вскрывая, по адресу: ООО «Почта Сервис», а/я 37, Московский АСЦ, 140961».*

Весьма популярен формат письма в организации деятельности банков по рассылке рекламной продукции своим потенциальным клиентам. На конвертах с вложенными посланиями рекламного свойства также используются прагматически «заряженные» фразы: *«Подробности внутри...»* (ОТП банк), *«Сколько денег Вам нужно для счастья?»* (Банк Хоум Кредит), *«Просто возьми», «Просто деньги»* (Росбанк). Встречаются также другие «ухищрения», например, эксперименты с графическим обликом письма: написание вместо цифр индекса телефонного

номера круглосуточной службы клиентской поддержки (АВАНГАРД банк).

Поскольку любое эпистолярное произведение является разновидностью креолизованных (совмещающих в своей структуре вербально и графически представленную информацию) текстов, в его восприятии чрезвычайно важна роль визуализации, выполняющей функцию аттракции (психологического притяжения). Реклама, внешне напоминающая письмо, более «выигрышна», лучше запоминается благодаря своему графическому облику. Пример подобного рода рекламного обращения – рекламный продукт компании ООО «Аптека Скорая Помощь», имеющий формат письма. Составляющими прагматического эффекта в данном случае выступают: стандартные эпистолярные формулы («от кого», «откуда», «кому», «куда»), стилизованные под эпистолярные имиджевые компоненты (в роли почтовой марки – логотип, контактная информация; на месте иллюстрации на конверте – рекламное предложение «*Бесплатная доставка при заказе от 300 рублей*» и соответствующее изображение – автомобиль «Газель» с имиджевой наклейкой в виде логотипа на боковой стороне фургона; присутствует также штамп, соотносящий рекламное послание с определенным хронотопом «*Томск / заказное / февраль 2011*» в целях подтверждения его актуальности). Выбор речевой формы обращения к адресату («Соседям») также нацелен на создание аттракции. На обороте размещается собственно текст рекламного послания, оформленный в соответствии со всеми требованиями эпистолярного жанрового канона. К потенциальным покупателям обращается непосредственно директор аптеки, имеется указание на государственную лицензию, еще раз приводятся данные для установления контакта (почтовый и электронный адреса, телефон для заказа ле-

карств на дом, сотовый телефон директора для высказывания возможных жалоб и предложений). Все перечисленное, а также выбор графических показателей (шрифтовые выделения, цвет компонентов оформления, расположение текста на листе) способствует созданию установки на достоверность сообщаемой информации и формированию аттракции.

Помимо формата письма, в современной рекламной индустрии активно привлекаются формы других типов ЭТ, в частности, – открыток и телеграмм. Создание прагматического эффекта в этих случаях осуществляется по описанному выше сценарию формирования психологической аттракции, базирующемуся на общих стереотипах массового восприятия.

Активно используется сегодня *формат письма* и в сфере **социальной рекламы**, ценность и востребованность которой в современном обществе трудно переоценить. Социальная реклама – вид некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечения внимания к проблемам социума. По сути, это проявление доброй воли общества, его принципиальной позиции в отношении социально значимых ценностей, побуждение человека к доброму поступку, милосердию, оказанию моральной либо материальной поддержки. Социальная реклама способствует формированию ценностной картины мира, в которой есть место правам и обязанностям человека, его прагматичности и бескорыстию. Многие люди нуждаются в напоминании следовать нравственным ориентирам, всегда есть граждане, способные оказать любой вид поддержки человеку более слабому, тому, кто попал в сложную жизненную ситуацию. В социальной рекламе наглядно и эмоционально воплощена идея, которая заставит задуматься, побудит к необходимому действию.

Так, на доске объявлений педагогического факультета ТГПУ осенью 2008 г. было размещено объявление следующего содержания: *«Внимание! Проводится благотворительная акция «Напиши мне письмо!» В мире много детей, болеющих и нуждающихся в помощи! Таких детей много и в нашем городе. Каждый из таких детей нуждается не только в материальной помощи, но и в психологической поддержке и внимании! В рамках благотворительной акции ТВ-2 «Обыкновенное Чудо» Педагогический факультет просит каждого из вас, кто имеет чувство сострадания и кому небезразлична судьба больных детей, написать письмо с вашими словами поддержки. Помните, дети – цветы жизни! Не дадим им завянуть в этом сложном мире! P.S. Подробная информация о детях на стенде Педагогического факультета (3 этаж) Письма можно приносить в деканат ПФ (315 ауд.)!!!»* Выбор формата письма видится здесь неслучайным, поскольку актуализируются установки на доверительный, эмпатичный стиль общения коммуникантов, и письменное эпистолярное слово с присущей ему высокой степенью прагматического воздействия способно, по мысли устроителей акции, помочь данные установки эффективно реализовать.

Политический рекламный текст, имеющий формат письма, в полной мере отвечает требованиям коммуникативной целесообразности и эффективности, предъявляемым соответствующей дискурсивной ситуацией к речевым произведениям. Однако, попадая в рамки «вторичного» дискурса, ЭТ претерпевает смещение акцентов в своей целевой программе с установок коммуникативного и фатического свойства в сторону агитационности. Агитационно-манипулятивная функция представляет собой саму суть создания текстов подобного рода и получает ста-

тус над-функции. Отсюда – особая роль в нем средств речевого этикета: помимо своей основной функции, они участвуют в решении коммуникативной задачи создания положительного имиджа автора текста в глазах адресата: *«Уважаемая Галина Андреевна (имя и отчество вписано от руки. – А.К.)! Выражаю Вам свою сердечную благодарность за поддержку моей кандидатуры на выборах в Думу города Томска. Очень важно, что Вы вместе со мной разделяете озабоченность положением дел в городе и так же хотите изменить ситуацию к лучшему. После оказанного Вами доверия, считаю своим долгом продолжить работу на нашем округе и придать новый импульс его развитию! Спасибо за то, что в день голосования, я могу на Вас рассчитывать! (подпись / ВЛАДИМИР РЕЗНИКОВ, 25.11.2007 г.)».*

В целях агитации активно используются стандартные эпистолярные клише, а также эпистолярный мета-словарь. Так, в одном из текстов политического письма кандидата в депутаты Тимура Хисматуллина к избирателям присутствует характерный для текстов эпистолярного жанра компонент «P.S.», содержание и графический способ презентации (особый размер и цвет шрифта) которого непосредственно «работает» на создание положительного имиджа автора в глазах читателей: *«P.S. К настоящему времени участие в проекте «Социальная карта» приняли более 9000 жителей округа».* В этом же тексте используются также специфичные для эпистолярного текста способы создания диалогичности – категории, релевантной для писем разных видов: *«Прошу все материалы, касающиеся проекта «Социальная карта», направлять: 1. Мне по адресу, указанному в карточке... 2. Мне по другому адресу... 3. Для публикации в газету... С уважением, Тимур Хисматуллин»* (выделено в тексте. – А.К.).

Формат письма способствует созданию эффекта достоверности сообщаемой информации (использование конверта, часто – со штемпелями об отправке и получении, придает письму статус некоего артефакта), что повышает силу прагматического воздействия текста. При этом могут применяться разнообразные техники манипуляции: от ссылки на авторитет до «черного пиара». Так, накануне выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2007 г. имела место ситуация с рассылкой по адресам избирателей писем якобы от лица В.В. Жириновского с предложением о материальном вознаграждении за «правильно сделанный выбор», что впоследствии было опровергнуто посредством телевизионных СМИ представителями томского отделения ЛДПР. А один из предвыборных агитационных текстов ЛДПР 2005 г., имеющих форму письма, в целях создания эффекта достоверности и доверительности представлял образец официального документа: сверху эмблема партии, далее – жирным шрифтом набранное ее название, под горизонтальной чертой – полный почтовый адрес с указанием индекса, а также телефона и факса.

Эпистолярный текст воплощает в себе некое конвенциональное ритуальное коммуникативное событие: это не просто способ общения, но и инструмент эффективного воздействия. Принадлежащее реактивному (диалоговому) регистру речи, письмо изначально «заряжено» на ответное действие. Именно письмам, как известно, их составители часто доверяют самые сокровенные мысли и чувства, полагая, в свою очередь, что и в письмах других людей тоже можно иногда прочесть то, что те думают на самом деле. Порой это выступает определяющим фактором для достижения взаимопонимания между автором и читателем. Подобная психологическая установка, помимо воли человека, в течение

веков прочно закрепилась в его сознании. Этот фактор обязательно учитывают составители рекламной текстовой продукции.

Распространенным приемом в копирайтинге является апеллирование к мнению публичных людей, пользующихся авторитетом в определенном кругу лиц. Например, в региональном масштабе подобным лидером мнений выступает директор школы, обращающийся с политическим рекламным посланием к родителям учеников своего учебного заведения. В пришедшем по почте в конверте письме, в частности, делается акцент на ценностных ориентирах, значимых для каждого сознательного родителя: *«Мы, взрослые, имея право гражданского голоса, должны решать – в каком обществе и по каким законам жить нашим детям»*. Отметим форму самонаминации адресанта – «я» инклюзивное, использование которой способствует реализации авторской установки на кооперативный стиль коммуникации: *«Забота о детях – это наша совместная обязанность»*, *«Выбор нашего коллектива...»*.

В числе лингвистических особенностей письменных текстов данной жанрово-стилевой ориентации можно отметить строгое соответствие языковым нормам письменной речи, в частности, – жесткое соблюдение правил грамматического и лексического отбора. В сфере письменной коммуникации слову отводится особая роль. Ввиду отсутствия непосредственного контакта в общении функциональная нагрузка слов в письменном тексте возрастает. С этой точки зрения ЭТ как разновидность письменного текста можно рассматривать в качестве *логоцентрической* системы (Л. Ю. Максимов), где ключевой единицей выступает слово. Письменное слово отчасти берет на себя функцию отсутствующих невербальных средств, характерных для устного общения. В качестве примеров, де-

монстрирующих функциональную значимость эпистолярного слова, можно привести фрагмент ЭТ, подписанного В. В. Жириновским (отметим, насколько точно передают слова особую патетику и экспрессию речевой манеры этого политика): «... **Анна Маркова** и каждый депутат от нашей партии будет нести персональную ответственность перед Высшим Советом партии и лично передо мной. Я не дам им расслабиться ни на минуту ...» (выделено в тексте. – А.К.).

В рекламно-эпистолярных текстах особую значимость приобретают выразительные средства языка, помогающие отчасти компенсировать отсутствие непосредственного контакта коммуникантов в сфере письменного общения, поддерживать внимание и интерес читателя. Основные средства выразительности – лексические (*эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы, олицетворения, ирония* и пр.) и синтаксические (*анафора, антитеза, градация, инверсия, эллипсис, эпифора, парцелляция* и пр.). Большой силой манипулятивного воздействия обладают также лозунги и слоганы. Приведем примеры: «Даже если вы никогда этого не делали. Даже если вы больше не верите, что от вас что-то зависит. Даже если вам кажется, что ничего не изменится. Приходите на выборы. Потому что этот город принадлежит вам, а вы принадлежите ему. Потому что вы знаете, что не все в жизни ложь и обман. Потому что под лежащий камень вода не течет. Вы это знаете. Поэтому приходите на выборы. Город ждет...», «От вашего дома до избирательного участка 7 – 9 минут. Участие в голосовании займет не более получаса. Следующее голосование – через 4 года. И жизнь города на следующие 4 года зависит от вас. 1 день за 4 года – не так уж и много, правда? Но это очень важный день. Поэтому приходите на выборы. Город ждет пере-

мен», «Что будет сделано за следующие четыре года на округе – зависит только от нас!», «Доверие. Профессионализм. Ответственность» (из материалов предвыборной агитации Тимура Хисматуллина от 3.10.2005 г.); «...Можно не пойти на выборы, можно проголосовать «против всех», можно порвать бюллетень или унести его с собой, продемонстрировав тем самым свое недовольство существующим положением вещей. Но это ничего не изменит...» (из материалов предвыборной агитации Е. В. Паршуту).

Разновидности рекламных текстов, имеющих форму письма, как и классические ЭТ, принадлежат зоне *письменной* коммуникации, в полной мере отражают ее черты: дистантность и опосредованность общения, особую роль пресуппозиционного фона, факторов автора и адресата. Тексты подобного рода характеризуются такими экстралингвистическими признаками, как закреплённость на каком-либо материальном носителе информации, подготовленность, возможность литературной обработки и переработки (редактирования). За счет письменной формы своей репрезентации рекламные ЭТ неаутентичной стилистической природы удерживают в практике современной коммуникации прочные позиции: в отличие от устных жанров, текст письма может существовать бесконечно долго, его можно хранить, к нему можно возвращаться, его можно использовать не по основному предназначению (в виде закладки для книг и т.д.).

Стоит сказать об особой роли автора – составителя рекламного текста вообще и в форме ЭТ в частности. От уровня его мастерства, профессионализма, коммуникативной компетенции, включая речевую ее составляющую, напрямую зависит степень эффективности коммуникации. Глубокая заинтересованность в успешном результате (включая

факторы материального вознаграждения, удовлетворения амбициозных поведенческих установок, личностного роста и пр.) является стимулом для авторов (как правило, ими являются специалисты по связям с общественностью) к созданию устойчивой мотивации в процессе работы над текстом. Все это способствует появлению в сфере современной массовой коммуникации достаточно качественной текстовой продукции, к одному из видов которой как раз и можно отнести рекламные тексты, имеющие эпистолярную форму.

Работа с письменными текстами масс-медиа предъявляет к их создателям повышенные требования в области владения графической и пунктуационно-орфографической системами языка, а также грамматическими и стилистическими нормами. В письменном тексте находят воплощение более сложные формы мышления, отражаемые в более сложных языковых формах. Отсюда – повышенная требовательность к уровню языковой компетенции автора. Парадоксально, что зачастую даже случаи сохранения ошибочной авторской пунктуации и орфографии расцениваются адресатами текста положительно: эти

ошибки, по их мнению, свидетельствуют об известной степени истинности и достоверности текста, делают текст «более личным», способствуют «интимизации» общения. Технические погрешности и опечатки, наоборот, воспринимаются адресатами крайне негативно, поскольку расцениваются как факт пренебрежительного отношения к ним.

Таким образом, эпистолярный рекламный дискурс является «молодой» разновидностью эпистолярного дискурса, вызванной к жизни определенными общественными, историческими и культурными особенностями развития социума. Исследование рекламного эпистолярия в синхронном срезе представляется чрезвычайно интересным и актуальным в плане постижения глубинных закономерностей функционирования как аутентичного, так и стилистически обработанного ЭТ. Анализ данного типа неаутентичного ЭТ открывает новые перспективы исследований ЭД как особой коммуникативной практики, а изучение эпистолярия в аспекте его стилистических особенностей – широкие возможности в исследовании специфики функционирования жанрово-стилистической системы языка как в синхронии, так и в диахронии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Курьянович А. В.** Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 2013.
2. **Липатова В. Ю.** Реклама // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской, А. К. Михальской. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 183–184.
3. **Фещенко Л. Г.** Структура рекламного текста. – СПб.: Изд-во Петербургского института печати, 2003. – 232 с.
4. **Кохтев Н. Н.** Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2004. – 96 с.
5. **Кара-Мурза Е. С.** Реклама: жанр, функциональный стиль, дискурс? // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. проф. М. П. Котюровой. – Выпуск 14. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2010. – С. 220–232.
6. **Ученова В. В., Старых Н. В.** История рекламы: учебник. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 495 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.20)

Kurjanovich Anna Vladimirovna, Candidate of Philology Sciences,
Associate Professor of the Department of Modern Russian
Language and Style of History and Philology, Tomsk State
Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

EPISTOLARY IN ADVERTISING COMMUNICATION: THE QUESTION OF STYLISTIC TRANSFORMATION GENRE

Abstract

Article is devoted to the genre and stylistic analysis of modern epistolary texts involved in the sphere of commercial, social and political advertising. Purpose of the article – to reveal the universal property of the epistolary genre, capable of virtue and polydiskursivity polyfunctionality move from one sphere of communication to another, from one style to another. In line with the approach indicated distinguished authentic (owned by the original genetically spoken communication) and inauthentic (operating in other areas of interpersonal interaction) epistolary texts. Advertising works with the format of letters have specific structural, typological, functional and pragmatic qualities, appearance is due to the union organization in the stylistic texts began several styles. Letter qualifies as a stable functional stylistic variety epistolary Amenable stylistic modifications, but at the same time preserving their invariant features.

Keywords

the text, epistolary the text, advertising text, sphere of the communications, genre, style, discours.

REFERENCES

1. Kurjanovich A. V. *The dynamics of the genre and stylistic features of Russian epistolary discourse media elite type of oral cultures (Ages XX–XXI)*. Abstract Dr. phil. Sci. Diss. Tomsk, 2013. 39 p. (In Russian)
2. Lipatova V. Yu. *Advertising. Pedagogical rechevedenie: the dictionary-directory*. (ed.) T.A. Ladyzhenskoy, A.K. Mikhalskoy. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ, 1998, pp. 183–184. (In Russian)
3. Feshchenko L. G. *Structure of the advertising text*. St. Petersburg: Petersburg Institute of a Seal Publ., 2003. 232 p. (In Russian)
4. Kokhtev N. N. *Advertising: art of a word. The recommendations for the composers of the advertising texts. The edition 2*. Moscow: Moscow State University Publ., 2004. 96 p. (In Russian)
5. Kara-Murza E. S. *Advertising: a genre, functional style, discours? Stereotipnost' and creativity in the text: the interuniversity collection of the proceedings*. (ed.) M. P. Kotyurovoy. Perm: Perm State University Publ., 2010, no. 14, pp. 220–232. (In Russian)
6. Uchenova V. V., Starych N. V. *History of advertising: the tutorial*. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2012. 495 p. (In Russian)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

FOR AUTHORS. THE INFORMATION ABOUT THE ORDER OF PUBLICATION OF ARTICLE

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country, and also UDC;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

the abstract (100–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

the references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

Accompanying documents to article:

the original of the developed review of the directing organization / the research supervisor / expert in a publication subject (with the signature and the press);

author's license contract.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>